

Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД**

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	III
С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири.....	3
А. И. Андреев. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири	57
Автобиография Г. Ф. Миллера	145
Предисловие Г. Ф. Миллера к русскому переводу «Истории Сибири».....	157
Г. Ф. Миллер. История Сибири	167
Глава 1. События древнейших времен до русского владычества	169
Глава 2. Открытие Сибири и начало завоевания ее донскими казаками	202
Глава 3. Присоединение Сибири к Московскому государству.....	237
Глава 4. Строение городов Тюмени, Тобольска, Лозвы, Целима, Березова, Сургута, Тары и окончательное изгнание хана Кучума из Сибири.	272
Глава 5. Строение городов и острогов Нарыма, Кетска, Верхотурья, Туринска, Ман- газеи, Томска и Кузнецка и о некоторых древнейших событиях тех мест	301
Из послесловия к немецкому тексту «Истории Сибири».....	326
Список трудов иностранных авторов, на которых ссылается Г. Ф. Миллер в I томе ..	327
Приложения к «Истории Сибири»	329
Грамоты 1556—1635 гг. (№№ 1—102)	331
Инструкция, данная Академией Г. Ф. Миллеру при отправлении в сибирское путеше- ствие	460
Отзыв академического советника Шумахера о предисловии Г. Ф. Миллера к I тому «Истории Сибири».....	462
Посвящение и предисловие к 1-му русскому изданию «Истории Сибири», составленные академическим советником Шумахером и напечатанные вместо предложенного авто- ром	463
Примечания к тексту «Истории Сибири» и к приложениям	467
Г. Ф. Миллер. Статьи о сибирских древностях	509
1. О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абакан- ского и Саянского острогов	511
2. О древних памятниках в уездах Селенгинском и Нерчинском	513
3. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных.	520
4. О сибирских писаных камнях	526
Н. А. Бакланова и А. И. Андреев. Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленин- градских архивах и библиотеках	541
К. Н. Сербина. Замечания к историко-географической карте Сибири	571
Список иллюстраций	575
Указатели	
Именной.....	577
Географический	593

Глава первая

СОБЫТИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

§ 1. Сибирь стала известна России, не говоря уже о других европейских странах, не более 200 лет тому назад. Жители Сибири с древнейших времен больше старались прославить себя оружием, нежели описанием своих деяний. В ней не процветали ни науки, ни искусства, да и умение писать большую частью было мало распространено. Поэтому легко рассудить, что о древнейших событиях этой громадной азиатской страны трудно рассказать много достоверного или основанного на неопровергимых фактах.

§ 2. Писатели, которые для исторических доказательств довольствуются только сходством имен, приписывают сибирским народам большой возраст и происхождение от глубокой древности, производя название реки Тобола и главного города Сибири Тобольска от Тубал Кайна и от тобелов, а имя Сибири от тибаренцов и иберов.¹ Предоставим подобные предположения их создателям, не разделяя их мнение. Если до сих пор, несмотря на большой положенный труд, нельзя было пролить полный свет на происхождение и древнейшую историю самых известных народов Европы, то можно ли надеяться достигнуть этого в отношении столь отдаленной страны, о которой сохранилось еще меньше исторических источников, причем нельзя рассчитывать на их пополнение.

§ 3. Главнейшим народом Сибири являются татары, которые живут в южных местностях по рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи и Енисею и лежащих между ними степях. Хотя история татарского народа относит начало его к таким далеким временам, какими не может похвальиться ни один из европейских народов, но нужно признать, что древнейшие события ее основываются на недостоверных и басноподобных рассказах, ходивших в народе, и что настоящая достоверная история татар начинается только со времен великого Чингис-хана, который в начале XIII столетия после Р. Х. народ, пребывавший до тех пор во тьме, вывел на свет.²

¹ Chr. Schoetgen. *De Tobolensis originibus*. Dresdae, 1729. 4°.

² Abulgasi Bahadur Chan, *Hist. généalogique des Tatars. Petis de la Croix, Histoire du Grand Genghis Chan. Негебелот, слово Genghis Chan. P. Gaubil, Hist. de Gentchiscan. Mosheim, Hist. Eccles. Tartar.*

§ 4. Древности, находимые в большом количестве в южных местностях Сибири, являются доказательством того, что история Чингис-хана и некоторых его преемников имеет ближайшее отношение к истории Сибири. По этим древностям можно вывести ясное заключение, что хотя названные местности не являлись главной территорией царства, но все же составляли немалую часть его, и что тут жили многие принадлежащие к нему могущественные поколения. Сколько видно в разных местах в степях остатков древних укреплений, какая масса каменных памятников, болванов, старинных могил и разных принадлежащих им предметов встречается во всех этих местах. Каких только драгоценностей из золота и серебра ни было во всех этих могилах. Кому же другим могли принадлежать эти богатства, как не древним татарам, которым, как известно, достались в добычу все сокровища Китая, Персии, России, Польши, Богемии и Венгрии. Однако, чтобы избежать излишних подробностей и не повторять напрасно уже имеющегося в печатных трудах, я намерен привести здесь лишь то, что к изъяснению татарской истории стало мне известно благодаря моим собственным розысканиям.

§ 5. По рассказам монголов, Чингис-хан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Курилуме, впадающей в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингис-хан иногда доходил со своим кочевьем до озера Байкала. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе на острове Ольхоне, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкала и на острове Ольхоне, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингис-хана весьма вероятным, так как первые завоеванные Чингис-ханом земли — Китай и Тангут — лежат поблизости. Бедность тамошних древних могил указывает, что прежние обитатели этой страны жили очень просто и находились в почти полном неведении того, что такое сокровища и драгоценности, но как только достались им такие богатства из Китая и Тангута, они распространили свои жилища далее к западу.

*§ 6. Как известно, Чингис был монгольского происхождения. Он соединил под своей властью два народа — монголов и татар, а потому нет ничего удивительного, что в истории монголов также упоминается о нем. Один монгольский ученый духовного звания передавал мне рассказ о начале владения Чингиса, заимствованный из тангутских и монгольских книг. Этот рассказ кажется баснословным и не похож на то, что сообщает татарская история, а также на то, что стало нам известно благодаря иезуиту Гобилю из китайских летописцев. Так как этот рассказ еще не опубликован, то я изложу его кратко. Монголы рассказывают, что некогда жил хан, которого по-тангутски звали Галдан-Дугер-хаган, а по-монгольски Бадарингой Цаган-Тынгыри. Он заболел опасной болезнью и стал призывать к себе на помощь бога Шигимуни, который и явился ему в виде златного ламы и сказал: «Болезнь пришла к тебе оттого, что ты не признаешь

бога, данный им закон не выполняешь, духовного чина людей не уважаешь и их проповедями пренебрегаешь. Но если ты изменишь свой образ жизни, признаешь бога, будешь ему молиться, следовать его законам, почитать духовный чин и посвятишь своего сына и девять знатнейших придворных в духовный чин, то опять станешь здоров». После этого хан приказал своему

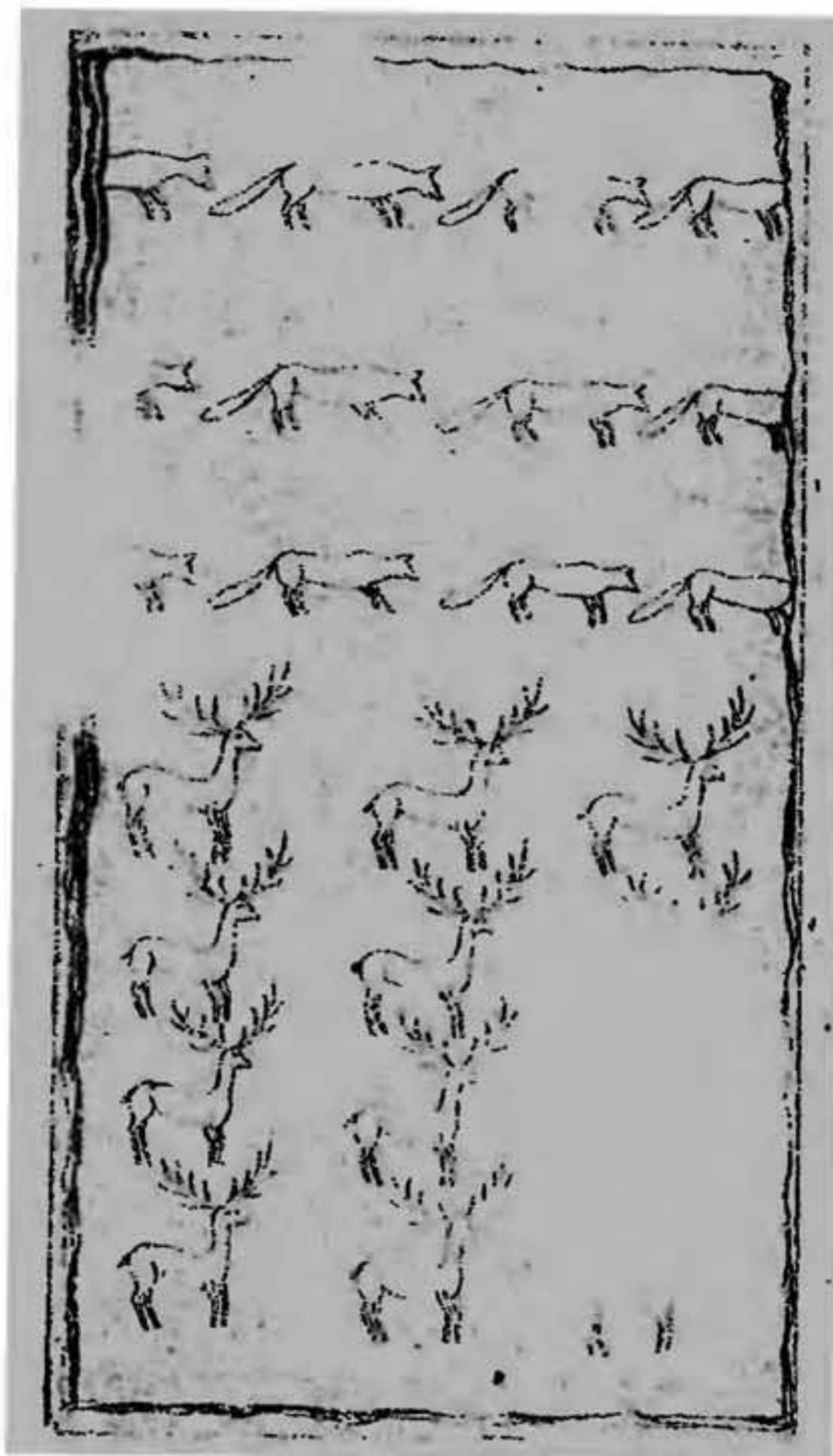

Рис. 16. Могильный камень с изображением
фигур животных.
(Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 29/49).

сыну и девяти знатнейшим придворным исполнить волю бога и принять духовный сан. Это требование им было не по душе, и потому они убежали и поселились в отдаленном месте, где их повелитель не мог их разыскать. Народы, которые им встречались по пути, подчинялись им. Из-за происходивших между ними споров скоро почувствовали они необходимость иметь кого-нибудь начальником и согласились на том, чтобы сына прежнего хана избрать в ханы. Издавна было принято вновь избранному хану давать новое имя. На этом основании девять знатных придворных держали совет, как

им назвать своего первого хана. В это время прилетела маленькая птичка, которая опустилась вблизи собравшихся и ясным голосом чирикала: «Чингис, чингис». Тотчас же единогласно решили они имя, названное птицей, дать новому хану. Прежнее имя Чингиса, которое он имел когда жил у своего отца, по тем же монгольским известиям, было Сотубогдо, девять же знатных придворных назывались так: 1) Сульдузун-торгун-шара, 2) Дзалирте-куа-мохоли, 3) Зуа-мирген, 4) Кулу-борджи, 5) Уриану-дзальма, 6) Бозогон-дзац, 7) Кара-кирго, 8) Борогол, 9) Шингун-кутухту.

* § 7. Известно, как рассказывает Абулгази о смерти Чингиса: ¹ по его словам, она последовала на обратном пути из Тангута, после того, как он победил им же самим поставленного, но восставшего против него правителя по имени Шидурку. Монгольские же летописи сообщают об этом совсем другие сведения. Гаудурга, как пишут они, был тогда ханом в Тангуте, на него напал Чингис с целью похитить одну из его жен, о красоте которой он много слышал. Чингису посчастливилось получить желаемую добычу. На обратном пути, во время ночной стоянки на берегу большой реки, которая является границей между Тангутом, Китаем и Монгольской землей и которая через Китай течет в океан, он был убит во время сна своей новой женой, заколовшей его острыми ножницами. Убийца знала, что за свой поступок она получит возмездие от народа. Она предупредила грозившее ей наказание тем, что сразу же после совершенного убийства бросилась в вышеназванную реку и там покончила свою жизнь. В память о ней эта река, которая называлась по-китайски Гоан-то, получила монгольское название Хатун-гол, то есть женская река. Степь при Хатун-голе, в которой погребен этот великий татарский государь и основатель одного из самых больших царств, носит монгольское название Нурун-талла. Но неизвестно, погребали ли там и других татарских или монгольских государей из рода Чингиса, как рассказывает Абулгази об урочище Бурханкалдин. ²

§ 8. Равным образом татарская и монгольская история не во всем сходятся относительно ханов обоих народов, которые были после смерти Чингиса. Татарская история рассказывает прежде всего о четырех сыновьях Чингиса: Джучи, Чагатае, Угадае и Таулае. Первый из них еще при жизни отца поселился в местности по реке Волге и Дону, которая тогда называлась по-татарски Даште-кипцак, и умер незадолго до своего отца. Другой получил себе в наследство так называемую Большую и Малую Бухарию. Третий по настоящему отца наследовал государство монгольское и татарское и четвертый, ничем ненаделенный, остался жить при дворе своего брата. По смерти Угадая ему наследовал его сын Хайюк, за ним сын Таулая Мангу, затем Коблай — брат Мангу, по смерти которого монархия разделилась на отдельные небольшие владения.

* § 9. Последние три хана стали особенно известны благодаря европейским путешественникам — проповедникам римской церкви и послам

¹ Hist. généal. des Tatars, p. 318 и сл.

² Назв. соч., стр. 344.

Жану Плано Карпини, Гильому Рубруквису и Марко Поло, венецианцу, которые в 1246, 1253 и 1272 гг. были отправлены римским папой Иннокентием IV, Людовиком IX, королем Франции и после смерти папы Клиmenta IV Ravеннским легатом, и довольно подробно описали свои путешествия.¹ Но нужно при этом заметить, что пройденный ими путь не был ими описан обстоятельно, и те, которые хотят по их рассказам определить настоящее местожительство татарских ханов, обманутся в своих надеждах.

§ 10. Монгольская история совсем не упоминает о двух первых сыновьях Чингиса, как об удельных князьях, не участвовавших в государственном управлении монголами. Что же касается остальных, то в одной монгольской рукописи приводятся их имена со следующими подробностями: Эгеде-хан, сын Чингиса, правил 6 лет; его сын Хуюк-хан 6 месяцев. Теле-едзинг был старшим братом Чингиса, он имел сына, который под именем Менке-хана вступил после Хуюка во владение и правил 9 лет. После его смерти его преемником был его сын Хоболай Цецен-хан, правивший 36 лет и умерший 82 лет от роду. Легко распознать монгольское начертание приводимых здесь имен, в особенности при сравнении их с татарскими, а в отношении хронологии, по сравнению ее с данными Абулгази, тоже не встречается каких-либо особых трудностей. Различие, на которое надо обратить внимание, заключается в том, что о происхождении Таулая и Хоблая в монгольской истории рассказывается иначе, чем в татарской, и в этом первая, без сомнения, дает ошибочные сведения, так как китайские известия, приводимые патером Гобилем, совпадают с татарскими.

§ 11. Хоболай или Коблай-хан известен у монголов тем, что вместо прежнего идолопоклонства ввел истинный, по их мнению, закон божий, т. е. религию Далай-ламы. По свидетельству их летописцев, он был так милостив к ламам, что если кто из них совершил преступление, он не наказывал его. Коблай имел очень набожную жену по имени Дзамо, советуясь с которой, он решал все светские и духовные дела. Необходимо отметить также, что магометане и христиане прославляют этого хана за его хорошее отношение к их вере. Гербело,² со слов персидского историка Кондемира, рассказывает, что Коблай относился благосклонно к ученым всех национальностей и вероисповеданий, оказывал им милости, предоставлял всевозможные права и освобождал от всяких налогов. Об его склонности к принятию христианской веры и наставлению в ней его подданных пишет Марко Поло.³

§ 12. Ни татарская, ни монгольская история не упоминают после смерти Коблая ни одного равного ему государя. Он прославился тем, что благополучно завершил завоевание Китая, начатое Чингисом. Этую страну, с избытком одаренную всеми богатствами природы, победитель предпочел

¹ См. описания их путешествий в *Recueil des Voyages en Tartarie, par van der Aa. Leide 1729.* 42.

² В его словаре, под словом «Gobla».

³ *De regionibus orient., lib. I, cap. 4. — Haitho Armen, Hist. Orient, p. 19,* делает из него настоящего христианина.

своему прежнему местожительству. Там он сделался родоначальником новой династии, носящей в китайской истории, к которой это событие естественно относится, название Юеновой.¹ Земля же монголов и татар была разделена его родичами на несколько небольших владений, в которых произошло мало достопамятного, кроме того, что самые могущественные потомки Чингис-хана поселились на реке Волге и известны в России под именем Золотой Орды. Благодаря своему соседству и частым набегам на русские владения Золотая Орда имеет, однако, большее значение в общерусской, чем в сибирской истории.

§ 13. Переселением Коблая в Китай и перенесением туда центра Татарской державы можно объяснить один рассказ татар, живущих у реки Иртыша. Они утверждают, что тамошние места в Сибири были заселены прежде китайцами, которые их затем покинули, чтобы вернуться на места теперешних своих поселений. Хотя Страленберг² пишет, что в примечаниях к труду Пти де-ла-Круа *Histoire du Genghis Chan* находим, будто китайцы когда-то посыпали переселенцев в Татарию, но я не могу припомнить, в каком месте упомянутой книги об этом говорится. Но даже если бы было написано так, как говорит Страленберг, то для подтверждения этого факта необходимо привести больше доказательств и нельзя ограничиться только простым заявлением. Так как название Татария присваивается территории значительно большей, чем Сибирь, то следовало бы еще доказать, в каком месте Татарии образовались эти китайские поселения. В Китае все земли, лежащие за стеной, носили общее название Татарии; поэтому можно предполагать, что здесь разумеется построение городов на границе Леаотонга, Даурии и Монголии, примеры чего имеются уже в древнейшие времена.

§ 14. Одно только ясно, что ни на основании китайской, ни на основании татарской историй не удается когда-либо доказать, что Сибирь была заселена китайцами. Хотя китайская история у нас достаточно изучена, в ней нет никаких известий, которые говорили бы об этом особенном обстоятельстве. Если бы в китайских сочинениях что-либо было написано об этом, чего до сих пор не знают в Европе, то, несомненно, китайцы в повейшее время, при своих часто непомерных требованиях по отношению к России, о том не умолчали бы. Между тем, приведенный выше рассказ послужил поводом к тому, что стали передавать, будто китайское посольство, проезжавшее в 1712 г. через Сибирь, просило в Енисейске о разрешении посетить в Красноярском уезде могилы своих предков.³ Это сообщение ни на чем не основано, и в напечатанном дневнике этого посольства⁴ ни слова не упоминается о такой просьбе, хотя там приведены некоторые другие разговоры, которые вели послы с должностными лицами русских городов. Можно думать, что под предками послов нужно подразумевать не китай-

¹ Du Halde. *Description de la Chine*, t. I, p. 437.

² Предисловие к его труду о великой Татарии и Сибири, Стокгольм, 1726, 4°, стр. 11.

³ Strahlenberg. *Das nord- und östliche Theil von Europa u. Asia*, S. 357.

⁴ Societ. *Observations Mathématiques, Astronomiques, Physiques etc.*, t. I.

цев, а скорее монголов; по крайней мере, главный посол Тулишен был монгольского происхождения.

* § 15. Кроме того, вышеприведенный рассказ соединен еще с такими обстоятельствами, которым могут поверить только самые несведущие люди, что еще более подтверждает его неосновательность. В нем говорится, что в начале Сибирь будто бы представляла голую степь без лесу, что в то время, как ее населяли китайцы, в разных местах стал мало-по-малу появляться лес, народ будто бы испугался того, что из земли вырастают как бы рога, и это-то послужило поводом к обратному переселению в Китай. Такой рассказ можно и сейчас еще услышать от тобольских татар, причем в доказательство его правдивости они приводят то, что между реками Иртышом и Тоболом в разных местах до сих пор сохранились остатки прежних укреплений и земляных валов, сплошь заросшие густым и высоким лесом. Но я не думаю, чтобы это могло служить к подтверждению приведенного рассказа. Со времени ухода Коблай из Сибири прошло почти 500 лет. За такой большой промежуток времени на безлесных пространствах, конечно, легко мог вырасти лес, и нет надобности объяснять его происхождение таким странным образом.¹

§ 16. По недостатку известий мы не можем сказать, как далеко в Сибири распространялась власть монгольских и татарских ханов, но можно сделать вероятное предположение, что они не упускали случая заставлять платить себе дань не только монгольские и татарские роды, но и прочие пограничные с ними народы, Абулгази рассказывает это про киргизов,² живших тогда в Сибири, на верхнем течении Енисея. Чингис потребовал от киргизского хана Урус-Инала подчиниться, и последний добровольно согласился на это, причем послал Чингису в подарок птицу, которая по-татарски называется шунгар, а по-русски кречет.³

§ 17. Можно заметить при этом, что прежнее место жительства киргизов отличается от того, которое они имели в русские времена. Абулгази⁴ помещает их недалеко от реки Икара или Икран-Мурата, в которую впа-

¹ Содержание этого рассказа приводится также в «ведомости», которая, на основании татарских и бухарских рассказов, была составлена в 1670 г. по приказу тогдашнего тобольского воевода Петра Ивановича Годунова. В те времена часто отправлялись из Сибири в Китай, через калмыцкие и монгольские степи, татарские и бухарские торговые караваны. Воевода Годунов приказал расспрашивать торговых людей этих караванов о новом и неведомом тогда Китайском государстве; собирая эти сведения, одновременно получили от тех же торговых людей разные известия о прежнем состоянии Сибири.

² Hist. général des Tatars, part. II, cap. VIII, p. 100 и part. III, cap. VIII, p. 205.

³ Эту птицу в одном месте Абулгази описывает, как совсем белую с красными глазами, красным клювом и красными ногами; в другом же месте у него говорится, что и голова у нее тоже красная. Известно, что кречет к старости иногда меняет свои серые перья на белые, но среди этих птиц не встречаются с красными глазами, глаза у них всегда черные; что касается клюва и ног, то они тоже не красные, а обычно бывают серые и несколько голубоватые; голова у кречета того же цвета, как перья па спине и крыльях. Эта птица из породыловчиков, употребляемых для охоты.

⁴ Назв. соч., part. II, cap. IX, p. 106; ср. cap. X, p. 113.

дают восемь рек. Про реку Икран-Муран он рассказывает, что она очень большая и впадает в океан, недалеко от ее устья находится будто бы большой город Алакчин, название которого означает пестрый или пегий, так как у жителей города нет никаких других лошадей, кроме пегих. Этому городу подчинялось много других меньших городов. Вся местность там очень богата скотом, а лошади там обладают удивительной величиной и т. д. Кроме того, там имеются богатые серебряные рудники, и жители города не употребляют никаких других сосудов, кроме серебряных. Не бесполезно будет в дальнейшем попытаться выяснить, какая же река, собственно говоря, подразумевается под названием Икран-Мурана.

§ 18. Автор примерений к труду Абулгази весьма облегчает себе эту задачу, говоря, что по-русски эта река называется теперь Енисеем; к этому выводу его привели, по всей видимости, известия о прежних поселениях киргизов в Красноярских степях по реке Енисею. Другое предположение высказывает Страленберг,¹ основываясь на вышеприведенных известиях о серебряных рудниках у города Алакцина: так как в новейшее время открыты старинные серебряные рудники недалеко от реки Аргуни, то, следовательно, и упомянутый город Алакчин находился около этой реки. В своих предположениях он идет еще дальше и считает город Алакчин тождественным с остатками описанного Избранцем Идесом² города Таймингцина, в доказательство чего Страленберг приводит одинаковое значение названий, так как, по его словам, тайминг по-татарски и алак по-монгольски одно и то же, и что это название будто бы происходит от того, что в этой местности водились дикие пегие ослы или лошади. Вследствие этого он на своей карте провел реку Алакчин, которая с западной стороны впадает в реку Аргунь, а при истоках реки Алакцина отметил гору под тем же названием.

§ 19. Но с этими предположениями нельзя согласиться, и они не имеют основания, если принять, во-первых, во внимание, что изобильные, густо населенные и богатые скотом местности города Алакцина никак не могли находиться в устье Енисея. Отсюда очевидно, как неосновательно и другое заключение, что найденные в окрестностях реки Аргуни старинные серебряные рудники — те же самые, которые находились около города Алакцина. Если принять также во внимание, насколько далеко описанная Избранцом местность города Таймингцина лежит от Аргунских серебряных рудников и что там не протекает не только большой реки, но даже маленького ручейка, то будет совершенно ясно, как мало сходно все это с описанием города Алакцина, про который определенно говорится, что он стоял при большой реке Икар-Муране. К этому надо прибавить, что сходство названий «алак» и «тайминг» также неверно, так как пестрый или пегий не только по-монгольски, но и по-татарски «алак», но выговаривается на последнем больше как ала, а слово «тайминг» ни в одном из этих языков

¹ Das nord- u. östliche Theil von Europa u. Asia, S. 235.

² Описание его путешествия в Китай, гл. 12, в Voyages du Nord, t. VIII, p. 107 и сл.

Рис. 5. Город Кизыл-тура.
(Ремезовская летопись, ст. 16.)

не употребляется. Из описания, которое Избранд дает Таймилгчину, ясно видно, что это, собственно говоря, был не город, а только местопребывания жрецов религии Далай-ламы, так же как и встречающийся на том же пути город Бурхан-Хотон, название которого указывает на то же самое. Наконец, сведения о диких пегих лошадях или ослах ни на чем не основаны: в этих местностях нет других диких лошадиных пород, кроме называемой по-монгольски «чигитай», а они обычно гнедые. Что же касается показанной на карте Страленберга реки и горы Алакчин, то их название никогда никто не слышал в тех местах. Это я могу засвидетельствовать на основании моих собственных разысканий, так как, в бытность мою на Аргуни, я много раз об этом расспрашивал местных жителей.

§ 20. Но чтобы ближе подойти к нашей цели, необходимо, в дополнение к прежним данным, привлечь также некоторые другие. Абулгази совершенно правильно говорит,¹ что монголы каждую большую реку называют «муран»; это хорошо было известно католическим миссионерам,² и поэтому на своих картах монгольских земель³ к названиям многих рек они прибавляли слово «муран». Но Страленберг заблуждается, когда он пишет про реку Амур, будто у калмыков и монголов она называется «муран». Но как же все это объяснить, если «муран» считать именем собственным, а не нарицательным? Неужели Абулгази ошибался в этом вопросе? Или же географические карты Китая, составленные иезуитами, вводят нас здесь в заблуждение? Точно также ошибается Страленберг и дальше, когда он ссылается на Андрея Мюллера,⁴ который то же самое будто бы говорил о реке Кара-Муран. Но под Кара-Муршом Мюллер разумел китайскую реку Гоан-го, и в этом он следовал Марку Поло, автору, нуждающемуся в очень больших поправках, так как он нередко основывался на неверных и неправильно понятых рассказах. Что монголы действительно так называли Амур, подтвердили мне нерчинские тунгусы, которые, по их словам, часто слышали от своих родителей название Хара или Кара-Муран, причем последнее слово они выговаривали «мурум». Это название тунгусы могли заимствовать только от монголов, так как на своем языке они называют Амур Шилкиром. Между названиями «Кара» и «Икар» есть большое сходство, причем при неоднократном переписывании истории Абулгази легко могла вкрасться ошибка в эти названия. Кроме того, Абулгази полагает, что река Селенга находится недалеко от Икар-Мурана, и что киргизы жили между этими двумя реками. По моему, это является достаточным доказательством того, что Абулгази имеет здесь в виду не какую-либо другую реку, как Амур с впадающими в нее притоками.

¹ Назв. соч., р. 113.

² Du Halde. *Explication des mots chinois et tatares* — в конце первой части «Description de la Chine», под словом «mouren».

³ См. карты, приложенные к труду Дюгальда.

⁴ Предисловие, стр. 20.

§ 21. Но несмотря на это рассказ Абулгази об Алакчине я все же не могу считать достоверным. Нельзя, конечно, отрицать, что в те времена, когда Россия уже владела Амуром, были обнаружены на нем остатки древних погибших и разрушенных городов. Но их находим, главным образом, в местностях по среднему течению реки, но не вблизи ее устья, где земля не обладает качествами, способствующими устройству больших городов, и менее всего служит для разведения в больших размерах скота. Старинные географические описания и рассказы путешественников содержат обычно много сказочного об отдаленных землях. Описание богатств Алакчина весьма похоже на сказку, а рассказ о пегих лошадях настолько противоречит природе, что уже по одному этому надо было бы считать Алакчин единственным местом в мире, где происходят такие чудеса. Из слов самого Абулгази¹ видно, что главным источником его описания являются рассказы узбеков о некоем народе, который пользовался сосудами исключительно из золота и серебра и у которого все лошади были пегими, но, как добавляет Абулгази, узбеки и сами не могли назвать то место в мире, где жил этот народ.

§ 22. Ко всему остальному, что рассказывает далее татарская история об Алакчине, необходимо относиться таким же образом. Абулгази² говорит: по смерти Чингис-хана земля киргизов досталась по наследству его младшему сыну Таулаю, после которого управляла государством благороднейшая его супруга и вдова Сиурхонтибеги, как единственная мать всех его детей. Она старалась собрать обстоятельные сведения об Алакчине и тамошних местах. Для этого она отправила трех знатных слуг с тысячью человек отборных людей с приказанием силою подчинить себе жителей города, в противном же случае хотя бы доставить точные сведения о настоящем положении страны. По прошествии немалого времени вернулись назад около 300 человек, оставшихся из тысячи, и они будто бы заявили, что все рассказы об Алакчине — сущая правда. Но воздух там настолько нездоровий, что во время пути они потеряли большую часть людей. Они будто бы на самом деле нашли много серебра, которым могли бы нагрузить свои суда, но так как на обратном пути должны были ехать вверх по реке, то, из-за отсутствия достаточного количества людей, приуждены были выбросить все за борт. Этот случай с выбрасыванием серебра взвуждает опять-таки немалое подозрение, не говоря уже о том, что если Алакчин стоял при реке Амуре, тамошняя местность ни в коем случае не может считаться нездоровой.

§ 23. Предыдущий рассказ привел нас опять к киргизам, которые дали нам повод к исследованию о реке Икаре. Мы видели, в каком месте этот народ в те далекие времена имел свои жилища. Из этого ясно, что составитель примечаний к Абулгази³ заблуждался, когда древние их кочевья не

¹ Part. II, с. IX, р. 110.

² Назв. соч., р. 11.

³ Р. 99.

отличал от новых. На основании того, что он считает Икар-Муран Енисеем, автор помещает киргизов в местности между Селенгой и Енисеем. Но это не подтверждается никакими историческими данными, к тому же и направление обеих рек не подходит для того, чтобы между ними можно было поместить местожительство какого-либо дикого народа. Я уже сказал выше,¹ что киргизы в более поздние времена, а именно когда Россия стала владеть Сибирью, жили по верхнему течению реки Енисея. Я имею в виду местность Красноярского уезда около Саянских гор. О времени же их переселения туда татарская история ничего не говорит.

* § 24. Другой сибирский народ, о котором упоминает Абулгази,² были теленгуты, из которых некоторые до сих пор живут в Томском и Кузнецком уездах. Абулгази причисляет их к уйрятам или калмыкам. Действительно, в старину они жили вместе с ними; на этом основании те из них, которые сейчас находятся под русской властью, называются в русских приказных делах белыми калмыками. Слово «белые» показывает их отличие от прочих, так наз. черных, калмыков, так как они лицом белее и больше походят на татар. Кроме того, они говорят по-татарски, и мне кажется, что на этих двух основаниях их можно, вопреки мнению Абулгази, скорее считать татарами, чем калмыками.

* § 25. Уйряты или собственно калмыки, по рассказу Абулгази,³ во времена Чингиса жили там, где в реку Икар-Муран впадали 8 рек. Их предводителем был Тохабеги хан, который со своими двумя сыновьями Иналци и Тауранди в течении долгого времени оказывал сопротивление Чингисхану, но так как они, наконец, были им побеждены, то с тех пор уйряты должны были признать над собой власть монголов. Если кто-нибудь сомневается в том, что под именем уйрятов подразумеваются калмыки, для тех доказательством должно служить то, что качинские, сагайские и прочие татары Красноярского и Кузнецкого уездов называют калмыков уйрятами. Слово калмыки татарское и произносится на этом языке «калмаю». Но это слово употребляется только теми татарами, которые живут от Волги до Оби, тогда как прочие татары узнали его только из сношений с русскими.

* § 26. Так как в истории Сибири о калмыках будет часто итти речь, необходимо теперь же сказать несколько слов об этом народе. Калмыки делятся на четыре поколения, которые на их языке называются «дорбон-элют». «Дорбон» означает на калмыцком языке четыре, «элют» — общее наименование народа, а также знатнейшего из четырех поколений. Если иметь в виду первое значение, то между элютами и уйрятами Абулгази нет никакой разницы. Второе же значение этого слова дает возможность выяснить «элутов», о которых часто говорится в китайской истории. Среди элутов джунгар было родовое имя правившей фамилии, которая продвигала еще несколько лет тому назад, и по ее имени русские называли этот

¹ § 18.

² Part. II, cap. X, p. 114.

³ Назв. соч., р. 113.

народ джунгарскими или зепгорскими калмыками. Их земля, которая в большей своей части подчинена теперь китайцам, находилась между Великой и Малой Бухарой, Алтайскими горами и страною монголов. Малая Бухара сама платила дань этим элютам. Второе поколение составляли буряты, название которых имеет еще большее, чем первое, сходство с уйрятами Абулгази. Русские называли их братскими; находясь под русской властью, они живут по обеим сторонам озера Байкала в Иркутском и Селенгинском уездах. По сохранившемуся у них преданию, «Элют» и «Бурят» были родные братья, которые поссорились из-за кобылы, почему Бурят со своими людьми должен был переселиться к озеру Байкалу. Хошоты — третье поколение, частью подчинились джунгарам, и жили среди них и прочих элютов, частью же обитали в Тангутской земле и на границах Китая, в области озера Коконора. Наконец, тергеты или торгоуты составляли четвертое поколение: это калмыки, которые подчинились русским, занимают теперь оба берега Волги между Астраханью и Царицыным и кочуют в степях между Яиком и Доном. Абулгази¹ говорит, что тергеты составляют особое поколение, ведущее свое происхождение от уйрятов. В состав этих четырех поколений входит много отдельных родов. После того как окончательно распалась великая Татарская держава Чингис-хана, калмыки разделились почти на столько же мелких владений, сколько было между ними родов. Кочевья их раскинулись на далеком пространстве, и они часто вели между собой войны и иногда очень беспокоили своих соседей. В таком состоянии застало их завоевание Сибири.

* § 27. По своему языку и другим родственным связям калмыки являются монголами, хотя они несколько, может быть, отличаются от своих предков, которые создавали некогда царство великого Чингис-хана. Абулгази приводит некоторые слова из старого монгольского языка, которые в теперешнем монгольском языке не находят объяснения. В этом нет, конечно, ничего удивительного, так как и в языке самых культурных народов Европы наблюдается то же самое. Крупные перемены в жизни отдельных государств нередко оказывали большое влияние на их язык. Где же могли происходить подобные явления чаще и в большем размере, как не в тех областях, которые входили в состав владений великого Чингис-хана? Если мы вспомним, что монголы и татары составляли первоначально один и тот же народ, то, конечно, в языке их в это время не было никакого различия, но оно появилось позже, причем различие между языками все увеличивалось. пока, наконец, первоначальный общий язык стал непонятен обоим народам. Я должен привести еще кое-какие данные о монголах, в частности, относительно некоторых их родов, которые живут в Сибири в Селенгинском и Нерчинском уездах.

* § 28. После того, как Коблай, последний монгольский государь, который владел южными областями Сибири, выбрал местом своего пребывания Китай,

¹ Р. 113.

земля монголов стала рассматриваться, как китайская провинция, причем в ней передко происходили волнения. Родичи царствующей фамилии восставали против своих далеких повелителей в Китае в надежде создать среди монголов новое государство, которое было бы независимо от главной монархии.¹ Поэтому в стране монголов почти постоянно стояло сильное китайское войско. Некоторые китайские ханы, происходившие из монголов, нередко делали верных им родственников своими наместниками у монголов,² чтобы вернее и лучше удержать недовольных в повиновении. Такое положение продолжалось до тех пор, пока сами монголы владели Китаем.

* § 29. Когда я был в Селенгинске, то мне сообщили перевод одной монгольской летописи, в которой приведены имена китайских ханов, происшедших от Коблайя, причем в переводе соблюдены монгольские написание и произношение имен. Эти имена совсем не сходны с китайскими именами, которые обыкновенно указывают годы правления, но большей частью они сходны с теми, которые ханы носили до начала своего правления или которые им давались после их смерти. Я сравнил эти имена с теми, которые приводятся у Дюгальда и Гобиля, а так же в рукописной китайской истории, составленной на основании лучших китайских и манчжурских летописей недавно умершим китайским переводчиком Ларионовым Россохиным.

* § 30. Ульдзутю-хан царствовал 12 лет. Он был внуком Коблая и его наследником, до начала правления он назывался Тимур и, по известиям Россохина, после смерти получил монгольское имя Вань-джеду-Хуанди. Его правление называлось Чингзонг, а по Россохину — Чиндзун и продолжалось 13 лет.

Куллук-хан царствовал 4 года. До того он назывался Гай-хан, годы его правления Вутзонг, по Россохину — Удзун. После смерти его звали Кюлю; он правил 4 года.

Боинту хан царствовал 9 лет, перед тем имел имя Аиюлипалишата; годы его правления назывались Гинтзонг, по Россохину — Жинь-дзун, исключительно он получил имя Пуюнду, царствовал 9 лет.

Геген-хан царствовал 3 года, перед тем назывался Хотепала, по Россохину — Шодебала, годы его правления Ингтсон, по Россохину — Индзун, после смерти его имя было Геген; царствовал 3 года.

Иисун-тимур-хан царствовал 5 лет, до того назывался Езун-темур, по Россохину — Ииссун-темур, годы правления его — Тайтинг, по Россохину — Тайдинди, царствовал 5 лет.

Ирдзамал хан царствовал 40 дней. Под этим именем надо подразумевать либо князя Асукечу, по Россохину — Асукебу, либо его соперника Тутемура, по Россохину — Хуй-ванту-темура. Время их правления при-

¹ Gaußl. Hist. des Mongols, p. 133, 138, 182, 204, 206, 210, и др.

² Там же, p. 226, 231.

соединяется к последнему году Тайтишга, и поэтому они не значатся в числе китайских ханов.

Кузель-хан царствовал 10 лет, до этого носил имя Гохила, по Россохину — Хошила, годы его правления — Мингтзон, по Россохину — Миндзун, царствовал 1 год.

Заяту-хан царствовал 5 лет, ранее того назывался Тутемур, годы царствования — Вентзонг, по Россохину — Виндзун, после смерти — Джаяду, царствовал 3 года.

Эринцеенгбал царствовал один месяц, до того назывался Илинчишан, по Россохину — Илинджибан, годы его правления — Нингтзонг, по Россохину — Ниндзун, царствовал один месяц. В виду кратковременности его правления, которое падает на последний год Вентзонга, о нем, как хане, ничего примечательного не сообщается.

Тогон-темур царствовал 28 лет, до царствования носил имя Тогоан-темур, по Россохину — Тогуан-темур, годы царствования — Хунти, по Россохину — Шунди, царствовал 35 лет.

* § 31. Всех вышеупомянутых ханов монголы считают своими ханами, несмотря на то, что местом их пребывания был Китай; поэтому в продолжении своей истории монголы рассказывают, что при последнем хане Тогон-Темуре их страна подпала под власть Китая, где царствовал тогда Дайбун-хан. Это известие надо понимать, как свержение монгольской династии, которое произвел жрец Чай, названный потом Тайтзу, после чего Китай опять получил своих природных правителей, которые называли свою династию Тайминг. Последнее название монголы переделали в Дайбун. Судя по вышеупомянутым известиям, китайцы распространили тогда свою власть и на монголов. Но, по всей вероятности, скоро опять произошли перемены, так как китайские летописи сообщают,¹ что последник последнего хана бежал в монгольские степи, где он основал новую династию, которую на севере называли Юенвой. По тем многочисленным набегам, которыми монголы беспокоили в XV и XVI вв. после Р. X. Китайское государство, можно заключить,² что, по крайней мере, в это время монголы не находились под властью китайцев.

* § 32. Можно так представить себе последующие события: ханы Юенвой династии, действительно, могли быть ханами монголов, но их постоянно притесняли китайцы, и власть их была ограничена очень узкими пределами, и скорееказалось, что монголы находились в зависимости от Китая, чем составляли самостоятельное государство. Потом, мало-по-малу, они окончательно освободились от китайского владычества и своими набегами на Китай старались отомстить за испытанные прежде притеснения. В это же самое время из-за постоянных внутренних междоусобиц они разделились на несколько владений. Те или иные ханы признавались только определенными родами. Другие роды имели своих ханов, и некоторые из них попа-

¹ Gaußl, p. 317.

² Du Halde, назв. соч., p. 449, 452, 454, 459.

дали в подчинение к князьям и знатным людям, которые по силе своей не уступали ханам. В этом положении находились они, когда русские, завоевывая Сибирь, дошли до границ Монголии. Каким образом земля монголов опять попала под власть китайцев, о том будет рассказано в следующем изложении истории Сибири.

* § 33. По своему происхождению ни один из сибирских народов не является таким примечательным, как якуты, живущие на нижнем течении Лены. Их язык и внешний вид ясно указывают на то, что они в прошлом составляли один народ с татарами. По своему местожительству они также удалены от татар, что трудно было бы про них сказать что-либо правильное, если бы не сохранилось у них старинное предание, которое проливает свет на их взаимные отношения. Якуты рассказывают, что с незапамятных времен их предки жили вместе с монголами и бурятами, которые известны теперь только по именам. Якуты прогнали их после некоторой борьбы. Затем на верховьях Лены они сели на плоты, взяv с собой скот, и высадились около Олекмы и Якутска и оттуда распространились по другим ныне занятым ими местам.

* § 34. Различные обстоятельства подтверждают нам, что это предание имеет известные основания. Я считаю, что самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке. Я уже говорил выше, что, по данным их языка, якуты должны были когда-то составлять один народ с татарами. В то же самое время их язык содержит в себе много слов монгольских и похожих на бурятские. Это подтверждает правильность рассказа об их прежнем местожительстве, которое у них было общим с монголами и бурятами.

* § 35. Состояние местности по верхнему течению реки Лены также служит доказательством того, что народ, привыкший жить в степях и получавший средства к жизни преимущественно от скотоводства, только по причине войны или с отчаяния мог выбрать своим местопребыванием берег этой реки. Лена в большей части своего течения протекает между высокими и отвесными горами, где для разведения скота в большом размере было весьма мало удобных мест. Только близ Олекмы и там, где теперь стоит Якутск, можно найти по берегам обширные луговые пространства, которые показались беглецам пригодными для поселения, и там они на самом деле основались. У них не было иного выхода, как перевезти свой скот на плавах, так как другие, жившие там, народы совсем не занимались скотоводством, и потому якутам пришлось везти сюда весь свой скот.

* § 36. Примечательно еще то, что якуты себя называют «соха», во множественном числе «сохалар». Это название совпадает с тем, которое имел один небольшой татарский род Красноярского уезда. Татары производят свое название от князя Татар-хана, который в седьмом колене происходил из Афета, сына Ноя.¹ Якуты же среди почитаемых ими богов имеют одно

¹ Abulgassi, Part. I, стр. 3, р. 27.

которому они присваивают имя древнего татарского князя Татара. Этим не только подтверждается родство между якутами и татарами, но этот факт можно даже принять, как сильное доказательство древности татарской истории. В течение многих столетий, благодаря большой своей отдаленности, якуты жили отдельно от татар и в это время не могли иметь с ними ничего общего. У них не было письменности и книг, откуда они могли бы взять имя обоготворенного князя. Из этого видно, что предание не могло возникнуть в новое время и что оно относится, по крайней мере, к той глубокой древности, когда якуты жили еще вместе с другими татарами и монголами.

§ 37. Некоторые писатели¹ причисляют к татарам и монголам также тунгусов, один из самых значительных сибирских народов, живущих начиная от реки Енисея до берегов Великого океана, но для этого не имеется никаких оснований. Я считаю тунгусов первыми обитателями тех стран, которые они занимают попыне. Судя по их совершенно непохожему на другие языку, тунгусы имеют особое происхождение. Занимая громадные пространства и кочуя там с места на место, тунгусы до русского владычества не могли находиться в зависимости от какого-либо иного народа.

§ 38. У живущих по реке Лене тунгусов есть предание, унаследованное ими от своих предков, что когда якуты прибыли в те места, предки их оказали сильное сопротивление непрошенным гостям и не хотели их пропустить, но были побеждены. Они указывают на место, где происходила кровавая битва между якутами и тунгусами, неудачная для последних. Это место находится недалеко от устья впадающей в Лену реки Патомы. Там тянутся горы, которые русскими называются Гусельными. Последствием этой первой встречи является продолжающаяся еще до сих пор вражда между этими двумя народами. Когда случается тунгусам встретить на охоте па Витиме, Патоме, Олекме и в других тамошних местах якутов, то редко дело обходится без столкновения между ними.

§ 39. Несмотря на то, что некоторые тунгусы, а именно те, которые живут в степях Нерчинского и Селепгинского уездов, занимаются скотоводством и имеют некоторое сходство в образе жизни с татарами и монголами, все-таки это еще не является достаточным доказательством общности их происхождения с последними. Скорее можно сделать обратное заключение: так как они не имели на своем тунгусском языке собственных названий для различных пород скота и многих предметов, касающихся скотоводства, то заимствовали их от соседних монголов. Из этого можно сделать вероятный вывод, что в древности эти степные тунгусы, подобно остальным тунгусам, жили в лесах и на горах средней Сибири: они ничего не знали о скотоводстве как все лесные тунгусы, ездили на северных оленях и только при перемене своего места жительства привыкли к образу жизни других степных народов.

¹ Примечания к Абулгази, стр. 345. Strahlenberg, SS. 51, 52, 135, 424.

§ 40. То же самое надо сказать и о даурских и манчжурских народах, находящихся под властью китайцев и живущих по ту сторону рек Амура и Аргуни. Что эти народы когда-то были одним народом с тунгусами, показывает сходство их языков. И этому нисколько не противоречит то, что в китайской истории эти народы постоянно встречаются под названием восточных татар. Как известно, китайцы никогда не различали по отдельности народы, жившие за стеной и на границах с Китаем, и всех их смешивали под одним общим названием татар. Это происходило, вероятно, оттого, что татары со времен величия Чингис-хана и его ближайших преемников больше всех других были известны Китаю своей храбростью.

§ 41. Если бы кто-либо хотел узнать время, когда тунгусы и происшедшие от них дауры и манчжуры переселились из сибирских диких мест, густых лесов и гор в пограничные с Монгoliей и с Китаем степи, то ничего больше сказать нельзя, как только, что это произошло не раньше ухода татар из названных мест. О том, что эти земли находились сначала во владении татар, свидетельствует прежде всего татарская история,¹ а затем многочисленные находимые там остатки древностей являются также достаточным доказательством их принадлежности татарам, так как тунгусы и дауры единогласно утверждают, что эти остатки не принадлежат им, и что, следовательно, окончательное переселение тунгусов и дауров совершилось после победоносного завоевания татарами Китая. Надо думать, что переселение было предпринято не всеми сразу, что отдельные роды и семьи мало-по-малу избирали себе новый образ жизни и, в виду связанных с ним удобств, находили себе все больше и больше последователей. Многие примеры указывают, что с тех пор, как Россия стала владеть тамошним краем, еще на памяти современных людей, некоторые тунгусские роды, которые сначала жили в лесах и разводили оленей, частью добровольно, частью по нужде, так как олени их постепенно вымерли от повальных болезней, переселились в степи и там стали заниматься скотоводством.

§ 42. Про немногочисленный народ Красноярского уезда, который известен под именем аринцев, Страленберг² записал сохранившееся у них сказание, полагая, что оно может служить для объяснения древнейшей истории этих мест. Он спросил аринцев, почему их так мало, между тем как они имеют свой собственный язык, на что получил в ответ, что название их происходит от слов «ар» или «ара», означающее у них «шершень», с которым их сравнивали, так как в древнее время они были великим и могущественным народом, побивавшим многих людей. Но однажды на их землю нашло бесчисленное множество змей с человеческими головами, блестевшими, как солнце. С этими змеями они сражались, но те их победили, и многие погибли от их укусов, остальные же вынуждены были покинуть свою землю. Этот рассказ сам по себе, по многим обстоятельствам, так же неправдо-

¹ Abulgası, Part. II, c. IX, p. 104 и сл.

² Einleitung. S. 86.

подобен, как цепраильны и присоединенные к нему исторические рассуждения самого автора.

§ 43. В Красноярске я встретил одного старого человека, который происходил из аринцев; он жил при речке Бузиме, впадающей в Енисей. Он один говорил на языке аринцев и сохранил в своей памяти то сказание, которое привел Страленберг. Он припомнил, что несколько лет тому назад рассказывал эту историю приезжим чужеземцам. Но он уверял меня, что в отдельных подробностях в рассказ Страленберга, который я ему передал, вкraлись неточности: имя «ара», или во множественном числе «аралар» — татарское, и оно было дано аринцам с незапамятных времен татарами, жившими около Красноярска. Шершень означает по-татарски «ара», а по-арински — «суссай». Впрочем, и аринцы пользуются этим именем в разговоре между собой, и никто не знает, как назывались они на своем языке в древние времена. О местах жительства аринцев, с которых они были изгнаны змеями, он не знал ничего. По его словам, аринцы с незапамятных времен жили по Енисею и занимали его западную часть от устья речки Качи, где стоит город Красноярск, до порога, который отделяет Красноярский уезд от Енисейского. Самое большое их селение находилось на большом лугу, недалеко от того места, где теперь Подъемное село. И там, по старинным их рассказам, и было дело со змеями при следующих обстоятельствах. Один из жителей этого аринского селения, которое было расположено ниже Подъемного, однажды ранил змею, но она от него ушла живой. Вскоре после этого на противоположном берегу Енисея раздался крик будто человека, который просил перевезти его на другой берег реки. Один из жителей селения переехал туда на своей маленькой лодке. Когда он подъехал к берегу, то там не оказалось ни одного человека, но совершенно неожиданно в его лодку бросилась масса больших змей, среди них одна была необычайной величины, с большой головой и с телом блестящим, как золото. Она обратилась к тому человеку на аринском языке, говоря, чтобы он не боялся и перевез бы их на ту сторону. Ему лично не будет причинено никакого вреда, но только при условии, что он никому из остальных жителей селения ничего не расскажет. Если же он что-нибудь сообщит, то погибнет вместе с остальными. Для того, чтобы его юрту можно было отличить от других, он должен посыпать около нее пеплом и протянуть вокруг нее аркан (веревку из лошадиного волоса). На этих условиях человек перевез змей, которые, добравшись до земли, рассыпались во все стороны. Человек же этот, прия к себе в юрту, поступил со своим жилищем так, как ему было указано. В следующую ночь от змей погибли все жители селения, за исключением этого человека с его семьей. Оставшийся тот человек ходил по всем юртам и всюду на трупах видел, что из всех отверстий тела, а именно из ртов, носов, ушей и т. д., торчали хвосты змей. Старик рассказчик прибавил еще, что в течение долгого времени аринцы очень боялись змей, и никто из них не решался причинить им какой-либо вред. Этот страх мало-по-малу прошел, и сейчас они не

боятся убивать их там, где находят. С тех пор прочие арии, жившие в соседних селениях, не размножались, но постоянно уменьшались в числе. Когда я был в Красноярске, от всего народа осталось только 9 семей,¹ в которых с трудом можно было бы признать арии, если бы они сами себя за них не выдавали, потому что, за исключением одного названного старика, все уже давным позабыли свой родной язык и говорят только по-татарски, так как с незапамятных времен путем браков породнились с татарами.

§ 44. Человек непредубежденный ни в коем случае не может признать этот рассказ настолько важным, чтоб на основании его можно было говорить что-либо о происхождении целого народа. Все народы как культурные, так и некультурные имеют свои сказки, которые матери рассказывают детям в часы отдыха. Но кто же станет искать в них разрешения исторических тайн? Собрать из древних историков и географов имена народов, рек и стран и сравнивать их с именами вновь открытых народов, рек и стран, о которых у древних не могло быть каких-либо сведений, в мелочах и несущественных обстоятельствах находить сходство между теми и другими, а где совсем нет сходства, то толковать обстоятельства определенно в свою пользу и на основании этого делать сравнения, предположения, заключения и приводить доказательства, которые должны служить основой для истории, — все это, по-моему, не способствует тому, чтобы получить название осторожного и беспристрастного историка. Правильнее будет, если события древних времен из жизни отдельных народов, за неимением основательных доказательств, оставлять попрежнему неразъясненными, чем давать им неправильное освещение.

§ 45. Именно таким образом я рассуждаю обо всех прочих сибирских народах, если в татарской, древнегреческой или римской историях нет данных, которые могли бы прямо и непосредственно к ним относиться. Они жили слишком далеко, чтобы можно было что-либо о них узнать. Походы греков и римлян не распространялись за пределы северо-восточной части Азии, а культурное состояние сибирских народов не дает возможности предполагать, что они были в числе тех народов, которые стали известны, благодаря своим походам из северных стран на юг.

§ 46. Может ли быть что либо бессмысленнее того, когда какой-то неизвестный писатель² сообщает, будто некоторые думают, что самоеды — те древние скиты, которые отправляли своих послов к Александру Великому. Если же спросить, кто же этому поверит, то в доказательство приводится рукописная русская повесть, в которой история этого героя так представлена, что едва можно отличить правду от вымысла. В одной русской летописи, составитель и время написания которой неизвестны, к тому же и содержит она в себе мало ценного для истории, упомянутое событие описывается следую-

¹ О теперешнем числе ариев и причинах их убыли у Страленберга на стр. 95 приводятся другие данные, но его рассказ основан на плохих источниках.

² Staat von Siberien, S. 123.

щим образом: Александр во время своих походов будто бы дошел до Печерских или, как раньше их называли, Югорских гор, неприступность которых положила границу его победам, и туда-то прибыло к нему посольство самоедов.

* § 47. Известно, что рассказывается про родство между осяками, пермяками и финнами,¹ и как живущие около Томска осяки будто бы сами о себе объявляют, что они происходят из земли Сауомис, т. е. Финляндии.² Нельзя конечно отрицать того, что осяки и вогулы, живущие в уездах Тобольском, Березовском и Сургутском, имеют во многом и особенно в языке нечто общее с пермяками и финнами. Можно слышать от них самих рассказ о том, как произошло, что они в тех местах оказались пришельцами, причем одни считают, что они происходят от пермяков, другие от самоедов, а третьи от татар. Нужно признать весьма вероятным приводимый Мюллером³ рассказ о том, что в то время, когда пермяки были обращены в христианство епископом Стефаном,⁴ многие из них, не желая принимать христианство, бежали из Пермской земли в отдаленные местности — на реку Обь и там искали защиты для своих старых верований. У этих обских осяков найдено много идов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли. Но все это совершенно не касается осяков Томского уезда. Стоит только обратить внимание на их язык, и тогда станет ясно, что они вместе с нарымскими осяками составляют особый народ, совершенно отличающийся от сургутских, тобольских и березовских осяков и, наоборот, имеют большое сходство с самоедами. Совершенно непонятно, как мог Страленберг найти приведенный выше рассказ среди томских осяков. С своей стороны, я должен сказать, что я тщетно расспрашивал их о земле Сауомис.

§ 48. Таким же образом приходится судить и о том, когда Страленберг⁴ признает барабинских татар и осяков за один народ, основываясь на заявлении тех и других, и на том что «варама» — финское слово, означающее гористую местность. Страленберг спросил барабинцев, почему они по-иному называют себя теперь, если издавна они составляли с осяками один народ, на что будто бы получил в ответ, что они назывались своим теперешним именем уже тогда, когда жили вместе с осяками. Но Страленберг, несомненно, приписал барабинцам тот ответ, который был ему желателен. Ведь, как доказывает их язык, барабинцы по происхождению своему татары, и слово «бараба» или «барама» не является названием народа, а служит для обозначения одного из родов, как Луба, Теренья, Тунус и т. п. — названия других родов. Такой малосведущий народ охотно может сказать то, что от него хотят услышать. Впрочем, как осяки, так и барабинцы едва ли когда-либо признают родство между собой.

¹ Joh. Berg h. Mäller. Leben und Gewohnheiten der Ostiaken, у Weber'a, Verändertes Russland. 1. Th., S. 187; Strahlenberg, S. 74.

² Strahlenberg., I. c.

³ Это произошло по русским летописям в 6880 или 1372 г.

⁴ S. 321.

§ 49. Совершенно излишне говорить здесь о тех сибирских народах, о которых нет никаких известий до их покорения русскими. Мы займемся поэтому более обстоятельно одним татарским владением, которое было известно в Западной Сибири еще задолго до русской власти, причем дадим в дальнейшем связное изложение событий вместо отдельных и случайных замечаний, которые нам приходилось высказывать до сих пор.

* § 50. Все известное нам об этом татарском владении основано, правда, только на устных преданиях, которые сибирские татары получили от своих предков, но это не лишает достоверности историю этого владения. Эти предания вскоре после завоевания Сибири были записаны и вошли в состав сибирских летописей. Эти летописи двух родов: обычновенные, с которых часто встречаются списки у любителей истории в России и Сибири, и одна особенная, которую необходимо отметить отдельно. Я нашел эту летопись в Тобольске, и владелец согласился продать ее мне. Так как, насколько мне известно, это был единственный список этой летописи, я передал его в Библиотеку Академии Наук. Она более подробная и во многом более точная, чем остальные, несмотря на то, что тоже имеет свои ошибки. Изложение летописи сопровождается в ней плохими рисунками. Так как составителем этой летописи мне называли тобольского дворянина или сына боярского Ремезова, то я там, где в особенности на нее ссылаюсь, буду называть ее Ремезовской летописью. Из прочих же летописей уже составлено и напечатано извлечение, касающееся того времени,¹ когда существовало указанное татарское владение. В этом извлечении многие имена совсем не упомянуты, а некоторые события излагаются совсем неверно. Поэтому не будет излишним, если в последующем повествовании кое-что будет мною повторено и при том прибавлены будут некоторые мои замечания.

§ 51. На реке Ишиме, которая впадает в Иртыш, жил много лет тому назад один татарский князь или хан ногайского происхождения по имени Он, которому были подчинены не только жившие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные vogулы и остыаки. Против него восстал один из его подданных, по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны. Несовершеннолетний сын убитого хана Тайбура спасся во время этих волнений. Он долго скитался по разным местам, пока Чинги не узнал о его местопребывании. Он обещал бежавшему Тайбуру свою милость и покровительство, если он подчинится ему и прибудет к его двору. Тайбура последовал призыву и после того в особой чести жил при дворе Чинги. Последний передал ему значительную часть наследственных владений его отца и поставил его начальником значительного отряда, с которым он должен был служить своей родине. Тайбура совершил несколько походов против живших по реке Оби остыаков и заставил их платить татарам ясак. Наконец, он просил у Чинги разрешение иметь

¹ Müller. Von den Ostiaken, гл. I § 5, v Weber's Verändertes Russland, I. Th., S. 177.

свой собственный двор и, когда ему это было дано, выбрал себе местожительство на реке Туре, где стоит ныне город Тюмень. Он сам построил там город, который в честь Чинги назвал Чингидином. В нем он спокойно дожил до глубокой старости и оставил наследство своему роду, не упоминая ничего о Чинги и его потомках.

§ 52. Так гласит начало повести в том виде, как приводится она в обычновенных сибирских летописях. В Ремезовской же летописи сообщается, что в начале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья этой реки, при впадении ее в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски «кизыль-яр») имел свою резиденцию — укрепленный городок, окруженный тремя валами. По тому месту город этот назывался Кизыл-тура. Преемник Он-Сома назывался Иртышак, от него река Иртыш получила свое название. На Иртышака напал тюменский хан Чингис и его победил. После него правил на реке Ишиме Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками.

§ 53. С этим надо сравнить еще третий рассказ, который приводится в той «ведомости», которая при отмеченных выше обстоятельствах была составлена по приказу тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова.¹ Когда монгольский хан Чингис подчинил себе Бухару, то один царевич Казакской или называемой пыне Киргиз-кайсацкой орды, по имени Тайбуга, сын хана Мамыка, выпросил у Чингиса себе во владение места по рекам Иртышу, Тоболу, Ишиму и Туре. Чингис доверил ему управление этими областями, и потомки Тайбуги продолжали после него владеть теми же землями.

§ 54. Разберем эти три рассказа. В первом представляется мало вероятным, чтобы мятежник и похититель власти осыпал милостями законного наследника и даже доверил ему военную силу, которую последний, мстя ему, мог употребить против него самого. Также невероятно, чтобы изгнанный царевич поверил ласковым уверениям мятежника и, даже если он и поступил столь неосмотрительно, трудно думать, чтобы он при удобном случае не отомстил за смерть своего отца. Во втором рассказе не упоминается Тайбуга, который, однако, не мог быть обойден в связи с последующими событиями, и напротив приводятся неизвестные имена, которые вообще больше нигде не встречаются и легко могли возникнуть по недоразумению. Чингис называется ханом Тюменским, между тем самой Тюменью в то время еще не существовало, и очевидно, что его принимают не за того, кем он был на самом деле. Одним словом, обе сибирские летописи, несомненно, впадают здесь в ошибку. Напротив того, мне кажется более правильным третье известие, и я постараюсь связать его с последующими обстоятельствами.

§ 55. Возможно, что Он или Онсом-хан и Иртышак были князьями в Сибири и владели одновременно один на Ишиме, другой на Иртыше, а, может быть, один наследовал другому. Их правление нужно относить ко времени великого Чингис-хала. После того, как посланный им отряд

¹ § 15.

его войска покорил земли по рекам Иртышу и Ишиму, весьма возможно, что Чингис из-за отдаленности тех мест или по своему природному великодушию не оставил завоеванное за собой, но отдал его во владение одному из князцов, который признал его власть над собой. Это и был вышеупомянутый Тайбуга, но был ли он сыном хана Она с реки Ишима или киргиз-кайсацкий царевич, отца которого звали Мамык, это я оставляю открытым.

* § 56. Новейший писатель по генеалогии¹ считает бухарского князя Бек-он-ди, о котором упоминает Абулгази,² одним лицом с Оном, отцом Тайбуги, вероятно, потому, что он здесь нашел некоторое сходство имен, из чего заключил, что приведенное им известие,³ которое является первым из моих упомянутых выше, покоится на неопровергимых основаниях. Но Бек-он-ди принадлежит к потомкам великого Чингиса и происходит от него в седьмом колене, что никак не согласуется с известными обстоятельствами, так как Тайбуга безусловно происходил из иного рода и жил одновременно с Чингисом. Для этих первых сибирских ханов необходимо составить новую родословную, в которой, из-за недостатка более точных сведений, нельзя восходить дальше Оны или Мамыка.

§ 57. Если Он, отец Тайбуги, считается ногайского происхождения, то здесь следует подразумевать ногайских татар, которые прежде были очень многочисленны и своими кочевьями простирались от Янка до Иртыша. Об этом в Уфе и в Сибири имеются следующие доказательства. В Уфимском уезде есть место, через которое прежде проходила дорога к кочевьям этих татар. Она называлась Ногайская дорога, и когда я ехал вверх по Иртышу, то слышал, как кто-то называл местности, лежащие к западу, Ногайской степью. Только в начале прошлого столетия ногайцы были оттеснены калмыками, ушли с этих своих старых мест и переселились в окрестности Астрахани. Некоторые из них еще и до сих пор кочуют в Астраханском уезде. Другие же присоединились к кубанским и крымским татарам, с которыми они составили один народ.

§ 58. Я предвижу только одно возражение, которое можно сделать против принятого здесь исчисления времени, когда владел Тайбуга, так как известных его потомков, кажется, недостаточно, чтобы заполнить время от Чингиса до русского завоевания Сибири. Но на это можно с полной вероятностью заметить, что либо потомки Тайбуги, ведя довольно и умеренную жизнь, достигали более преклонного возраста, чем обыкновенно, или же что часть имен его потомков по забвению не указывается в предании. По крайней мере, мне это кажется более естественным, чем представлять дело так, что Тайбуга был назначен правителем всех упомянутых сибирских областей каким-то бунтовщиком, имя которого, однако, совсем сходно с именем хана Чингиса.

¹ Die Lohmeierischen Geschlechts-Tafeln verbessert von Gebhardi, 3. Th., Tab. 41.

² S. 484.

³ Ваято им у Вебера, «Verändere Russland».

§ 59. Что Чингис-хана легко могли превратить в бунтовщика, видно, из того, что уже вскоре после его смерти ему был брошен упрек, что он был человеком простого происхождения. Карпини¹ приписывает начало его могущества разбоям, которыми он сначала промышлял, а Рубруквис,² соглашаясь с Карпини по поводу разбоев Чингиса, преображает его еще в кузнеца. Мнение этих монахов ничем нельзя подкрепить, хотя они объездили монгольские и татарские страны вскоре после смерти Чингиса, были при дворе его ближайших преемников и, следовательно, могли получить более точные сведения об их происхождении. Все восточные писатели опровергают такое низкое происхождение Чингиса, которое ни на чем другом не основано, как на клевете его врагов и в особенности побежденных народов. Поводом для последней выдумки послужил старинный обычай монголов в их ежегодный праздник ковать раскаленное железо.³

§ 60. Я не могу не упомянуть здесь, что предположение Пти-де-ля-Круа,⁴ который связывает происхождение вышеупомянутого обычая с находкой железа и открытием способа его обработки в горах Иргене-конских, более вероятно, чем мнение Абулгази,⁵ который описывает это дело весьма неестественно, говоря, что необходимо было расплавить всю гору, чтобы дать выход потомству Каяна и Нагоса из долины Иргене-конской. Примечательно, что, как говорят, калмыцкий владетель Галдан-церин, после долгих поисков, нашел между горами такую же долину, как Иргене-конская, описанная Абулгази, в которую имеется такой узкий проход, что два стражника могут достать в нем друг друга копьями. Долина эта лежит в пределах его владений, только неизвестно точно, где она находится. Рассказывается также, что этот владетель услышал рассказ об Иргене-коне от бухарцев, и тогда ему пришло на мысль, что, если это место вообще существует, то оно могло бы быть ему крайне нужно, чтобы во время военной опасности спасать там свои сокровища и свою семью.

§ 61. Мы опять вернемся к рассказу о Тайбуге, который, по сведениям сибирских летописей, имел пребывание на месте нынешней Тюмени. До сих пор можно видеть там остатки прежнего татарского городка, который состоял из небольшого укрепления, расположенного между двумя буераками речки Тюменки, которая, протекая через город, впадает в реку Туру. Тамошние татары называют до сих пор этот городок, а также и построенный позже город, Чимги или Чимги-тура, но откуда произошло это название они не знают. Ясно, что оно соответствует Чингидину, о котором рассказывают летописи и которое дал именно этому месту Тайбуга в честь своего благодетеля хана Чингиса. От небрежности тех, которые занимались переписыва-

¹ В описании татар, которое приложено к описанию его путешествия, гл. 5.

² Гл. XIX.

³ Petis de la Croix. Histoire de Genghis Chan, lib. I, cap. 1, p. 8.

⁴ Назв. место его труда.

⁵ Part. II, с. V, р. 75 и сл.

нием летописей или от многократного списывания их, могла произойти отмеченная перемена в названиях.

§ 62. Так как Тура по-татарски и бухарски означает городок или укрепленное место, то, может быть, река Тура получила свое название от старого татарского городка Чимги. Башкиры не имеют для тюмен-

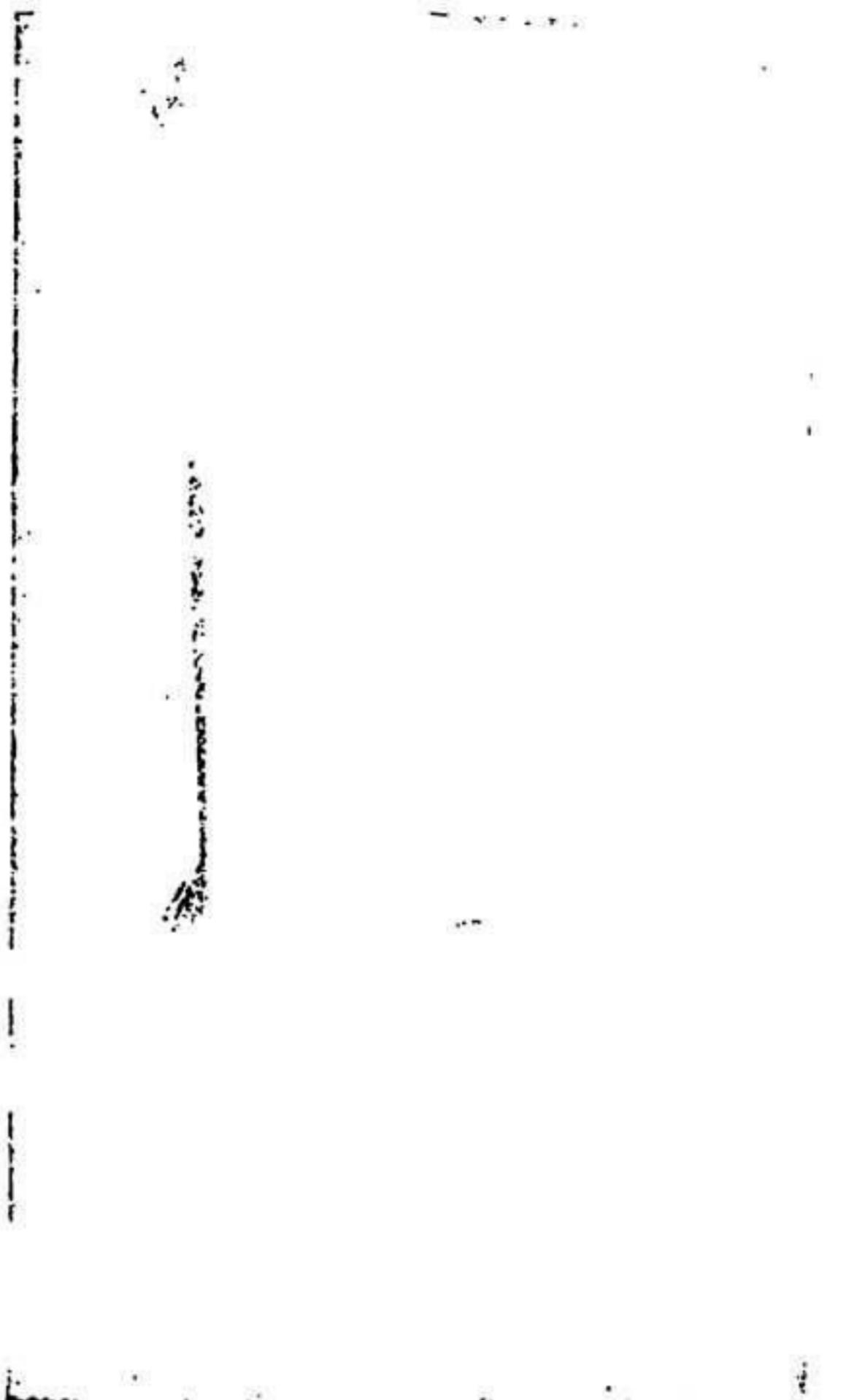

Рис. 17. Предметы древности vogulov Верхотурского уезда.
(Арх. Акад. Наук, ф. 21, оп. 5, № 39/46).

ских и тобольских татар никакого другого названия, как турали; они объясняют это название тем, что татары спокон веков жили в городах и укрепленных местах, или, по крайней мере, на одном и том же месте, в то время как сами башкиры часто переменяли свое местожительство в степях. Слово же «тура» у них в этом смысле мало употребительно, они чаще обозначают города и укрепленные места «калла». Можно еще прибавить, что Абулгази¹ для обозначения мест по Иртышу, Тоболу и Туре пользуется

¹ Стр. 400 и сл.

особым названием Туран; в другом же месте¹ он употребляет это слово в том обычном для восточных историков и описателей земель смысле, когда речь идет о разделении некоторой части Азии на Иран и Туран.

§ 63. При этом нужно принять также во внимание, что татары название реки Туры произносили как Туре, и что вогулы, которые, вероятно, были более древними, чем татары, обитателями тех мест, называли эту реку Тере или Тере-я. Следовательно, татарское название могло произойти от вогульского. Кроме того, кажется можно дать другое объяснение тому месту Абулгази, где он называет Турапом местности по Иртышу, Тоболу и Туре. Он рассказывает про хана Кучума, что последний правил в Туране. Не касаясь пока вопроса об его владениях, которые, как будет сказано в своем месте, находились на Иртыше, и принимая во внимание, что Кучум был потомком бухарских ханов, может быть, Абулгази под именем Турана имел в виду его родину, а не те земли, которыми он владел в Сибири. Таким образом, общепринятое значение слова Туран сохраняет свою силу и должно отличаться от названий Ирана или Персии.² Это страна, известная также под именем Мавранара, у древних носила название Оксуса, а теперь называется также Аму-дарьей. Надо сказать, что составитель примечаний к труду Абулгази ошибается,³ когда утверждает, что под именем Турана надо разуметь по преимуществу те области Сибири, которые находятся между Ледовитым океаном, рекой Енисеем и Кавказскими горами (он разумеет здесь, конечно, Югорские и Уральские горы), не включая сюда ту часть Бухары, которая лежит к северу от Аму-дарьи.

§ 64. После Тайбуги, по сибирским летописям, князем в Сибири был сын его Ходша, а после него сын последнего Мар. Мар, рассказывается далее, был женат на сестре казанского хана Упака, который начал с ним войну и коварным образом умертил Мара. У последнего было два сына: Обдер и Ебалак, которых победитель в знак своей победы взял с собой в Казань, где они вскоре также окончили свою жизнь.

§ 65. С этих пор город Чингидин или Чимги с подчиненными ему землями находился некоторое время в зависимости от Казани. Махмет, сын Обдера, и Ангиш, сын Ебалака, были в детстве, во время нападения казанского хана, отвезены знатными татарами в безопасное место и тайно там воспитывались. Когда первый из них стал взрослым, то начал думать о том, как бы ему свергнуть казанское иго, и нашел среди своих людей такую большую и смелую поддержку, что хан Упак, который в то время находился в Чимге, вместе со многими казанскими татарами, поплатился жизнью. В казанских летописях ничего, однако, не говорится о хане Упаке; поэтому нельзя определить время, когда все это произошло. Не помогает здесь и Ремезовская летопись, в которой вместо Упака встречается Алым, но и это имя не на-

¹ Стр. 328.

² Негелье в его словаре (в конце первой части «Description de la Chine») под словами Iran, Tougan, Maougalnagar.

³ Стр. 329.

ходится среди имен казацких ханов. Вероятно, Упак происходил из какого-то особого рода, каких могло быть там очень много, почему они остались не известны казацким летописцам.

§ 66. Махмет замечателен еще и тем, что он перенес свое пребывание с реки Туры на Иртыш. Этот переезд был вызван, кажется, не теми или иными преимуществами нового места, так как положение Чимги на реке Туре было выгоднее, а скорее соседством с Казанским царством и страхом постоянного нападения с его стороны. Несмотря на то, что Чимги с трех сторон был защищен глубокими буераками, а с четвертой стороны укреплен валом и рвом, однако, в виду ровной местности вокруг него, в случае нападения не мог считаться безопасным местом. Махмет выбрал потому для своего пребывания довольно высокую местность на восточном берегу Иртыша и приказал ее укрепить. Это так называемый старый татарский город и крепость Сибирь, остатки которого еще и сейчас можно видеть в 16 верстах выше Тобольска.

§ 67. Вообще думают, что Сибирь является татарским названием местности и означает не что иное, как главный город. Если же спросить об этом тобольских татар, то такое значение является для них совершенно неизвестным. Они называют это место Искером,¹ который тоже, кажется, не является собственным именем, потому что Шарден² под этим самым названием упоминает один город в Грузии. Название «Сибирь», кажется, возникло в России и происходит, по всей вероятности, из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них оно перешло затем к русским. В последующем изложении мы увидим, что земли по Иртышу, Тоболу и Туре, задолго до русского завоевания, были известны под названием Сибири, которое затем и было присвоено в особенности названному татарскому городу.

§ 68. После смерти Махмета летописи называют князем в Сибири Ангаша, сына Ебалака, которому наследовал Касим, сын Махмета; он оставил двух сыновей: Едигера и Бекбулата, которые одновременно занимали княжеский престол своих предков. Кроме этих князей, Ремезовская летопись упоминает некоего Сенбахту, сына Махмета, и еще одного по имени Саусканы, но родственные связи и время правления последнего не указаны. При всех этих князьях, по словам той же летописи, было много знамений и явлений, которые предвещали предстоящее падение татарской власти в Сибири. Я не знаю, правильно ли я поступаю, если привожу рассказ об этом; впрочем, я это делаю лишь по той причине, что мне не очень хочется отступать от моего источника. По его словам, жившие в окрестностях Сибири татары часто видели на воздухе над тем местом, где теперь стоит город Тобольск, христианский город с церквами и колокольнями и слышали при этом колокольный звон. Во время правления Сенбахты, как-то летом, вода в Иртыше стала красной, как кровь, и земля, вместе с растущей на ней травой, тоже

¹ В Ремезовской летописи этот город называется Кашлык, но это название, как я слышал, не употребляется ни у одного народа.

² Voyage de Perse, t. I, p. 157.

стала кроваво-красной, а потом вся почернела. Высокий утес, на котором стоит теперь Тобольск, выбрасывал золотые и серебряные искры, причем упомянуто, что то место называлось тогда Алтын-Аргинаком. Далее, при князе Саускане на небе были видны огненные столбы, которые простирались до самой земли. Свидетелем этих чудес был татарин мурза Девлет-бай, который жил около Тобольска на Панином бугре, в городке, носявшем название Бицктура. Названия Бицктура и Алтын-Аргинак в данное время совсем исчезли из памяти тобольских татар, так же как и на Панином бугре нет никаких следов бывшего здесь когда-то городка. Имя же князя Саусканы сохранилось в названии луки на западной стороне реки Иртыша, выше Тобольска, где река делает большой изгиб, называемый Саусканской лукой.

* § 69. Во время владения двух последних князей Едигера и Бекбулата произошли большие перемены, которые лишили эту княжескую семью ее владельческих прав. Но как все это произошло, об этом рассказывается по-разному. В одной летописи, от которой мы имеем только небольшой отрывок, но известия которой вполне согласны с известиями других летописей, сообщается следующее: во времена Едигера и Бекбулата пришел на Иртыш с войском хан Казакской орды по имени Кучум, сын Муртазы, взял город Сибирь, убил обоих братьев князей и подчинил себе всю землю. Только Сейдяк, сын Бекбулата, спасся от него и был отправлен для безопасности в Бухару. Другие сибирские летописи говорят, что Сейдяк, после смерти своего отца и дяди, правил в Сибири, пока не пришел из Казакских степей Кучум, который взял город и принудил Сейдяка бежать в Бухару.

§ 70. Так как различные известия, содержащиеся в летописях, основаны, главным образом, на устных преданиях тобольских татар, то они естественно должны сильно отличаться друг от друга в зависимости от искусства передававших эти рассказы и записавших их. Я интересовался тем, что же из этих преданий осталось в данное время в памяти современных татар. Таким образом мне удалось узнать не только о тех обстоятельствах, которые сопровождали перемену власти в Сибири, но и о судьбе самого князя Сейдяка. Едигер, по этим собранным мною рассказам, оставил после себя беременную жену. Знатные татары не хотели ждать, когда княгиня разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать им в князья одного из своих сыновей. Муртаза отпустил к ним в Сибирь своего среднего сына Кучума с многочисленной свитой. По прибытии он был всеми признан ханом. Тем временем беременная жена Едигера бежала в Большую Бухару и там у одного сеита (так назывались люди, ведшие свое происхождение от пророка Магомета) нашла очень сочувственное отношение к себе; сеит принял несчастную изгнанницу к себе в дом и предоставил ей все необходимое. Здесь у нее родился Сейдяк, а это имя значит маленький сеит; оно было дано ему в знак признательности и большого уважения к его приемному отцу.

§ 71. Абулгази сообщает¹ вполне точные известия о хане Кучуме и его происхождении из рода великого Чингис-хана. Только во французском переводе его сочинения имена написаны не так, как они читаются и произносятся по-татарски. Один человек духовного чина, бухарец по происхождению, перевел мне в Тобольске родословную Чингис-хана из татарской рукописи труда Абулгази следующим образом: Чингис-хан, сын Чингис-хана, был Джучи, у него сын Шейбани-хан, который правил в Бухаре и принял магометанскую веру; его сын Батур-хан, у него сын Джучи-хан, его сын Бадакул, у него сын Мунга-Темур, у этого сына Беконди-Оглан, сын Беконди — Али-Оглан, у этого сына Аддимет-хан, который имел двух сыновей Ибака и Маамута-хана, сыном Маамута был Муртаза-хан и его сыном был Кучум-хан.

§ 72. Так как Абулгази² считает, что правление Кучума-хана в Сибири продолжалось 40 лет и что оно окончилось в 1003-м году гиджры (в 1595 г. н. Р. Х.), то прибытие Кучума надо отнести к 1555 г. И с этим вполне согласуется приводимое ниже³ известие о том, что в 1556 г. князь Едигер жаловался русскому царю, что он подвергся враждебному нападению Шибаского царевича. Но когда Ремезовская летопись сообщает, что Кучум через два года после своего прибытия ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней в Сибирь большое количество русских и чувашских пленных, то все это очевидная ошибка, так как тогда Казань уже не имела своих собственных ханов и находилась в полной зависимости от русской власти. Можно лишь допустить, что Мурат был татарским мурзой, принадлежал прежде к Казанскому царству и после завоевания его царем Иваном Васильевичем предъявлял еще на это царство свои притязания.

* § 73. Та же Ремезовская летопись упоминает еще о двух жепах Кучума, из которых одна была дочерью мурзы Девлет-бая,⁴ другую же звал Сусге. Каждая из них имела свою особую резиденцию, первая в той же самой местности, где жил ее отец, а именно в Бицктуре на Панином бугре, другая же на мысу высокого берега Иртыша, в 6 верстах ниже Тобольска: это место и до сих пор называется Сусгунским мысом. Вслед за тем в той же летописи опять приводятся рассказы о всяких явлениях и чудесах, которые во времена Кучума вновь повторились.⁵ Так, в устье реки Тобола близ Иртыша на песчаном острове в полдень часто являлись два зверя, из коих один приходивший со стороны Иртыша, был большим белым волосатым волком, другой же, являвшийся со стороны реки Тобола, походил на небольшую чеченскую охотничью собаку. Оба зверя каждый раз боролись друг с другом, причем маленький побеждал большого, и после того оба исчезали в воде.

¹ Part. VIII, cap. II, p. 484 и сл.

² Стр. 487 и сл.

³ Гл. 2, § 12.

⁴ См. выше, § 68.

⁵ См. выше, § 68.

Когда Кучум однажды увидел это, он потребовал, чтобы духовного чина люди и шайтанщики разъяснили ему, что означают эти явления. В ответ он получил такое объяснение: большой зверь означает хана, маленький русского воина, который в недалеком будущем свергнет хана и подчинит Сибирь русской власти. Кучум настолько огорчился всем слышанным, что приказал разорвать прорицателей лошадьми или же умертвить их каким-нибудь другим жестоким образом. Очевидно, что эти сказания были сочинены уже после завоевания Сибири.

* § 74. Необходимо рассмотреть далее, как далеко распространялась власть хана Кучума в Сибири. Татары, живущие по Иртышу и в низовьях Тобола, бесспорно, все признавали его власть. О барабинских татарах, в виду их близкого соседства, можно предположить то же самое, тем более, что они, по их словам, не имели с древних времен над собой никаких других правителей, кроме старшего или главы каждого рода, и потому их тоже можно было покорить без особых усилий. Сомнение вызывают только татары, живущие в верховьях Тобола и по Туре и Исети. Ремезовская летопись указывает, что владения Кучума простирались только до устья Туры и что татары, жившие около Тарханского острога, были последними, которые платили хану дань. Во время завоевания Сибири русскими в Тюмени, по словам той же летописи, сидел отдельный князь, который имел власть над тамошними татарами; впрочем, в других летописях об этом ничего не говорится. Башкиры, которые живут еще дальше, уверяют, будто они тоже состояли под властью хана Кучума. Но этому тем более нельзя поверить, что из последующего изложения будет видно, что башкиры в то время еще не жили в пределах Сибири, но, как и большая часть этого народа в настоящее время, имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда.

* § 75. Известие о подчинении остыков и vogulov Кучуму нужно принимать с неменьшей осторожностью. На нижнем течении Иртыша и по Оби можно найти много следов старинных городков, созданных, повидимому, природой, без всякого участия в этом людей. Когда я расспрашивал остыков, кем сделаны эти городки, они отвечали единогласно, что в них во время неприятельских нападений жили их предки, а пеприятелями их были частью татары с верхнего Иртыша, частью самоеды с нижней Оби, которые передко беспокоили их, грабили их добро и уводили в полон их жен и детей. Если татары, как приходится думать, и совершали частые нападения на остыков, то из этого еще не следует, что они покорили себе этот народ. Можно признать, что остыки, жившие по Иртышу, подчинялись татарам и платили им дань. Остальные же остыки, а также верхотурские, пельмские и березовские vogулы, за дальность расстояния, вероятно, совсем не были покорены татарами.

§ 76. Замечательным событием правления хана Кучума было, по рассказам тобольских татар и бухарцев, введение впервые в Сибирь магометанской веры. Правда, и до него в Сибирь иногда приходили магометанские проповедники в надежде, что благодаря общности языка им удастся привести язы-

ческий народ к правой вере; впрочем многие из них покинули за то свою жизнь мученической смертью. Одни старый шейх, призвавший имена сытых, пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь и стал рассказывать: господь ему открыл, что в Сибири помираются многое святых, которые мученически покончили свою жизнь за распространение истинного учения о боже и что они заслуживают того, чтобы ежегодно в их память устраивали поминальния. Он ходил по всем избарам или кладбищам и в разных местах показывал могилы семи таких святых, называя их по имени. Они были с тех пор признаны тановыми, и их память еще до сих пор почитается татарами.

§ 77. Таким образом и Кучум попался на большие трудности при проповеди новой веры. Со стороны своих подданных он встречал послушание и полную готовность платить наложенную на них дань, но одного его приказа было недостаточно для того, чтобы смягчить дрезавое идолопоклонство на новую веру. Так как Кучум не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы променять это силу, то он просил у своего отца Мурзаки поддержки. Мурзак посыпал ему на помощь сына Ахмета-Гирея с войском. Вместе с ними прибыл ахун, несколько мудра и абынов,¹ чтобы пройти дело обращения язычников с большой настойчивостью и успехом. Ремезанская летопись рассказывает, что Кучум привез в Сибирь много духовенства из Казани. Но в связи с тем, что сказано выше² о женитьбе Кучума в Казани, и это известие является сомнительным. В то время многие, которые не хотели добровольно по закону магометанскому подвергнуться обрезанию, были пруждены к тому силами, а некоторые уверно сопротивляясь поплатились даже за свою жизнь.

§ 78. Несмотря на все эти меры, обращение произведено было не во всех кладбищах хана. Некоторые татарские роды, жившие на самом Иргизе и в местах соседних, по отстоящих далеко от ханской столицы, остались поэтому при своей старой вере, так как новое духовенство, занятное делом обращения в местах близких к главному городу, не имело времени дойти со своей проповедью до этих отдаленных мест. Одни бий или старшина Алигинских татар, живших в устье Тары, рассказывал мне, что он с детских лет помнит, как его родители и родственники со всем народом той местности еще принадлежали к языческой вере. Известно также, что татары, жившие между Тобольском и Демьянским ханом в Лебаудских юртах и особенно в Туринском уезде, оставались язычниками, пока вместе с остаками не были обращены в христианскую веру. Еще в то время многие из барбашцев были язычниками; те же, которые уже давно признали магометанскую веру, только несколько лет тому назад пришли обретшие и то лишь после того, как к ним

¹ Это различие гладит пред магометанского духовенства в России. Абыны — это обычные сапожники, мудра обозначает ученого или начальника избара, но они также принимают участие в богослужениях; ахуны стоят во главе всех первокных и начальных доз отдельных скоруп.

² § 72.

тайно прибыл посланный магометанского духовного главы из Томска и Тары и под угрозой наказания за непослушание принудил их согласиться.

§ 79. Поэтому не приходится удивляться, что обращение не затронуло еще более отдаленных остыаков. Думают, что они сохранили свою старую веру благодаря их настойчивым просьбам, так как они жили в таких местностях, где не было у них постоянных жилищ, и большую часть времени они должны были проводить в переходах с места на место в поисках рыбы и диких зверей, почему требования магометанского закона могли выполняться ими лишь с большим трудом. Кроме того, здесь сыграла свою роль также разница в языке, которая помешала магометанскому духовенству проповедывать остыакам свой закон и ввести у них новое богослужение.

§ 80. Можно предполагать, что Ахмет-Гирей после обращения татар в магометанство отправился в обратный путь в Бухару, чтобы после смерти отца, как его старший сын, принять на себя управление. Но татары рассказывают, что Ахмет остался у своего брата, и оба они согласно и спокойно владели Сибирью.

§ 81. Тем временем, по устным преданиям, князь Сейдяк, последний отпрыск прежнего сибирского правящего рода, достиг в Бухаре совершеннолетия, и так как он знал, что его предки правили когда-то в Сибири, он захотел попытать счастья и вернуть себе отцовское наследие. С этим намерением он прибыл с небольшим отрядом из Бухары к Иртышу и остановился в нескольких верстах ниже города Искера в татарской деревне Саусканский аул. Он вскоре получил значительную помощь от татар, признавших его права. Но до борьбы дело не дошло. Может быть, Ахмет-Гирей и Кучум считали Сейдяка слишком ничтожным, чтобы бояться за свою уже твердо укрепившуюся власть, но возможно, что они опасались всеобщего восстания, если бы употребили против него силу. Что же касается Сейдяка, то его отряд не был в состоянии напасть на значительно более превосходившего его и более сильного врага. Однако, в последующем изложении¹ мы встретимся с известием, которое ставит под сомнение самый приход его в это время из Бухары.

§ 82. После этого случилось, как далее рассказывается в тех же устных преданиях, что Ахмет-Гирей, живя в несогласии со своей женой, дочерью знатного бухарского князя Шигея, поссорился со своим тестем. Шигей хотел отомстить за бесчестие своей дочери. Но так как за дальностью расстояния выполнить этот замысел при помощи оружия было трудно, то он решил пустить в ход хитрость. Он отправил нескольких своих приближенных с письмом к Ахмет-Гирею и с приказанием хитростью заманить к себе Ахмет-Гирея и его убить. Когда посланные прибыли к западному берегу Иртыша, недалеко от города Искера, то случилось так, что Ахмет-Гирей как раз в это же самое время забавлялся на противоположном берегу ястребиной охотой. Посланые, которые его знали, закричали, что они прибыли

к нему с письмом от его тестя и с приятными вестями. Они просили его переехать к ним через реку, так как с их стороны не было лодки. Ахмет-Гирей сел в лодку и переехал Иртыш. Но едва он только сошел на западный берег, как подлые убийцы напали на него, привязали его к одной из своих лошадей и пустились в бегство. Говорят, что его мертвое тело было найдено недалеко от места впадения в Тобол речки Турбы.

§ 83. Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев, как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих первых пришельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки перебрались в Сибирь много позднее, только в русское время. И только в одной сейтской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанаковых и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума. Эта семья замечательна еще тем, что ее родоначальник Дин-аул-ходжа, родом из Ургенча, был женат на дочери хана Кучума по имени Нал-Ханиша. В Тобольске же мне была сообщена следующая родословная: Дин-аул-ходжа имел трех сыновей — Султамет-ходжу, Сейт-мемета и Аксента, которые обосновались в Таре; сыновья Султамета: Юсуп-ходжа и Аюп-ходжа жили в Тобольске. Сыновья же Аюпы-ходжи Султамет-ходжа и Яя-ходжа жили в мое время в вышеназванных юртах.

* § 84. В заключение Абулгази¹ рассказывает, что хан Кучум в старости потерял зрение и после того, как он был изгнан из Сибири русскими, кончил свою жизнь в стране Манкатской. Об этом в последующем изложении будет приведено обстоятельное известие.

* Part VIII, cap. 2.

Глава вторая

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ И НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ ЕЕ ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ

§ 1. Завоевание и заселение Пермской и Югорской земель, которые со стороны России ближе всего граничат с Сибирью, дало первую возможность Российскому государству познакомиться с обширной и известной, но для древних совершенно незнакомой областью, называемой нами Сибирью. Большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим сторонам его. Я имею в виду пермяков, vogulov и самоедов, которые с давних времен поддерживали сношения между собой. Следовательно, русским поселенцам в этих местностях было нетрудно получить через них некоторые, хотя и неточные, сведения о соседней Сибири. Этому способствовала также выгодная охота на соболей и торговля, привлекавшая сюда многих. Мало-по-малу русские стали отваживаться, в сопровождении местных жителей, переходить горный хребет и таким образом, в поисках драгоценных шкурок, приобретали более достоверные сведения о состоянии страны. В этом отношении особенно отличались зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми.

§ 2. Я не буду здесь говорить о завоевании Пермской земли, так как это завело бы меня во времена слишком отдаленные. Но нельзя умолчать о завоевании Югорской земли по той причине, что оно дало повод к походу в самую северную часть Сибири еще при великом князе Иване Васильевиче Первом. Этот государь, имеющий великие заслуги перед Российским государством, в последние годы своей жизни особенно много заботился о распространении русской власти на народы, жившие по берегам Ледовитого океана и известные под названием самоедов, а также на их соседей-вогулов. Под 7007-м годом от сотворения мира, или 1499 г. от рождества Христова,¹ в русских летописях описан поход, предпринятый в Югорскую землю и против вогулов, но раньше, чем о нем говорить, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

---

¹ Разницу по греческому летосчислению от сотворения мира и от рождества Христова составляют 5508 лет. К этому нужно только прибавить, что при переводе с одного летосчисления на другое необходимо отнимать 5509 лет в тех случаях, когда упоминаются месяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, так как год начинался тогда в сентябре.

§ 3. Во-первых, отметим, что по-русски говорят Югорская, а не Угорская земля, несмотря на то, что это последнее название, а также имя народа — угричи, иногда встречается в русских летописях. Летописцы, по-видимому, приняли такое название на том основании, что угричи или венгерцы, которые, по свидетельству русских летописей, прошли в конце IX в. н. э. через Россию, вышли из этих мест.¹ Большой горный хребт, отделяющий Сибирь от России, был поэтому назван Югорским камнем или Югорским хребтом, но ни в коем случае нельзя утверждать, что местность получила свое название от соседства горного хребта и что Угория означает страну, лежащую у гор.² Второе замечание касается vogуличей или vogолов, близайшего народа Сибири, живущего в непосредственном соседстве с хребтом и частью даже в самих горах. Vogулы были в те времена гораздо более отважными и воинственными, чем в настоящее время, и доставляли много беспокойства первым русским поселенцам в Пермской земле. Вероятно, что первый поход имел своей целью скорее усмирение, чем полное покорение этого народа.

* § 4. Немногое, что нам известно из разрядных книг об этом походе, заключается в том, что предводителями его или, выражаясь тогдашним языком, воеводами были два князя из рода князей Ярославских — Семен Федорович Курбский и Петр Федорович Ушатый, которые имели при себе 4024 дворян и детей боярских из разных городов великокняжеской области.³ В некоторых степенных книгах⁴ кратко говорится об успехе этого похода, а именно, что были взяты многие городки, т. е. небольшие укрепления или обнесенные тыном места, где они жили, было убито и взято вилен много

¹ Samml. Russ. Gesch., B. I, I. Stäck, S. 14.

² Не говоря уже о том, что слово гора для обозначения такого большого горного хребта, как этот, никогда не употребляется, и название Югорский хребет не имело бы смысла. Неправильность приведенного мнения о происхождении названия от слова «гора» становится ясной, если при произношении слова «Югорская земля» обратить внимание на ударение. Действительно, если бы это слово обозначало страну, лежащую у гор, то ударение падало бы на второй слог, в то время как в слове Югорская оно падает на первый.

³ В то время в России еще не существовало регулярного войска, которое завел только царь Иван Васильевич под именем стрельцов, вместо них прежде служили дворяне, из них знатные были воеводами и головами, по нынешнему полковниками, а незнатные несли рядовую военную службу, за что получали денежное жалование и землю, посыпвшую название поместья. Дворяне из городов и дети боярские были из самого низкого шляхетства. Дети боярские назывались так потому, что они служили под началом бояр, как их дети. Собственно говоря, их следовало бы ставить ступенем ниже самого мелкого дворянства, несмотря на то, что их потомки в настоящее время считают себя равными прочим дворянам в тех местностях, где это название не употребляется. До сих пор имеются такие дворяне и дети боярские в городах по Волге ниже Казани и по всей Сибири, сыновья которых получают это звание только тогда, когда они, по примеру отцов своих, верстаются в службу.

⁴ См. степенные в Академической Библиотеке под № № 12, 13 и 14: «В лето 7007 великий князь Иван Васильевич послал воинство свое на Угорскую землю и на гогуличи (вогуличи). И шедше взяла грады их, и землю повоеваша, и князей поймав приведоша на Москву, прочих же утричь и гогулль побиша. И придоша все здраво к великому князю».

людей, а самые знатные, называвшиеся у них князьями, приведены в Москву.

§ 5. Два года спустя, как говорят разрядные книги, состоялся еще один поход в эти местности под предводительством вышеупомянутых двух воевод и, кроме того, третьего—Василия Ивановича Заболоцкого, по прозванию Бражника. Упоминаются следующие обстоятельства этого похода.¹ Князь Петр Федорович Ушатый отправился с отрядом детей боярских из Вологды вперед и, пройдя 2000 верст по воде по разным рекам, прибыл к Пинежскому волочку. Там ожидал он двинян, вожан и пинежан, которым приказано было соединиться с ним. 20 июля, в день пророка Ильи, он отправился дальше в поход, и шел 150 верст рекою Колодою, которой на наших географических картах не имеется, а оттуда, с Оленьего Бруда, шел он разными другими реками, между которыми самой значительной была Мезень. Наконец, рекою Печорой он подошел к городу Усташу, который прежде был, кажется, самоедским селением или маленьким городком, и стал ожидать там прибытия двух других воевод. Тут они провели осень, причем укрепили это место по русскому обычаю деревянным острогом. Выступив 21 ноября, во Введеньев день, они дошли через две недели до великого Югорского камня. Если верить описаниям, горы эти доходят до облаков, раздирая их при ветреной погоде своими вершинами. Эти горы тянутся с одного берега моря до другого. Надо иметь в виду отсутствие осведомленности у тех, которые, записывая эти сведения, невольно преувеличивали или просто не были достаточно знакомы с действительностью. Узкий проход в одном месте этих гор дал им возможность пройти через них. Они встретили множество самоедов, из которых 50 человек убили, и получили в добычу 200 оленей. От гор до первого городка Ляпина была неделя пути. Это местечко и сейчас еще является vogульским селением Березовского уезда в Сибири, расположенным на реке Сыгве, впадающей в Сосву. До упомянутого места было пройдено 4650 верст. Их встретили здесь югорские князья, которые приехали на оленях. Повидимому, русские смотрели на них, как на друзей и подданных, так как не сказано, что с ними было какое-либо столкновение. При рассказе о них употреблено

¹ См. разрядные книги 7009 г.: «Послав великий князь князя Петра Федоровича Ушатого да поддал ему детей боярских вологжан. А пошли до Пинежского волочку реками 2000 верст, да тут сождались с двиаяны, да с пинежаны, да с вожаны. А пошли с Ильпна дни Колодою рекою 150 верст, с Оленья броду, па многие реки ходили и пришли в Печору реку до Усташа града. И тут воеводы сождались князь Петр со князем Семеном Курским да с Василем Ивановичем Гавриловым, да тут осеновали в город зарубили. А с Печоры реки воеводы пошли на Введеньев день святые богородицы. А от Печоры воеводы шли до Камени две недели. И тут развелися воеводы князь Петр да князь Семен через Камень щелью, а Камени в облаках не видити, а коли петрено, ипо облака раздирает; а длина его от моря до моря. И убили воеводы на Камени самоеди 50 человек, а взяли 200 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина; всех по та места верст шли 4650. Из Ляпина встретили с Одора на оленях Югорские князи. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. (А) Ляпин взяли и поимали 33 города, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Василий же Бражник взял 8 города да 8 голов. И пришли к Москве дал бог здорово все на велик день к государю.

слово, которое может иметь двойное значение: либо это были князья с реки Удоры или Одоры, впадающей в Мезень, либо они пришли с Обдоры — древнего остяцкого селения на месте теперешнего русского острога Березовского уезда, недалеко от устья реки Оби. После взятия Ляшина ездили воеводы на оленях, а их войско на собаках по окольным местам и взяли еще 33 остяцких и vogульских городка, причем полонили 1009 человек лучших людей и 50 князей. Сверх того, Бражник взял 8 городков и захватил в плен 8 самых знатных людей. Успешно завершив поход, они все благополучно возвратились в Москву в день Пасхи следующего 1502 г.

* § 6. Все же является сомнительным, можно ли вполне доверять приведенным повестям в отношении года похода, или же последний поход является тождественным с предыдущим. Разные соображения подтверждают это сомнение: 1. Так, об успешном окончании первого похода в разрядных книгах не упоминается, наоборот, об этом говорится очень подробно два года спустя в рассказе о втором походе, поэтому очень вероятно, что был всего только один поход и что в указанной исторической записи произошла ошибка. 2. Срок в два года кажется слишком кратким для двух таких далеких и трудных походов. Воеводы могли возвратиться из первого похода не ранее 1500 г., и едва ли их так быстро, уже на следующий год, послали снова обратно. 3. Невероятно, чтобы одни и те же лица, в данном случае воеводы, посылались в столь короткий промежуток времени дважды в такие трудные походы. И хотя во втором известии упоминается третий воевода, о котором не говорится в рассказе о первом походе, однако в некоторых летописях сказано, что он принимал участие также и в первом походе.¹ В тех же источниках о походе 7007 г. говорится, что воевода со своими пленниками возвратились в Москву в марте месяце следующего года, что вполне соответствует рассказу разрядных книг о походе 7009 г.

§ 7. Но, как бы ни было, для нас не представляет особой важности, достигнута ли конечная цель, поставленная Югорским походом, в один или в два раза. Достаточно того, что видно, каким образом уже тогда российское войско перешло через Камень и проникло в северную Сибирь. Надо думать, что столь значительные успехи и надежда сделать в этом направлении еще большее побуждали русских предпринимать неоднократно подобные походы, однако, об этом ничего не говорится в летописях. Причиной того, что это дело тогда было оставлено, могла, с одной стороны, явиться трудность пути, а с другой стороны кончина великого князя Ивана Васильевича (он умер 27 октября 1505 года). Его сын и преемник вели-

¹ Степенная № 15 и два летописца № № 7 и 8 Академической библиотеки, согласно об этом пишут: «7007-го году послал великий князь воевод своих князя Семена Федоровича Курского, да князя Петра Федоровича Упатого да Василия Бражника с силою, с устюжаны, двиняны, и с вятчаны, и с вычегжаны, на Угорскую землю и на гогуличи (вогуличи). Они-же щедше города поимаша и землю повоеваша, и князей приведоша с собой на Москву, а иных князей и земских людей к роте приведоша, по их вере, за великого князя, а иных князей и иных людей юграч и гогулич тамо побили. И приведоша на Москву к великому князю всем здраво лета 7008-го марта».

кий князь Василий Иванович, если основываться на известиях чужеземных писателей,¹ вел много войн с Польшей, Крымом и Казастью. Он впервые внес в свой титул земли Обдорскую и Кондинскую. Под этим названием надо разуметь земли по нижнему течению реки Оби и по реке Колде, впадающей в Иртыш. Из этого можно заключить, что названные земли уже тогда в известной мере были подчинены Российскому государству.

* § 8. Но имеется известие, которое дает основание предполагать, что Сибирь потом опять была забыта, пока, в славное правление царя Ивана Васильевича Великого, она как бы снова была открыта благодаря стараниям одного человека, которого фамилия графов и баронов Строгановых почитает своим предком. Правда, это известие не находится в русских летописях и его приводят только иностранные писатели,² но он заслуживает того, чтобы быть включенным в российскую историю, так как идет оно из России и, кроме того, очень правдоподобно. Поэтому я вновь передам его содержание, откинув те погрешности, которые вкрались в него у иностранных писателей, и дополнив его некоторыми примечаниями.

* § 9. Аника Строганов³ был богатым человеком Соли Вычегод-

¹ Негберстейн. *Comment. rerum Moscov.*, в *Script. regum Moscov.*, р. 11. Respbl. Moscov., р. 18. Союзный трактат с маркграфом Альбрехтом бранденбургским и герцогом Прусским, заключенный 25 марта 1516 г. против короля польского Сигизмунда, папеч. у Гудлина, *Bestand des Russischen Kaysertituls*, S. 13.

² Исаак Масса, голландский описатель земель, впервые напечатал об этом в 1609 г. После этого Ник. Витзен повторил его рассказ в своем драгоценном труде *Noord en Oost Tartarye*, изд. 1, ч. II, стр. 512 и сл., изд. 2, стр. 826 и сл.; кроме того, имеется французский перевод этого известия в *Recueil des voyages de la Compagnie des Indes Orientales*, т. I, р. 151 и сл.

³ Хотя в польском известии не приводится родовое имя Строгановых, но достаточно того, что в нем названо имя Аника, и этот Аника с его честностью, благочестием, щедростью и готовностью служить родине описан так, что в нем без труда можно узнать родоначальника фамилии Строгановых. Витзен, назв. соч., изд. 2, стр. 735 и сл., сообщает примечательное известие о происхождении рода Строгановых. Родоначальником его он считает одного татарского князя из Золотой Орды, который пришел в Россию и принял христианство, из-за чего татары так огорчились, что начали воевать с русскими. Великий князь отправил его со значительными силами против татар. Но сражение кончилось для него неудачей, и он попал в плен к своим соплеменникам, которые с ним очень жестоко поступили: его тело рассекли на мелкие куски и будто бы строгали. У него осталась в России беременная жена, которая в скором времени родила сына; в память о том, как погиб ее отец, ему дали имя Строганов, от слова строгать. Если это известие сопоставить с известиями, имеющимися у фамилии Строгановых, согласно которым их родоначальник носил имя Спиридона и жил во времена великого князя Дмитрия Ивановича Донского, то можно думать, что это имя и является тем, которое получил при крещении вышеупомянутый татарский князь. Если Витзен говорит дальше, что фамилия Строгановых раньше жила в Новгороде, то это может быть верно относительно правнука Спиридона. Козьма, Лука, Федор и Аника, согласно имеющейся в семье Строгановых поколенной росписи, были потомками Спиридона по прямой линии. Между ними особенно известен и богат был Лука Строганов. В царской жалованной грамоте 24 марта 1610 г., па ряду с другими заслугами Строгановых, отмечено, что один из их предков, который по времени не может быть не кто другой, как названный Лука Козьмин сын, выкупил из татарского плена великого князя Василия Васильевича Темного. Возможно, что Федор Строганов в конце XV века, после взятия Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, покинул

ской, где он завел соляные варицы, приносившие ему и государству большие доходы. К нему приезжали ежегодно люди с дорогой мягкой рухлядью и разными товарами; эти люди не всегда были русскими или из других соседних народов, в их языке, одежде, вере и правах замечалось значительное различие; приезжающие называли себя самоедами и другими незнакомыми ими именами. Это вызвало в Анике сильное желание поближе познакомиться со страной, которая производит их богатства. Ради этого он заключил соглашение с некоторыми из этих чужеземцев и послал с ними сначала только 10 или 12 человек своих людей, приказав им ознакомиться со всеми условиями той страны. После благополучного возвращения их с хорошими известиями, он послал на следующий год некоторых своих родственников с мелочными товарами. Они дошли до реки Оби, завязали дружеские сношения с тамошними народами и привезли в обмен на свои товары такое множество самой лучшей мягкой рухляди, что это заставило Анику несколько лет подряд продолжать начатую торговлю. Другие участники этого дела хотели держать втайне полученные ими выгоды от этого предприятия, но Аника не собирался скрывать свои богатства. Он покупал себе все больше земель и людей, выстроил на собственные средства великолепную каменную церковь у Соли Вычегодской, и при его содействии многие соседние селения также украсились церквями. Поскольку это зависило от него, источник его богатства был неистощим, по он предпочел интересы отечества своей собственной выгоде. Он отправился в Москву и сообщил там при дворе все то, что до того узпал о Сибири и ее жителях.

* § 10. В означенном известии упоминается, что при дворе царя Федора Иоанновича Анике много содействовал шурин царя Борис Годунов. Но тут, очевидно, произошла некоторая ошибка во времени. По крайней мере, достоверно известно, что уже при царе Иване Васильевиче различные области Сибири были подвластны Российскому государству и платили ему дань. Царский титул 1554—1556 гг. до некоторой степени доказывает это, так как в нем, между прочим, сказано: «Обдорский, Кондинский и многих других земель, Государь всех Северных берегов»,¹ а в титуле 1558 г.: «Обдорский,

этот город; как известно, многие жители Новгородской области в то время оставили ее пределы и переселились на реку Двину. С этого времени нет уже больше упоминаний о семье Строгановых в Новгороде, но зато они встречаются в Устюге и у Соли Вычегодской, где Аникины старшие братья и он сам прославились разработкой соляных промыслов. Сохранилась жалованная грамота, которую дал 9 апреля 1517 г. великий князь Василий Иванович трем старшим сыновьям Федора Строганова — Степану, Осипу и Владимиру на найденные ими и разрабатываемые соляные промыслы в Устюжском уезде. Эта грамота особенно примечательна для фамилии Строгановых тем, что им уже тогда был предоставлен ряд прав как в отношении их людей, которых они сами судили по всем делам, кроме уголовных, так и в отношении их самих — никто не мог судить их, кроме самого великого князя. Об Анике Строганове и об его потомках будет еще сказано в дальнейшем. Надо упомянуть только еще об одном обстоятельстве, касающемся родоначальника фамилии Строгановых: по словам Вигзена, он привез со своей родины и ввел в употребление в России татарские счеты, на которых производят арифметические вычисления при помощи шариков, надетых на 'роволоку'.

¹ Hakluyt. Princip. navigations, part II, p. 292, 321.

Кондинский и всех Сибирских земель, повелитель Северной стороны». ⁴ К этому можно прибавить, что в одной русской рукописной книге ² указывается, что царь Иван Васильевич в грамоте к польскому королю Сигизмунду от 20 июля 7071 (1563) г. употребил титул «Удорский, Кондинский и вся Сибири». Но еще более выясняется это обстоятельство из известий, непосредственно касающихся Сибири, которые будут приведены в дальнейшем.

* § 11. Я не знаю, относится ли к этому вопросу одна грамота, ³ полученная мною в Сибири, или же она имеет отношение только к Югорской земле по реке Печоре. Это — грамота 7065 (1557) г. царя Ивана Васильевича Певгю, одному из князей Орскордской и Сорикадской земель, в Юсерии. В ней сказано, что несколько царских слуг посылаются для сбора дани с этих земель. Князь Певгей должен ее собрать при помощи прочих Сорикадских князей, и либо сам ее доставить в Москву, либо прислать со своими сродниками. Дань была положена в размере одного соболя на каждого человека, что вполне соответствует условиям Сибири, где при завоевании все покоренные народы облагались прежде всего соболиной данью. Все Сибири в Югорской и Пермской землях соболь уже в древние времена попадался очень редко. На основании этого можно предполагать, что Орскордская и Сорикадская земли находились именно в Сибири. К этому надо прибавить, что той же грамотой предписывалось всем югорским князьям и жителям земли Югорской, через которую лежал путь указанным сборщикам, со всякою безопасностью провожать их от места до места. Впрочем, весьма трудно истолковать эти названия областей и народов, совершенно неведомые в Сибири. Очевидно, в грамоту вкрались явные ошибки, так как я получил только список с нее, который, судя по почерку, может быть довольно древнего происхождения. День и месяц грамоты, когда она была дана в списке, пропущены, надо думать, по недосмотру. Эта грамота была найдена в Томске у одного тамошнего жителя, но как она к нему попала, мне не удалось выяснить.

* § 12. Известие русских летописей о том, что татары на реке Иртыше уже тогда признавали русскую власть и доставляли некоторую дань в Москву, меньше вызывает сомнений. ⁴ В 7065 (1556) году в ноябре месяце воз-

¹ Petreius. *Moscowitische Chronik*, S. 184 и сл.

² Образцов переписки прежних российских царей с европейскими и азиатскими дворами, которые были собраны в 1678 г. из имевшихся в Посольском приказе материалов.

³ Прилож. № 1.

⁴ Степенна в Академической библиотеке под № 12, степень 17, гл. 21: «О покорении Сибирских земли к государю. 7065 году от Сибирского князя Едигера прииде посол ко царю и великому князю и дань привезе, но не исполнену. И того ради государь на Сибирского посла оналу свою возложил и все именне его повеле взять на себя. В Сибирь же посла своего посланника с писанием, яко да исправятся пред ним. И привезоша дань исполнену со вся земли Сибирские и во веки поработиша государю». Летописи описывают все это более подробно: «7065 году месяца ноября пришел из Сибири Матька Куроу, посол царя и великого князя, и с ним пришел от Едигера, князя Сибирского, посол Боянда, а привез царю и великому князю лани 700 соболей». Об оной (в рукописи: «обыскной») дани писал Едигер князь вся земли Сибирской, что их воевал Шипан-

Рис. 6. Город Кашлык.
(Ремезовская летопись, ст. 17.)

вратился в Москву некий Митька Куро¹, который послан был в Сибирь.¹ С ним прибыл посол Сибирского князя Едигера,² по имени Боянда, который привез царю дань в 700 соболей, но это не была обычная полная дань. В присланной грамоте к царю князь Едигер оправдывался, что на этот раз он не мог собрать полную дань, так как на него напал Шибанский царевич и увел у него много людей.³ Но это извинение не было принято царем, так как Митька Куро¹ заявил, что князь Едигер мог бы доставить больше, если бы захотел. Поэтому Боянда, после того как все имевшееся при нем имущество было взято на царя, был посажен под караул, а в Сибирь к князю Едигеру были отправлены два служилых татарина — Девлет Козя и Сабаня Рязанов с грамотой, в которой царь напоминал о необходимости выплачивать вперед дань полностью. Эти татары возвратились в следующем 7066 г. и привезли с собой от князя Едигера другого посланника, по имени Истемира, который доставил полную дань в 1000 соболей и, сверх того, 100 соболей дорожной пошлины и 69 соболей вместо белок, при этом Едигер прислал шертную грамоту, в которой признавал вполне царскую власть и обещал никогда больше не запаздывать с уплатой дани. Тогда предыдущий посол Боянда был освобожден и принят царем вместе с другими послами и отпущен назад в Сибирь. С ними были посланы служилые татары, чтобы собрать дань на будущий год. Но так как князь Едигер, как сказано выше, именно в это время был побежден ханом Кучумом, то, вероятно, в дальнейшем он уже не мог платить царю какую-либо дань:

§ 13. Если верить преданиям и устным рассказам, то нужно думать, что уже в те времена ходили на судах по морю из Архангельска, Мезени и Пустозерского острога в реку Обь. Говорят, что уже во времена царя Ивана Васильевича в Березове были русские жители, которые пришли туда морем. Нельзя отрицать, что в то время ходили по морю от Хол-

---

ской царевич и людей поймал многих. А Митька Куро¹ сказывал, что им возможно было сполна дань прислать, да не похотел. И царь и великий князь из Сибирского посла опалу положил, вслед его животы поймать, а ему за сторожки сидеть; а в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтобы во всем пред ним государем исправили». Другая летопись содержит продолжение: «7066 году приехали из Сибири царя и великого князя служивые люди татарова Девлет Коая да Сабаня Рязанов, а с ними Едигеря, князя Сибирского, посланники Истемир с товарищами, и привезли дань Сибирские земли сполна 1000 соболей, да дорожной пошлины 100 соболей, да 69 соболей за белку, да грамоту шертную привезли со княжнею печатью, что ся учинил князь в холопстве, а дань на всю свою землю положил вперед ежегод безпереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великий князь посла его Боянду выпустил и очи свои дал [видеть] и пожаловал отпустил; а с ним послал служивых татар ио дань в передней год».

¹ Сокращенное имя Митька значит Димитрий. Обычай писаться полуименем был запрещен царем Петром I в указе 30 декабря 1701 г.

² См. выше, гл. 1, § 68 и сл.

³ В главе 1 § 69 рассказывается, как князь Едигер был побежден ханом Кучумом. Это произошло именно в данное время, причем под именем Шибанского царевича нельзя подразумевать никого другого, как хана Кучума; вероятно, шибанским царевичем его называли, как потомка хана Шейбани, внука Чингис-хана.

могор до реки Печоры и даже, может быть, до Вайгачского пролива, но это еще не доказывает, что доходили и до реки Оби, и что так далеко имелись русские поселения. Если даже в те времена, что весьма сомнительно, в Березове были русские, то естественнее предположить, что пришли они туда прямой сухопутной дорогой через Югорские горы, чем кружным путем по морю.

§ 14. В те времена существовало много путей из России на реку Обь по рекам, вытекающим с двух сторон из гор; и когда позволяло время года, ходили водою. Отправляясь по реке Вычегде вверх, доходили до реки Вишеры, впадающей в Каму, и отсюда недалеко до реки Лозвы, которая несет свои воды в Тавду и вместе с ней в Тобол. Отправляясь вверх по реке Выми, впадающей в Вычегду, доходили до реки Ижмы и по ней в Печору. От Печоры по трем рекам вели три разных пути к рекам, впадающим в Обь. Из них первый шел вверх по реке Шокуру и оттуда на Сыгву или Ляшину. Другой следовал по реке Олешу или Илычу и вел к Сосве. Оба пути соединялись у впадения Сыгвы в Сосву и в дальнейшем до Оби составляли один путь. Третий вел по притоку Печоры Усе, из которой попадали в реку Собь и по ней также в Обь. Между всеми этими дорогами самыми обычными являлись те, которые вели на реки Сыгву и Сосву, так как они были известны с давних пор. Тот путь, по которому доходили до Лозвы, являлся новейшим и был открыт Аникой Строгановым.

* § 15. Этот честный муж не имел основания раскаиваться в том, что послужил отечеству, не взирая на свои собственные выгоды. За свою верность он был награжден тем, что ему было разрешено занять Пермскую землю, которая до тех пор была мало заселена, что давало ему и его семье большую возможность, чем у Соли Вычегодской расширять свои владения. В это время вся местность по реке Каме, от Соли Камской до устья реки Чусовой, еще не была заселена русскими. Самый город Соликамск еще не был построен, и места эти обозначали просто, как лежащие ниже Чердыни. Аника Строганов просил эти места для себя и своих наследников во владение, на что и получил 4 апреля 7066 (1558) г. жалованную грамоту, писанную на имя его старшего сына Григория, который выхлопотал ее в Москве. Спустя 10 лет после того второй его сын Яков просил о землях по реке Чусовой, на которые ему также была дана жалованная грамота 25 марта 7076 (1568) г., после чего оба брата в 7082 (1574) г. марта 30 получили еще одну жалованную грамоту на места по реке Тоболу в Сибири. Я не упоминаю о других землях, пожалованных их детям и наследникам, так как это не касается истории Сибири. Указанные же три грамоты содержат в себе разные обстоятельства и сведения, служащие для объяснения тогдашнего состояния Сибири, а поэтому их здесь нельзя опустить.¹

§ 16. В этих грамотах прежде всего примечательно то, что Строгановым разрешено было строить города и заводить солевые варницы на Каме и на Чусовой, и для защиты от нападений со стороны ногайцев и других нар-

¹ Прилож. № № 2, 3 и 5.

дов окружать их укреплениями, держать в них крупные и мелкие орудия и принимать на службу пушкарей и других нужных людей. Из сказанного ясно, что этим было положено начало русского владычества в тех краях и что на реках Каме и Чусовой русские не чувствовали себя тогда в безопасности от нападений со стороны далеких ногайских татар, живших тогда между Яиком и Тоболом, потому что города Кунгур и Уфа еще в то время не существовали. Кроме того, для подтверждения нашей мысли необходимо особенно отметить, что в двух первых жалованных грамотах сказано, что послам из Москвы, отправлявшимся в Сибирь или же ехавшим из Сибири в Москву и проезжавшим через Строгановские городки, Строгановы должны были в течение нескольких лет оказывать помощь лошадьми, подводами и людьми, а также съестными припасами, но не иначе как за деньги. Необходимо пояснить, что по старинному обыкновению все служилые люди, отправлявшиеся по государевым делам, и особенно послы, во время своего пути получали безденежно от жителей тех местностей, через которые они проезжали, не только подводы, но и все съестные припасы. То, что между Россией и Сибирью действительно существовали посольские спосы, подтверждается сказанным выше,¹ другой пример того же будет указан пеколько дальше.

§ 17. Прежде чем говорить о третьей жалованной грамоте, надо привести царский указ от 7080 (1572) г.,² в котором говорится о восстании черемисов и присоединившихся к ним башкиров, вотяков и остяков, которые подошли к Каме и грабежами и убийствами причинили там много разорения. В разрядных книгах под 7081 (1573)-м годом рассказывается: для усмирения восставших был совершен поход в Казанскую землю под начальством воевод князя Андрея Петровича Куракина, князя Бориса Васильевича Серебряного, князя Андрея Петровича Хованского и князя Андрея Дмитриевича Палецкого. В третьей жалованной грамоте Строгановым³ находится также упоминание об этом восстании черемисов, правда, с добавлением, что как будто и хан Сибирский принимал в нем участие.

* § 18. Далее, из той же грамоты видно, что в 7081 (1573) г. в июле месяце брат хана, по имени Маметкул, наступал на Пермь со стороны реки Тобола и, не дойдя пяти верст до Строгановского острога на Чусовой, вернулся обратно. Он побил много остяков⁴, плативших ясак русским, а их жен и детей увел в плен и велел умертвить русского посла Третьяка Чебукова и нескольких татар, которые шли в Казахскую орду.

§ 19. Главное содержание жалованной грамоты 7082 (1574) г. состоит в том, что Строгановым были отданы во владение все земли по реке Тоболу

¹ § 12.

² Прилож. № 4.

³ Прилож. № 5.

⁴ Под остяками надо понимать, здесь vogulov, живших в верхней части реки Чусовой и по склонам Югорских гор. Название «остяки» было заимствовано тогда от татар, называвших все народы, жившие в тех местах, общим именем остяков, по-татарски «шиятя».

и разрешено, по примеру их Пермских владений, заселять их людьми всякого чина, строить города и крепости, держать в них пушки, пушкарей и пищальников, плавить железную руду, где ее сыщут, и вообще использовать землю и ее богатства. За это они должны были защищать ясачных во-гулов от нападений татар, а также пытаться подчинить России Татарское царство на реке Иртыше. Но удаленность местности препятствовала Строгановым сейчас же вступить во владение пожалованными землями, и еще меньше желания имели они к тому, чтобы направить свои силы на выполнение последнего условия — подчинить татар Российскому государству. То обстоятельство, что о посылаемых в Сибирь и оттуда возвращавшихся послах говорится как в этой, так и в других жалованных грамотах, дает основание думать, что в Москве еще не рассчитывали тогда покорить Татарское царство, а думали только о том, чтобы как с татарами, так и со всеми другими соседними народами поддерживать дружеские сношения и вести торговлю, что возможно было только путем посольских сношений. Однако, едва прошло три года, как произошло событие, послужившее основанием для очень больших надежд.¹

§ 20. Благодаря частым приездам персидских и бухарских посольств и торговых караванов, Россия начинала уже пользоваться результатами завоеваний царя Ивана Васильевича, распространившего русские владения до Каспийского моря. Но только строгими наказаниями можно было удержать донских казаков, необузданых в своей гольности, от разбойниччьих нападений на чужеземцев. Наглость казаков доходила до того, что они нападали даже на русских послов, ездили в Персию, причем грабили казну, пославшуюся царем Персидскому шаху. Местности по Волге и у Каспийского моря находились в постоянном страхе перед их набегами. 1 октября 7086 (1577) г. царь послал против них стольника Ивана Мурашкина со значительным отрядом.² Разбойники были рассеяны или убиты. Несколько тысяч из них бежало на Каму, а оттуда в Сибирь, где они, сами того не подозревая, положили основание русскому владычеству над этим большим царством.

* § 21. Атаманом или предводителем этих людей был Ермак³ Тимофеев. Он пришел в принадлежавший Строгановым на Каме городок Орел⁴,

¹ Рассказом о последующих событиях начинаются сибирские летописи, которыми я буду пользоваться, пока не дойду до тех времен, о которых имеются архивные материалы; сравнение последних с летописями сделает рассказ вполне достоверным: архивные же материалы послужат для исправления и дополнения летописей.

² В исчислении времени и в рассказе о походе стольника Мурашкина я следую Ремезовской летописи, так как прочие сибирские летописцы об этом ничего не говорят.

³ Ермак есть сокращенное имя от полного Ермолай.

⁴ Орел городок, в виду открытых там соляных источников, был построен Строгановыми по царской жалованной грамоте 2 января 7072 (1564) г. Это место уже раньше называлось Орел, и хотя новому городку, я не знаю по какой причине, дали название Кергедан, но первое название пользовалось большим распространением, тогда как последнее известно только из жалованных грамот. Таким же образом было забыто и название Канкара, которое носил первый Строгановский городок на Каме, построенный по жалованной грамоте 4 апреля 7066 (1558) г. Он находился при

выстроенный незадолго до того. Его поведение здесь не было таким вызывающим, как до этого, но и не таким, чтобы можно было оставить всякий страх перед этим неожиданным гостем. Максим Яковлев сын Строганове,¹

впадении в Каму речки Пыскорки, там, где теперь стоит Пыскорский монастырь и открыт медный рудник. Пыскорский монастырь построен Строгановыми в 1570-м г. Так как монастырь весьма нуждался, то Строгановы уступили ему не только городок Канкар и прилежащее к городку усолье, но и все земли от речки Пыскорки до северных границ их владений, т.-е. до речки Лозвы. С этих пор упоминается только Преображенский Пыскорский монастырь, а название городка Канкара больше не встречается. После этого главным местом своего пребывания Строгановы избрали Орел. Новое Усолье, теперьшнее главное место Строгановских владений в Пермской земле, построено уже после.

¹ Мы упоминали выше об Якове Аникиеве сыне Строганове. Его сын Максим оказался таким образом, исполнителем заветных желаний своего деда в отношении Сибири. У Витзела, во втором издании на стр. 734, во время похода Ермака, главой Строгановых назван Даниил. Ошибка произошла, очевидно, оттого, что Даниил Строганов был старшим в семье в то время, когда Витзен находился в Москве, именно в 1677 г. Даниил был внуком Максима; его отда звали Иваном. Два других сына Максима умерли, не оставив наследников, так же как и Никита, сын Григория Строганова, старшего сына Аники. Сам Даниил и его брат Михаил не оставили мужского потомства. Третий сын Аники—Семен продолжил род Строгановых до наших дней. После него осталось два сына: Андрей и Петр, из которых первый в 1607 г., благодаря своей верной службе в Смутное время, получил от царя Василия Ивановича Шуйского для себя и для своих потомков почетное звание «именного человека», которым, кроме Строгановых, никто не пользовался. Издавна одним из важных преимуществ отдельных родов и лиц было то, что в царских указах и на суде к имени отца прибавлялся слог «виц», причем пропуск его рассматривался, как оскорблениe, если, напр., вместо Алексеевич было написано Алексеев сын; это право предоставлялось только знатнейшим из служилых людей и тем, которые занимали видные и почетные должности. Подобно им, и Строгановы получили тогда это преимущество. Кроме того, ни они сами ни их люди не подлежали общему суду. С жалобами на них надо было обращаться непосредственно к царю, а своих людей судили они сами. Все эти преимущества получили они для себя и для своих потомков и людей в 1614 г. сентября З от царя Михаила Федоровича, в награду за их большие заслуги в деле освобождения Москвы от поляков. Эти пожалования подтверждались и последующими царями во многих жалованных грамотах. Так как вся фамилия Строгановых отличалась набожностью, справедливостью и щедростью, э божье благословение почивало на них, благодаря чему Строгановы получали все больше и больше земных благ. Они пребывали в постоянной милости у тогдашних государей и пользовались общей любовью, дружбой и доверием со стороны богатых и бедных. Уже в прошлом столетии эта фамилия была связана брачными узами с княжескими фамилиями. Сын названного выше Андрея Дмитрий Строганов был женат на княжне Волконской, его сын Григорий Дмитриевич Строганов состоял в первом браке с княжной Мещерской. Его вторая супруга Мария Яковлевна, из знатного рода Новосильцевых, своей благотворительностью помогала многочисленным шведским военнопленным забыть свою неудачу при Полтаве. Из дочерей Строгановых, Пелагея Дмитриевна, сестра Григория Строганова, была замужем за князем Голицыным; Степанида, дочь Даниила Строганова, была женой князя Урусова; Анна Петровна, племянница Андрея, состояла в браке с князем Звенигородским. Григорий Дмитриевич оставил после себя трех сыновей: Александра, Николая и Сергея, которые в 1722 г. получили от царя Петра Великого баронство и, благодаря своим исключительным заслугам, достигли высоких придворных и государственных должностей. Барон Александр Григорьевич не оставил после себя мужского потомства. Одна из его дочерей вышла замуж за камер-юнкера князя Петра Михайловича Голицына. Барон Николай Григорьевич имел многочисленное потомство обоего пола; его сын и две дочери уже состоят в браке, сын женат на княжне Голицыной, одна из дочерей вышла замуж за обергофмейстера графа Скавронского, а другая за князя Долгорукова. Единственный оставшийся в живых сын барона Сергея Григорьевича камер-юнкер Александр Сергеевич

живший тогда в Орле, принял Ермака с его товарищами очень радушно и, боясь подвергнуться насилию с их стороны и как человек богатый, снабдил их всем необходимым.

* § 22. Что касается времени похода Ермака, то обыкновенные Сибирские летописи дают об этом весьма недостаточные сведения. Разбой казаков на Волге, бегство на Каму и последующий поход в Сибирь описываются в них под одним 7089 (1581) г. Легко заметить, что это мало вероятно. Напротив того, известия, приводимые Витценом,¹ неверны в том отношении, что все события описываются у него, правда, в том же порядке, но отнесены на несколько лет раньше, а именно: разбой казаков на Волге происходил будто бы в 1572 г., отправка царских воевод против казаков в 1573 г., а бегство на Каму описано под 1574 г. Одна только Ремезовская летопись дает нам об этом сведения, не подлежащие никакому сомнению.

§ 23. В ней говорится, что Ермак, лишь только прослыпал об отправке против него и его товарищей значительного войска, побежал 28 августа на Каму. Без сомнения, это относится к 7085 г., который по тогдашнему летосчислению кончался августом 1577 г., потому что год 7086, в котором упоминается октября 1 отправление Ивана Мурашкина, начался сентябрем того же самого 1577 г. Правда, нет точных указаний на то, что Ермак со своими казаками зимовал у Строгановых, и, принимая во внимание одно обстоятельство, о котором скажу ниже,² можно думать, что этого не было. Но этому противоречит рассказ Ремезовской летописи о последующих походах, на основании чего надо полагать, что Ермак не только эту зиму, но и большую часть следующего лета провел на Каме.

§ 24. Избранд Идес³ пишет, что Ермак вместе со своими товарищами бежал вверх по Каме и оттуда по Чусовой, где в продолжение некоторого времени Строганов использовал этих разбойников, как людей крепких и сильных, для работы на пашне, и они будто бы распахали ему земли по реке Чусовой, длиною в 70 миль, которые до тех пор лежали необработанными; после этого Ермак, думая, что он заслужил расположение своего благодетеля, просил его об исходатайствовании у царя прощения своих вин и, вместе с тем, предложил покорить царю царство Сибирское; будто только после этого стяжался он в путь для выполнения задуманного намерения. Если бы это было действительно так, как говорит Избранд Идес, то Ермак должен был бы прожить у Строгановых больше года. Из дальнейшего будет видно, что рассказ Избранда целиком неверен.

Строганов недавно по высочайшему повелению был отправлен в Вену к Римскому императорскому двору, где получил от императора Римского звание графа Священной Римской империи. Его супруга, графиня Аня Михайловна, является дочерью канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова. Так возвышает, так благословляет провидение всех, имеющих заслуги перед родиной. В истории Сибири неоднократно должна быть отмечена эта фамилия, принимавшая в ней такое большое участие и любезно предоставившая автору для пользования свой архив.

¹ Изд. 2-е, стр. 736.

² § 47.

³ Reisebeschreibung nach China, cap. III, S. 25; то же в Voyages au Nord, t. VIII, p. 24.

§ 25. Следует рассмотреть одно существенное обстоятельство, а именно как велик был отряд Ермака, с которым он отправился в поход в Сибирь. Сибирские летописи говорят о 540 казаках, к которым Строганов добавил еще 40 человек зырян и русских. Часть из них являлась проводниками, другие примкнули добровольно. Это сообщение о числе людей Ермака настолько маловероятно, что можно было бы поверить в неслыханное чудо, если принимать все это за правду. Путь, которым им пришлось идти, был не таков, чтобы его можно было пройти в один год. От недостатка злосчастных пришасов и великих трудностей пути они должны были лишиться очень многих своих товарищей. К тому же им приходилось в пути иметь дело с неприятелем, везде пробиваться вперед силою, и, следовательно, нетрудно догадаться, сколько народа погибло в частых схватках и сколько было убито коварным образом враждебными народами. К тому же труда себе представить, чтобы в этом отряде все отличались однаковой выносливостью. Скорее можно сказать, что некоторые из них, потеряв надежду на благополучный исход похода, сбежали с дороги. И когда Ермак прибыл, наконец, к ханской столице на Иртыше, с кем же он мог произвести нападение и одержать победу, если вся его рать в начале похода состояла в такого малого количества людей? Ремезовская летопись описывает эти события более правдоподобно. Там говорится, что отряд Ермака, с которым он чинил разбой на Волге и Каспийском море, состоял из 7000 человек, из которых до 6000 человек бежали на Каму и были с ним в начале Сибирского похода; затем описывается, как число этих людей все более и более уменьшалось. Надо удивляться еще благосклонности судьбы, что такое важное завоевание было приведено к счастливому окончанию таким же малым количеством людей.

§ 26. Когда Ермак жил у Строганова, от тамошних жителей и особенно от пришедших вместе со Строгановыми из Сольвычегодска зырян, которые ходили на звериный промысел по всем окрестным землям, он получил сведения о соседней Сибири и об удобном пути туда по реке Чусовой. Известия эти давали ему надежду, что если не удастся покорить эти страны, по крайней мере набегами добыть оттуда столько богатств, сколько потребуется ему и его людям в дальнейшем. Представляется маловероятно, чтобы Ермак с самого начала надеялся на счастливый исход своего похода, как это потом ему удалось, или чтобы он со своими товарищами отправлялся с намерением покорить Сибирь Российскому государству. К тому же и поход предпринятый им летом 7086 (1578) г., опровергает эти предположения.

* § 27. В этом походе Максим Строганов участвовал лишь тем, что добровольно или по принуждению снабдил казаков на лорогу хлебом. Кажется, что он намеренно не оказал им той помочи, которую мог бы предоставить. Не видно, чтобы он дал им тогда в проводники опытных людей знающих по своим прежним поездкам Сибирские земли и путь туда по реке Чусовой. Таким образом случилось, что не пропавши путь пути вверх Чусовой, как Ермак, по неведению или по ошибке, повернул направо

реке Сылве, причем в Ремезовской летописи указывается день, когда это произошло — 26 сентября 7087 (1578) г.

§ 28. Если бы Ермак во время заметил свою ошибку, он, может быть, вернулся бы назад и отырвался бы по реке Чусовой, но он продолжал идти вверх по Сылве до тех пор, пока наступившая зима не заставила его остановиться. То место, где он тогда зимовал, и поныне носит название Ермакова городища. Вероятно, из боязни нападения со стороны окрестных татар, Ермак каким-нибудь образом укрепил место своей зимовки или огородил его стоячим тыном, откуда и произошло название городища, обозначающее место, где прежде был острог, укрепление или крепость. Зимой он посыпал против ногулов отдельными отрядами до 300 человек казаков, которые вернулись с богатой добычей.

§ 29. Несмотря на то, что эти люди в продолжение многих лет добывали себе средства к жизни беззаконными делами и не отказывались от них в настоящем, нельзя сказать, чтобы они совсем забыли страх божий. Молитвою и добрыми делами Ермак надеялся заслужить для себя и своего дела милость божию. При нем находились три священника и беглый монах, которые отправляли богослужебные обряды. Весной он велел выстроить часовню во имя святителя Николая, и 9 мая, в праздник этого святого, велел ее освятить. По его приказу, строго следили за тем, чтобы никто блудом или другими греховными делами не навлек на себя гнева божьего. Кто нарушал это, того всепародно обмывали и сажали на три дня в железа. По примеру донских казаков было положено у них также паказание за пеповинование начальникам и за побег. На преступников, приговоренных к смертной казни, надевали мешок, наполненный песком и камнями, и бросали их затем в воду. Тем же, преступления которых были не так важны, насыпали песку в одежду и в таком виде сажали на некоторое время в воду. Больше 20 человек, которые хотели было бежать обратно в Россию, были казнены таким образом в реке Сылве.

§ 30. Однако, когда Ермак весной отправился в обратный путь, многие из казаков получили от него разрешение остаться на месте зимней стоянки на постоянное жительство. Это было первое русское поселение на реке Сылве. Повидимому, осталось на месте немало народа, потому что после того упоминается только 5000 человек, отправившихся с Ермаком во второй поход по реке Чусовой.

§ 31. Между тем, благодаря упомянутым выше казачьим отрядам, отправленным зимой в разъезд против ногулов, стали несколько более известны пограничные Сибирские земли. Сделалось ясно, что, ввиду дальнего расстояния, нельзя было отправляться туда без достаточного запаса продовольствия и без военных припасов, нужных, чтобы дать отпор враждебным народам. Для получения же их не было иного выхода, как обратиться к помощи того же, не раз упоминавшегося, Строганова. Поэтому Ермак решил вернуться со своим отрядом к нему.

§ 32. Чего рассудить, что для частного человека представляло некоторое

затруднение снабдить стольными и военными припасами такое большое количество людей, отправлявшихся в столь далекий путь, поэтому и Строганов указал казакам¹ на невозможность выполнить их требования. Однако, угрозы казаков убить его, разграбить его дом и разделить все его имущество между собою заставили Строганова вступить с ними в некоторое соглашение. Он погребовал только, чтобы точно было установлено количество запасов, необходимое для одного человека, и чтобы казаки письменно обязались, при возвращении с хоролей добычей, возместить ему стоимость выданного. Таким образом договорились на том, что Строганов даст три пушки, безоружным казакам ружья и каждому из 5000 чел. по три фунта пороха, по три фунта свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна,² по пуду сухарей, по пуду соли, по безмену² масла коровьего на двоих и по половине соленой свиной туши. Казаки потребовали также, чтобы на каждые сто человек им было выдано знамя, украшенное образами. Работали днем и ночью, чтобы перевешать и перевезти из амбаров и житниц все, обещанное по договору. Но когда казаки стали все это грузить на суда, последние не выдержали такой басльтой тяжести и стали тонуть. Из-за этого произошла некоторая задержка, так как к судам пришлось прибывать большие боковые доски, а когда и это не помогло, Ермак решил оставить часть запасов и взять только то, что можно было увезти на судах.

§ 33. Наконец, к 12-му или, как сказано в другом месте той же летописи, к 13 июня 7087 (1579) г. все было готово к отплытию. Казаки простились со своим благодетелем и обещали ему, что если они с божьей помощью возвратятся благополучно и с хорошей добычей, то не только возместят полученное от него, но еще отблагодарят его чем-либо иным. Если же им не посчастливится и их перебьют, то они помянут его благодеяния на том свете. Из предосторожности Ермак взял с собой из числа строгановских людей и из живших там зырян несколько проводников, знающих те места, чтобы опять не сбиться с прямого и кратчайшего пути.

§ 34. Таким образом, в этот поход отирались с большей уверенностью. Чтобы поднять настроение казаков, Ермак взял с собой разные музыкальные инструменты: барабаны, литавры и трубы. Над этой небольшой армией он считался как бы генералом. Самыми видными после него были два его друга, носившие звание атаманов — Иван Кольцов и Иван Гроза; к ним можно присоединить пятидесятника Богдана Брягу или Брязгу, который, хотя был чином ниже; но, как любимец Ермака, имел не меньшее значение, чем оба предыдущие. За этими тремя следовали 4 есаула, которые были выбраны из рядовых казаков; их должность состояла в выполнении обязанностей адъютантов и секретарей. За нимишли сотники или начальники над сотнями. Все войско было разделено на отряды по сто человек каждый. Такой отряд в свою очередь имел двух пятидесятников, из которых каждый

¹ Жареная овсяная крупа, которая в сухом виде или смешанная с водой употребляется в пищу.

² Два с половиной фунта.

был начальником пятидесяти человек, и одного знаменника, носившего знамя, а каждые десять человек имели своего десятника. Таким образом, в этом походе уже существовал известный порядок, о котором едва ли можно было предполагать, зная безудержные и неистовые нравы казаков. Как уже отмечено выше,¹ те или иные проступки показывались у них очень строго; только грабеж не считался у них преступлением и не наказывался. Казаки смотрели на этот способ добывания средств к жизни, как на свое призвание, и считали, что на чужое добро они имеют те же права, что и на свое. Но, кажется, у них было мало поводов заниматься грабежом на реке Чусовой, так как эта местность не была заселена тогда русскими, vogулы же жили только в верхнем течении этой реки, и при медленном продвижении казаков в летнее время они легко могли прятаться в лесах вместе со своим немногочисленным добром.

§ 35. Но, несмотря на это, рассказывают, будто Ермак уже во время этого похода имел такие большие богатства, что не считал возможным везти их с собой, а потому сложил их на берегу реки Чусовой в одной скале, в образовавшейся в ней пещере с выходом к реке. По возвращении он легко мог забрать эти богатства с собой. Еще поныне показывают эту скалу и называют ее в память Ермака «Ермаковым камнем». Скала находится на правом или северном берегу Чусовой, в трех верстах ниже устья впадающей с этой же стороны небольшой речки Сыльвицы и в семи верстах ниже деревни Коцчика, в которой живут крестьяне Строганова и vogулы Верхотурского уезда. Люди, бывавшие в этой пещере, рассказывают, что скала очень крутая и что отверстие в ней расположено на расстоянии нескольких футов над водой; так как в нее нельзя было попасть снизу, то спустились с вершины скалы на веревках до отверстия, вошли через него и нашли очень большую пещеру, но не обнаружили каких-либо следов когда-то спрятанных там сокровищ.² Если такие сокровища, действительно, существовали, то они могли быть частью добычи, награбленной еще на Волге, частью же это могла быть мягкая рухлясть, взятая казаками у vogулов еще во время первого похода.³

§ 36. В то время, как все это происходило у Строганова и на Чусовой, как рассказывает Ремезовская летопись, слухи о бегстве Ермака и помохи, оказанной ему Строгановым в подготовке похода в Сибирь, дошли до Москвы. При дворе опасались, что такое дерзкое и смелое дело может причинить большие затруднения Российскому государству и, в особенности, представить опасность для плохо укрепленных пермских границ. Царь Иван Васильевич приказал поэтому отправить Максиму Строганову грамоту, в которой указывал ему на его дерзость и на предстоящие от того беспокойства и грозил ему своим гневом в случае, если дело будет иметь неблагоприятный исход, но вместе с тем обещал ему свои милости, если это предприятие послужит к пользе и расширению государства. Об этой царской грамоте, под-

¹ § 29.

² Описание этой пещеры сходно с тем, которое дано в труде Витзена, изд. 2, стр. 736.

³ § 28.

липник которой сохранился до наших дней, в дальнейшем будет сказано подробнее.¹ Мне кажется, что сочинитель летописи имел ее в виду, но он ошибся лишь во времени.

§ 37. Одно обстоятельство причинило Ермаку во время его пути по Чусовой большие затруднения. Река в своем верхнем течении оказалась такой мелкой, что требовалось много труда, чтобы тянуть по ней суда. Со слов своих предков, тамошние жители, однако, рассказывают о том, что Ермак придумал средство против этого затруднения: растягивая паруса с судов на подобие шлюзов или плотины, он подымал уровень воды в реке, благодаря чему, находившиеся впереди суда могли продвигаться вперед на некоторое расстояние. Но когда суда уходили далеко, и это не производило нужного действия, он приказывал растягивать паруса снова позади судов в более близком расстоянии, и таким образом, хотя медленно и с великим трудом, они дошли, паконец, до реки, носящей название Нижней Утки.² Но по поводу изложенного возникают серьезные сомнения. Река Чусовая настолько широка, что ее вряд ли можно было запрудить парусами. Рассказ в той его части, которая относится к Чусовой, может быть не верен. Он скорее подойдет к следующему ходу по небольшой речке Серебрянке. Одно только верно, что этот способ передвижения с успехом применялся и на других реках Сибири даже в недавнем прошлом.

§ 38. С реки Чусовой предстояло перебраться на Туру и Тобол. Для этого надо было отыскать небольшую речку, которая впадала бы с северной стороны в Чусовую, а начиналась по близости какой-либо небольшой речки, впадающей в Туру. По ней должны были продвигаться еще некоторое время водным путем, а там, где это далее было невозможно, продолжать путь по суше, с тем чтобы на следующей речке опять двигаться по воде. Проводники уверяли, что Межевая Утка вполне отвечает этим условиям, однако при обследовании скоро выяснилось, что она недостаточно глубока и не пригодна для указанной цели. Хотя она берет начало недалеко от реки Тагила, впадающего в Туру, но расстояние до Тагила от того места, где даже мелкими судами ходить по ней далее нельзя, слишком велико; других же небольших речек, впадающих в Тагил и пригодных для тех же целей, proximity не было.

§ 39. Из-за этого мелководья Ермак должен был вернуться назад и искать другую речку. Ему указали на Серебрянку, получившую свое название от серебристой прозрачности ее воды. Отправившись по ней, он нашел

¹ Гл. 3, § 3.

² Три реки, которые носят название Утки и впадают с южной стороны в Чусовую, различаются названиями Верхней, Средней и Нижней; последняя называется также Межевой Уткой, т. е. пограничной, так как она служит в настоящее время границей Строгановских владений со стороны Сибири. Строгановы вначале не имели средств заселить всю область по реке Чусовой до ее истоков, полученную ими по жалованной грамоте. Между тем, верхотурские воеводы стали раздавать земли именно в верхнем течении этой реки, и на Нижней или Межевой Утке эти поселения встретились со Строгановскими.

ее вполне удобной для плавания за исключением мелких мест, где ему пришлось применить вышеуказанный способ с парусами.¹ В виду бесполезно проделанного пути по Межевоей Утке, казаки слишком сильно запоздали и только с наступлением зимы пришли к тому месту, где надо было оставить Серебрянку и отправляться дальше по суше. Поэтому Ермак снова приказал разбить здесь зимний лагерь, укрепив его по своему обыкновению стоячим тыном, остатки которого еще до сих пор можно там видеть.² У Ермака осталось тогда не более трех тысяч человек, так как часть его людей либо разбежалась от тяжелой работы, которую они приуждены были выполнять в течение всего лета, либо погибли от болезней.

§ 40. Недалеко от их зимовья жило много vogulov. Без особого труда их отыскали, чтобы застасись у них продовольствием, которое у казаков было уже на исходе. Отдельные отряды, посылающиеся в течение зимы к vogулам, возвращались обычно с большими запасами. Они состояли из мяса разных зверей, убитых vogулами на охоте, и из сушепой рыбы. Было бы хорошо, если бы казаки довольствовались этим и не брали бы ничего иного, кроме съестных припасов, а из последних — лишь то, что являлось излишком у населения. Но их разбойничьи наклонности не могли этим удовлетвориться: они забирали у vogulov все, что находили, оставляя несчастный народ в их убогих юртах совершенно обобранным и без всякого продовольствия.

§ 41. Такое жестокое обращение не могло, конечно, вызвать расположения к казакам. Слух об их приходе быстро распространялся до самых отдаленных мест. Не только vogулы, но и соседственные им татары собирались во множестве, чтобы объединенными силами оказывать отпор своим непрошенным гостям. Рассказывают, что один казачий отряд отправился однажды из зимовья Ермака через Тагил на разведку до реки Нейвы. Татарский мурза, живший при этой реке, собрал столько татар и vogulov, что казаки не могли с ними справиться, и едва ли кто-либо из казаков спасся, чтобы дать весть Ермаку. На том месте, где жил этот татарский мурза, позже была построена слобода, получившая поэтому название Мурзинской.

* § 42. В то же время Ермак должен был думать о том, как ему удобнее продолжать свой путь весной. Ему указывали для этого на небольшую речку Баранчу, которая протекала в 10 верстах от его зимовья и впадала с запада в Тагил.³ Путь был очень удобным и ровным, так что можно было без особых трудов перевезти все запасы. Ермак хотел перетащить волоком даже мелкие суда, чтобы не нужно было строить новые. Но этот труд был не под силу его людям, и поэтому казаки были принуждены бросить мелкие суда по дороге. Как уверяют живущие в тех местах русские и vogулы, на основании

¹ § 37.

² Это место в память Ермака называется «Ермаковым городищем»; оно находится на северо-восточном берегу Серебрянки при устье небольшой речки Кокуя.

³ Ремезовская летопись называет, правда, эту речку Абугаем, но в тамошних местах не имеется реки с таким назначением; в данном случае скорее можно верить рассказам местных жителей, так как они подтверждаются разными следами на чуть.

будто бы их личных наблюдений, между Баранчей и Серебрянкой до сих пор можно видеть остатки этих судов: через прогнившие их днища проросли теперь большие деревья.

§ 43. Когда все было готово к отправлению, Ермак произвел смотр своему отряду и обнаружил, что за минувшую зиму почти половина его выбыла из строя — часть людей сбежала, часть была убита, а иные померли своею смертью. Осталось всего 1636 человек, с которыми он 1 мая 7088 (1580) г., по вскрытии рек, снова отправился в путь. Небольшая речка Жаравля впадает там в Баранчу с южной стороны. В устье этой речки Ермак велел выстроить небольшие плоты, на которых он плыл до Тагила. На этой реке строили опять струги, из-за чего пробыли там несколько недель; это место получило также название Ермакова городища,¹ потому что из предосторожности Ермак приказал и это место некоторым образом укрепить.

§ 44. Во время пути по Тагилу ничего особенного не произошло. Этой рекой Ермак добрался до реки Туры, по которой и следовал далее вниз по течению. Здесь можно исправить певерный рассказ Страленберга,² который говорит, будто Ермак через Верхотурские горы добрался до реки Туры, где из-за зимнего времени он должен был остановиться и устроить укрепление в том месте, где ныне стоит город Верхотурье; там он будто бы получил от Строганова новые запасы продовольствия и военного снаряжения, с которыми в следующую весну, на выстроенных им судах, отправился вниз по Туре и Тоболу до татарского города Сибири на Иртыше. Что в этом рассказе заслуживает доверия, будет видно из дальнейшего рассказа.

§ 45. В это время на реке Туре, в том месте, где потом был выстроен город Туринск, жил татарский князец Епанча, или по-татарски Яланза, которому подчинялись и живущие в тех местах vogулы. Он собрал столько людей, сколько только мог собрать, чтобы помешать казакам спокойно проехать по реке Туре. Первое его нападение произошло в том месте, где теперь находится село Усепиново. В этом месте Тура делает большой изгиб к северу, который оканчивается только у Туриенска. Это, казалось, давало Епанче известное преимущество. Не достигнув вначале полного успеха, пока казаки продвигались кружным путем по воде, он отправился кратчайшим сухопутным и снова напал на них. Но выпущенные им с берега стрелы причинили мало вреда казацким судам. Зато казацкие ружья действовали с большим успехом: одного залпа их было достаточно, чтобы разогнать весь татарский и vogульский отряд. В наказание за это нападение Ермак велел остановиться у креп Епанчи³ и, по разграблении их, велел обратить в груды пепла.

§ 46. Остальной путь по Туре сопровождался большей частью таким же разорением расположенных по берегам татарских селений. 1 августа Ермак

¹ Оно находится приблизительно в трех верстах ниже Баранчи, на западном берегу реки Тагила, при устье речки Медвежьей, впадающей с той же стороны в Тагил.

² Стр. 237, прим.

³ По имени этого Епанчи в просторечии город Туриенск и до сих пор называет Епанчевым.

шодом к городку Чимги¹ или Тюмени и завладел им без особых затруднений. В Ремезовской летописи, из которой я беру эти подробности похода Ермака, упоминается еще о каком-то Чингисе, которого Ермак победил, но это ошибка, происшедшая, кажется, от смешения древней истории с现代. Мне думается, что это был незначительный татарский князец или мурза, живший во времена Ермака со своими людьми в Чимге. Если бы какой-нибудь хан имел там свое пребывание, то, без сомнения, у тюменских татар сохранились бы об этом какие-либо предания.

* § 47. Окрестности Тюмени очень красивы, и жившие там татары были богаты хлебом и скотом, а потому казаки нашли там для себя большие запасы продовольствия. Это обстоятельство, если верить Ремезовской летописи, заставило Ермака зимовать в Тюмени. Но против этого говорят все остальные сибирские летописи, из которых видно, что Ермак в то же лето дошел от Тагила до Иртыша и той же осенью взял город Сибирь, тогда как по Ремезовской летописи это произошло только в следующем году.

§ 48. В то время, как Ермак, по рассказу Ремезовской летописи, зимовал в Тюмени, он послал в окрестности казаков, которые должны были собирать у татар не только продовольствие, но и подарки, своего рода дань, мехами. Один из казацких отрядов пришел тогда в Тарханский городок или, как он теперь называется, Тарханский острог, по-татарски Тархан-калла, место, расположенное недалеко от устья Туры, на юго-восточной стороне Тобола. До этого места распространялась власть хана Кучума, который имел свое пребывание на Иртыше, в городе Сибири. Слово тархан является почетным званием у татар и в переводе значит вольный господин. Обладатель его не обязан платить дань господину своей страны, но, в случае нужды, должен принимать участие в его походах. Что же касается его людей, то они наравне с прочими должны были платить государю этой страны известную дань, хотя и более легкую. В Тарханском городке жил такой тархан. В это время у него находился знатный татарин по имени Кутугай, посланный ханом Кучумом для сбора дани. Казаки захватили его и привели в Тюмень. Ермак, оказывая ему всяческие знаки внимания и почета, расспрашивал его о здоровье хана и его семьи. Он говорил ему, что намеревался дружески навестить хана, но в виду того, что задержался в пути, должен в следующую весну отправиться обратно в Россию. Он приказал при этом пяти своим лучшим стрелкам произвести выстрелы из пищалей, что весьма удивило татарина, прежде не видевшего ничего подобного. После этого Ермак отпустил его назад в Сибирь со многими почестями, подарками и поклонами хану, его женам, сыновьям, а также знатным мурзам ханского двора.

§ 49. Эта хитрость должна была служить тому, чтобы хан не боялся прихода Ермака и, следовательно, не готовился бы к военным действиям. Но хан оказался не таким легковерным, чтобы поверить льстивым словам и

¹ Гл. 1, § 61 и сл.

уверенным человеком, о котором можно сообщить столько ужасного. Кутугай, не считая теперь возможным собирать дань даже в Тарханском городке, поспешил, насколько возможно быстро, обратно в Сибирь. Он всюду рассказывал о том, какой знатный господин находится неподалеку, какие почести он ему оказывал и как в его присутствии пять казаков стреляли невидимыми стрелами. Он показывал при этом подарки, полученные им от Ермака. Прибыл в Сибирь, Кутугай явился к хану в русском цветном платье, подаренном ему Ермаком, и, передавая хану и всем прочим поклоны и подарки, сообщил те же известия. Но хотя хан принял подарки с благодарностью, однако, чувствовал печаль и страх, так как не мог поверить, чтобы Ермак вернулся обратно в Россию. Для большей уверенности он приказал вызвать к себе шайтанщиков и допрашивал их. Так как они сказали ему, что его земле грозит большое несчастье от Ермака, то хан тотчас же послал во все стороны гонцов, чтобы собрать своих людей для отпора казакам.

* § 50. С наступлением весны 7089 (1581) г. Ермак занялся военными приготовлениями, из чего татары убедились, что он их обманул. 9 мая Ермак покинул Тюмень и отправился вниз по Туре, соблюдая все предосторожности, которые требуются в незнакомой враждебной стране. Это оказалось не лишним, так как шесть татарских князцов со своими людьми подстерегали казаков при впадении реки Туры в Тобол. Имена трех из этих князцов — Кашкара, Барвара и Майтмас — сохранились поныне в названиях татарских деревень на Туре и Тоболе. Бой с татарами продолжался несколько дней с переменным успехом. Окончательная победа осталась за Ермаком, который, побив множество татар, получил такое большое количество добычи, что не мог увезти ее на своих судах и часть ее вынужден был зарыть в землю.

§ 51. После этого сражения у Ермака осталось только 1060 человек, с которыми он продолжал свой путь по Тоболу. Когда 8 июня он хотел плыть мимо того места, где высокий обрывистый берег порос березняком и поэтому получил название Березового яра,¹ на казаков снова напал неприятельский татарский отряд, причинявший им в течение нескольких дней много беспокойства. Но казаки пробились сквозь него без особых потерь, и татары были рассеяны.

§ 52. Еще в одном месте предстояло казакам испытать не меньшие трудности и опасности. Это там, где река Тобол очень узка и имеет крутой правый берег. Согласно Ремезовской летописи, хан Кучум приказал протянуть здесь поперек реки железную цепь и приставил к ней есаула, по имени Алышая, с большим отрядом, чтобы караулить казаков и смело напасть на них, когда цепь задержит суда. Ермак прибыл туда 29 июня и, действительно, выдержал сильный написк. Трудно, однако, поверить тому, чтобы было применено такое средство обороны, так как не могла же одна цепь выдержать одновременно напор множества судов и течения реки. От бывшего здесь сра-

¹ Это название получила основавшая позже в этом месте русская деревня.

жения и стоявшего татарского караула место это получило у русских название Караульный яр. Среди жителей русской деревни с этим названием сохранился рассказ о только-что описанном сражении. Ермак, узнав о высланном против него отряде, применил будто бы следующую хитрость: он расставил на судах пучки хвороста, надев на них излишнюю казацкую одежду, затем, оставив на судах лишь необходимое для управления ими количество людей, с остальными сошел на берег в нескольких верстах от Караульного яра и напал на татар с тыла. Увидав большое количество людей на судах и подвергшись нападению на берегу со стороны еще большего числа их, татары пришли в такой страх, что тотчас же обратились в бегство, и Ермак мог свободно плыть дальше.

§ 53. Столкновения, которые уже имели казаки, и те, которые им еще предстояло выдержать, не давали основания казакам, число которых с каждым днем уменьшалось, смотреть на будущее так же уверенно, как прежде. Когда они пришли к устью реки Тавды, вверх по которой, по словам зырянских проводников, шла дальше через Югорский камень обычная дорога на Русь, казаки стояли там неделю и совещались о том, что же делать дальше. Но число желавших попытать и дальше свое счастье в Сибири превысило число тех, которые из боязни хотели вернуться обратно.

* § 54. Обыкновенные сибирские летописи, которые ничего не говорят обо всем этом и, следовательно, не содержат также известий о сообщениях, полученных в Тюмени от Кутугая, рассказывают о некоем слуге Кучума Таусане, которого Ермак встретил в устье реки Тавды и от которого он получил первые обстоятельные известия о состоянии ханской столицы, т. е. с городе Сибири, о войске, которое хан может собрать, о вооружении татар и обо всем, что Ермаку нужно было знать. По всему видно, что Ермак, несмотря на то, что уже ранее получил эти сведения от Кутугая, не считал излишним еще раз расспросить о том же Таусана, чтобы рассказом одного проверить сообщения другого и исправить их там, где они окажутся неверными.

§ 55. Таким образом, все шло благополучно. Полученные известия воодушевили казаков и придали им бодрости для дальнейшего пути. Наоборот, к хану Кучуму приходили только плохие известия о том, что татары при всех своих попытках произвести нападение на казаков повсюду терпят от них поражение. Он приказал поэтому поспешно собрать татар, остыков и vogulov, живших недалеко, и отправить их с царевичем Маметкулом¹ на встречу Ермаку, чтобы помешать его дальнейшему продвижению. Кроме того, он приказал укрепить рвом свою столицу Сибирь, а татарским князьям, жившим по близости, велел сделать то же самое в отношении их жилищ. Для большей же безопасности они должны были засечь дороги на восточном высоком берегу Иртыша в окрестностях находящегося там мыса Чуваш-

¹ Маметкул называется в летописи сыном хана Кучума, но, как уже сказано выше в § 18, он был его братом. См. об этом также гл. 3, § 43.

Рис. 7. Снаряжение Строгановым Ермака в поход.
 (Ремезовская летопись, ст. 17.)

ша. в двух верстах выше устья реки Тобола, или, если следовать рисункам Ремезовской летописи, загородить в этом месте реку Иртыш. Наконец в устье реки Тобол он велел поставить крепкий караул, который должен был обо всем немедленно его оповещать.

§ 56. 8 июля Ермак отправился с устья реки Тавды. Но едва он проплыл тридцать верст, как недалеко от татарского селения, которое по имени тогдашнего владельца его мурзы Бабасана до сих пор носит название Бабасанских юрт, он встретил татарский отряд под предводительством царевича Маметкула. Судно, которое для разведки шло впереди других, подверглось первому нападению, но люди, находившиеся на нем, так храбро защищались, что нападавшие не могли причинить им вреда, пока не пришли на помощь другие суда. Такие отряды, посланные вперед для разведки, назывались прежде весьма употребительным у русских служилых людей словом «ертаулы». Поэтому в Ремезовской летописи называется это судно ертаульным стругом. Это название давно уже забыто и вместо него без нужды введено в русский язык другое чужеземное слово.

§ 57. Только после того, как приплыла вся остальная казацкая сила, начался настоящий бой. Ермак со своей ратью вступил в сражение с такой смелостью и отвагой, что для них оно кончилось полной удачей. Татарская кровь лилась в некоторых местах рекой, и путь был настолько загроможден трупами, что это мешало самим же татарам пробиваться вперед на лошадях. Тем не менее, только через пять дней татары отступили. Царевич принужден был бежать и не мог уже больше препятствовать казакам в их дальнейшем пути. Это сражение, повидимому, самое главное и самое важное, описано в Ремезовской летописи под 21 июля, но, вероятно, к этому числу относится только окончание данного похода. В противном случае было бы напрасно потрачено слишком много времени в пути от устья Тавды, а, с другой стороны, промежуток времени между этим и следующим нападением оказался бы слишком коротким. Ремезовская летопись, изобилующая вообще рассказами о чудесах, добавляет, что святитель Николай явился казакам во время сражения и ободрял их, чтобы они храбро сражались и продолжали свой путь дальше. Вслед затем та же летопись приводит рассказ о другом чуде, еще менее вероятном, признать которое можно только имея еще более сильную веру.

§ 58. Когда казаки 26 июля на рассвете достигли устья реки Турбы, впадающей в Тобол с правой стороны, то собравшаяся там большая татарская сила грозила им окончательной гибелью, если бы они осмелились двинуться дальше. В недалеком расстоянии, на правой стороне Тобола, ниже реки Турбы, находится крутой и высокий берег; он тянется далеко вниз по течению и поэтому прозван Долгим яром. Он был весьма удобен неприятелю для того, чтобы оттуда беспокоить казаков. По этой причине Ермак не решался продолжать путь. Он приказал остановиться около острова, расположенного по Тоболу, немного выше Долгого яра, советовался здесь с казаками и вместе с ними обратился с горячей молитвой к богу. В то

время будто бы произошло следующее: находившееся на одном из судов знамя с образом Спасителя, которое казаки больше всего чтили, само собой поднявшись со своего места, пошло якобы по левому берегу вниз по течению реки Тобола. Когда Ермак и казаки это увидели, то, воспринув духом, они будто бы двинулись со всеми своими судами вслед за знаменем, причем божеская помощь была так явна, что бесчисленные стрелы, которые беспрестанно на них летели, не причинили казакам ни малейшего вреда. После того, как они благополучно миновали это опасное место, знамя будто бы снова стало на свое место.

§ 59. В то же время татары, по словам Ремезовской летописи, должны были наблюдать следующее видение. Им казалось, что вдоль левого берега Тобола по воздуху двигался над казаками в великом сиянии некий царь, престол которого пасли на плечах множество вооруженных и крылатых воинов. Сам царь держал в руке обнаженный меч, которым он все время грозил татарам. Когда некоторые из них, по своей дерзости, в это видение стреляли, у них будто бы отнимались руки, а луки их разрывались. Это привело их в такой страх, что они не могли больше следить за движением казаков, но поспешили только известить обо всем виденном хана, чем и его повергли в великий страх.

* § 60. Теперь Ермак мог продвигаться беспрепятственно. Он дошел бы без всякого сопротивления до Иртыша, если бы не захотел снова испытать свое счастье. На правой стороне Тобола, в 16 верстах от устья, находится озеро, шириной от 30 до 40 саженей, по форме представляющее овальную дугу и замыкающее большое пространство. Концы дуги почти сходятся вблизи реки и соединены с Тоболом протоком. У этого озера жил некий знатный татарин, по имени Карада, состоявший при хане в качестве доверенного советника. Его местожительство в некоторых летописях называется Карадиным городком или Карадиным улусом, а потому озеро, на берегу которого он жил, называется еще по-русски Карадиным озером, а по-татарски Карада-куль. Ермак надеялся получить здесь много богатств и большие запасы продовольствия, если ему удастся овладеть этим местом. По прибытии сюда, 1 августа, он вышел с казаками на берег и учил на этот городок стремительное нападение.

§ 61. Все сибирские летописи согласны в том, что это место было тогда взято казаками. В Ремезовской же летописи сперва было написано то же самое, но впоследствии в нее был вклеен лист, отличающийся от прочих почерком и рисунками; на этом листе сообщается, что для защиты городка собралось великое множество татар, перед которыми казаки не могли устоять, они будто бы пришли в такой страх, что даже не отважились здесь оставаться, но приняли поспешное решение вернуться обратно в Россию и будто бы в тот же день отправились в путь. После этого идет в той же летописи описание далекого пути вверх по реке Тавде, который Ермак избрал будто бы для своего возвращения. Во время пути однажды vogульским шайтанщиком было ему предсказано, что он придет не на Русь, а вернется

обратно к Иртышу и еще будет иметь успех в борьбе с татарами. Так это и случилось. 4 октября Ермак вернулся снова на дорогу, ведущую к Тоболу, и, достигнув 4 ноября городка Карабина во второй раз, благополучно занял его, а затем продолжал свой путь к Иртышу.

§ 62. Хотя все это описано очень подробно, но все же нельзя припять этот рассказ, так как иначе было бы спутано все счисление времени. Позднее же время года, именно ноябрь месяц, когда в тех краях реки давно уже покрыты льдом, вызывает сильное сомнение в правдивости того, о чем рассказывает на этом вставном листе. Ниже мы увидим,¹ как Ермак, после занятия города Сибири, двинулся в поход вверх по реке Тавде, чтобы обложить ясаком живущих там вогулов. Этот поход, по всем данным, совпадает с тем, о котором говорится в изложенном сообщении. Так как поход был описан не в то время, когда он произошел, а много лет спустя по воспоминаниям и устным рассказам, то легко могла произойти при этом ошибка, вследствие которой весь этот рассказ был внесен не в то место летописи, где ему надлежало быть, и так как одна ошибка вызывает обычно другую, то все это прикрашено другими будто бы случившимися в то же время обстоятельствами и событиями.

• § 63. Таким образом Ермак занял городок Карабин 1 августа 7089 (1581) г. Он получил там в добычу большое количество золота, серебра и драгоценных камней, а также много хлеба, скота и меда. Успех, несомненно, поднял дух казаков и вызвал в них вновь сильное желание продолжать поход. Как раз в это время был пост, который по православному обряду кончался 15 августа в день Успенья и продолжался 14 дней. Ермак по особой своей набожности продолжил его до 40 дней, чтобы этим способом испросить у бога счастья и успеха в своих дальнейших делах. Все это время он спокойно пребывал в Карабином городке, не предпринимая ничего против татар, которые и со своей стороны его не беспокоили. Кучум ограничился тем, что приказал расставить сильные отряды по дороге между его столицей и казаками, чтобы заставить их отказаться от мысли преодолеть такое множество врагов и вернуться обратно в Россию.

§ 64. После этого в Ремезовской летописи приводятся опять рассказы о чудесах и видениях, которые в то время якобы случились и были видимы. Хану и всем татарам снова, как об этом уже говорилось в первой главе этой «Истории»,² явился большой и великолепный город с церквами и колокольнями над тем местом, где потом был построен город Тобольск, и будто бы они слышали там звон колоколов. Точно также появились будто бы опять два зверя, которые, как и прежде, дрались на острове в устье реки Тобола.³ Они вступили между собой в полдень в жесточайшую борьбу, закончившуюся тем, что маленький черный зверь победил, наконец, большого белого, последний в течение трех дней лежал мертвым па острове на виду у всех лю-

¹ Гл. 3, § 34 и сл.

² § 68.

³ Гл. 1, § 73.

дей и особенно у тех, которые по повелению хана были поставлены для караула в устье Тобола. На четвертый день с другой стороны Иртыша появились татары в маленькой лодке, чтобы посмотреть мертвого зверя. Но едва они проехали середину реки, как этот зверь вдруг вскочил и с ужасным ревом бросился в реку. Сочинитель Ремезовской летописи замечает при этом, что татары истолковали это видение таким образом, что они со временем снова завладеют Сибирью, потому что белый зверь, представляющий татар, после того, как его одолел и убил черный, снова ожил. Вот почему в своих последующих частых восстаниях против русских они надеялись добиться успеха. В настоящее время об этих видениях и их толкованиях у татар не сохранилось однако, никаких рассказов.

§ 65. По окончании установленного им сорокадневного поста Ермак решил, что уже достаточно заслужил милость божию и может теперь смело выступить против татар. 14 сентября 7090 (1581) г. он снова двинулся вперед на судах. Но ему стоило большого труда добраться даже до Иртыша, так как в устье Тобола его подстерегал татарский отряд. В Ремезовской летописи говорится, что с Ермаком оставалось тогда только 45 человек, но здесь при списывании вкрадлась, очевидно, ошибка: вероятно, здесь должно стоять число 500, которое по всем прочим летописям показывает количество людей Ермака, бывших с ним во время сражения с Кучумом; что их было не меньше, ясно видно из рассказа о последующих сражениях, об отправленных в разных направлениях отрядах и других событий.

§ 66. От устья Тобола отправились они немедленно вверх по Иртышу вдоль западного берега и, пройдя две — три версты, достигли того места, где сейчас находится татарская деревня Заостровные юрты. Там в небольшом укреплении, которое, по примеру других, называлось городком, жил в то время татарский мурза Атик. Ермак вышел на берег и овладел без особого сопротивления этим местом, которое в дальнейшем служило ему становищем и куда было перенесено все, находившееся на судах.

§ 67. Опасаясь нападения, казаки всю следующую ночь не спали. Это дало им случай снова подумать о своей чрезмерной смелости и о превосходных силах татар, которые в будущем могли причинить им мало хорошего. Снова возник и обсуждался между ними вопрос о том, не лучше ли во-время вернуться назад в Россию, чем подвергать себя далее очевидной опасности быть совершенно уничтоженным врагами. Те, которые желали вернуться, говорили, что каждому из них придется одолеть, по крайней мере, от 10 до 20 татар, пока они почувствуют себя в некоторой безопасности, и что каждому легко рассудить, насколько это трудно и почти невозможно. Другие возражали им на это, что не все ли равно, где умирать, и что, если они вернутся в Россию, им придется заняться прежним делом на Волге, убивать своих братьев христиан и через это самим погибнуть. Здесь же они будут убивать только бусурман, и если им самим суждено погибнуть, то эта судьба их не хуже той, которая ожидает их в России. При этом указывали и на позднее время года, которое не давало никакой надежды вернуться назад. Ермак

держался именно этого мнения и указывал казакам, что если они будут бояться и не используют уже имеющиеся у них преимущества и таким позорным бегством порадуют врага, то все же надо ожидать дорогою гибели от мороза, голода и многих других трудностей. Наоборот, проявлением своей прежней храбрости здесь можно надеяться не только сохранить себе жизнь, но еще заслужить вечную себе славу, завоевав для отечества могущественное царство. Если же судьба решила послать им смерть, то для отечества будет больше пользы, а для них больше чести, если при этом они нанесут урон врагам, чем тогда, когда они найдут себе смерть где-нибудь в неведомом месте с явной пользой только для одних врагов.

§ 68. После таких уговоров казаки приняли единодушное решение не думать больше о возвращении в Россию, не поддаваться страху и не падать духом, но попрежнему смело нападать на врага и, в случае необходимости, умирать друг за друга. Действие принятого решения сказалось вскоре после того, когда хан Кучум, лично предводительствуя татарами, решил 1 октября силой принудить казаков к отступлению. Ермак со своими казаками смело направился ему навстречу до того места, где под высоким Чувашским мысом хан приказал засечь дороги или, как это сказано выше, запереть Иртыш.¹ Он еще раньше замышлял овладеть небольшим городком, расположенным на этом месте и укрепленным валом и рвом.² По сравнению с прежними этот городок казался ему более удобным и безопасным, чтобы устроить там место своего пребывания. Хотя не удалось взять городок, но и хан ничего не мог сделать против казаков и должен был отступить с большим уроном для себя, а Ермак со своими людьми благополучно вернулся в городок Атик. Здесь он решил собирать необходимое продовольствие для предстоящей зимы, но из-за сопротивления татар и боязни грабежавших татарских отрядов удалось получить немного, а потому притлось довольствоваться небольшим запасом пшеницы и полбы, которая представляет вид яровой пшеницы и возделывается в Сибири главным образом татарами-магометанами.

§ 69. Недостаток продовольствия заставлял казаков горячо желать иметь поскорее решающее сражение с ханом. Такой случай представился 23 октября, когда большой отряд татар появился наверху Чувашского мыса и внизу у власеки. Казаки с криками «С нами бог» бросились из городка Атика в наступление. Царевич Маметкул, который был во главе татар внизу на берегу реки, защищался очень храбро. Отряд татар под предводительством самого хана действовал не менее решительно на Чувашском мысу, усиленной стрельбой из луков стараясь помочь находящимся внизу. Но всего этого было недостаточно, чтобы заставить казаков отступить. Счастье, очевидно, было на их стороне, и они одержали над неприятелем такую полную победу, что Кучум и Маметкул должны были думать

¹ Гл. 2, § 55.

² Этот городок был заселен, по всей вероятности, чувашами, которых хан когда-то выгнал из Казани.

только о спасении своей собственной жизни. О потерях казаков ничего не говорится в летописях. Но известие об этом имеется в синодике соборной церкви в Тобольске, где сказано, что в этом сражении погибли 107 казаков, которым и поныне ежегодно в первое воскресенье великого поста поется «вечная память».

* § 70. В Ремезовской летописи по поводу этого сражения отмечено, что Кучум, кроме обыкновенного оружия татар: стрел, луков, копий и сабель, имел еще две пушки, которые он поставил против казаков на Чувашском мысу, но казаки будто бы умели их заговаривать, так что эти пушки не могли им причинить никакого вреда, а потому хан, вынужденный бежать, будто бы приказал сбросить их с высокого берега в реку Иртыш. Здесь необходимо объяснить и исправить известие Витзена, который неправильно рассказывает, ¹ будто бы хан бежал из города Сибири, который он постоянно смешивает с городом Тобольском, и велел при этом сбросить в Иртыш две имевшиеся у него чугунные большие пушки, из которых каждая была длиною в два аршина и стреляла сорокалудовыми ядрами. Одну из них казаки потом вытащили из реки, и она будто бы в его время находилась в Тобольске. Может, правда, возникнуть сомнение, откуда же Кучум мог взять эти пушки, так как татары в Сибири не умели их лить, и нельзя предположить также, что он получил их из Бухары, где в то время также не знали пушечного дела. Но если мы согласимся с тем, что сказано в первой главе этой «Истории», ² а именно, что Кучум ездил в Казань, то могло случиться, что он привез в Сибирь эти пушки оттуда, а к казанским татарам они могли еще раньше попасть в качестве добычи от русских. Но трудно найти подтверждение тому, что казаки вытащили из Иртыша одну из этих пушек и что в то время, когда было написано это известие Витзена, она находилась в Тобольске. Этому нет ни малейшего подтверждения ни в летописи, ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей, ни в наличном составе имеющейся в настоящее время в Тобольске артиллерии. ³

§ 71. Следствием описанного сражения было то, что на следующий день, 24 октября, все остатки из местностей по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам. При всей своей простоте эти люди не могли не понять, что татарскому владычеству наступает конец и что им придется скоро подчиниться новым

¹ Изд. 2-е, стр. 739.

² § 72.

³ У Витзена на стр. 739 и далее говорится, кроме того, о двух нападениях казаков на ханскую столицу, которую Витзен опять смешивает с городом Тобольском. Хотя большинство обстоятельств не совпадает с описанными ранее, можно, однако, признать, что здесь говорится о двух боях у Чувашского мыса. Заслуживает внимания сообщение, будто Ермак при первом нападении, чтобы усыпить бдительность и не вызвать беспокойства среди врагов, велел зарядить пушки и мелкое оружие одними пыжами и что при втором нападении он стрелял уже настоящими, отчего больше всего зависел исход битвы. Такая хитрость могла быть употреблена, хотя Сибирские летописи об этом не упоминают, но в них кратко описываются только главные события, а мелкие обстоятельства нередко совсем опускаются.

властителям. Можно поверить и тому, что блестящие победы казаков и поражения, понесенные татарами, считавшимися всесильными, содействовали тому, что некоторые из татар в скором времени добровольно подчинились русским и начали платить им ясак.¹

§ 72. В связи с бегством хана Кучума обыкновенные сибирские летописи сообщают, что сейчас же после понесенного поражения он возвратился в свой столичный город, поспешно собрал все свои драгоценности и в следующую же ночь бежал со всеми своими людьми. Ремезовская летопись говорит, что он оставался в Сибири до 25 октября и якобы во сне имел видение, как будто небо разверзлось со всех четырех сторон и появилось множество сверкающих и крылатых воинов, на которых было страшно смотреть; они окружили его столицу и настойчиво говорили ему, чтобы он покинул страну, которую бог отдал христианам. После этого в тот же день и последние vogулы, которые еще оставались при хане, по примеру остяков, покинули его и побежали через Ескальбинские болота в свои юрты. Хан же будто бы только в следующую ночь, с 25 на 26 октября, обратился в бегство и с ним вместе убежали все знатные татары из городков Чуваша, Бицыка, Сузгуга и Абалака.

§ 73. Что касается времени бегства, то наибольшего доверия, как кажется, заслуживает Ремезовская летопись по тому порядку, в котором передаются в ней события, а, главным образом, потому, что в ней сообщается, что казаки узнали о бегстве хана только 26 октября. Принимая во внимание близость расстояния, бегство не могло бы так долго оставаться неизвестным, если бы оно произошло в ночь с 23 на 24 октября. По поводу vogулов, которые возвратились в свои юргы через Ескальбинские болота, необходимо заметить, что Ескальба или, правильнее по татарскому произношению, Есвальга — татарское селение на Иртыше ниже Тобольска, от него через низменные болотистые места ведет прямая дорога к реке Конде; следовательно, эти vogулы приходили с верховьев реки Конды. Что касается названия татарских городков, из которых три уже известны по прежним событиям, то остается только сказать, что Абалак или по-татарски Ебалак было местечко на высоком восточном берегу Иртыша, в пяти верстах выше ханской столицы Сибири, где впоследствии было построено русское село под тем же названием. Под бежавшими же вместе с ханом знатными татарами, юртами которых казаки завладели уже раньше, я имею в виду Караку или мурзу Атика, но о них и особенно о первом речь будет идти в дальнейшем изложении.²

§ 74. В приведенном известии Витзена³ сообщается, что Кучум еще до прибытия казаков, как только получил первые сведения об их приближении, отправил свою жену и всех детей для безопасности в Абалак. Но это мало вероятно. Не говоря уже о том, что Кучум имел несколько жен.

¹ § 78.

² Гл. 3, § 9.

³ Стр. 738.

которые после попали в руки русских, Абалак не был таким хорошо укрепленным местом, как тогдашний город Сибирь, и в этом отношении не являлся более безопасным. Может быть, хан это сделал для того, чтобы во время его военных действий женщины не мешали ему, или же чтобы при пажде, в случае бегства, удобнее было по пути забрать их с собой. Но все это не имеет для нас значения. Мы снова встретим Кучума впоследствии в степи у реки Ишима, где он, по обыкновению степных кочевников, кочевал с места на место в кибитках, как об этом устно рассказывают тобольские татары. Кучум со своим кочевьем доходил иногда до Явлутуры, тогдашнего татарского городка при реке Тоболе, где в последующие годы был построен Ялуторовский острог.

§ 75. Между тем Ермак со своими казаками, сделав все необходимые приготовления, решил использовать одержанную им победу. Но ему едва ли что-либо оставалось делать, так как, когда казаки 26 октября подошли к ханской столице Сибири, чтобы принудить ее к сдаче, они узнали к своему большому удивлению и удовольствию, что хан ее уже покинул. Но так как Ермак опасался, что оставление Сибири было только хитростью, имевшей целью ослабить его бдительность и чтобы снова неожиданно на него напасть, он приказал тщательно обследовать все окрестности и повсюду расставить караулы и только после этого, в тот же день, торжественно въехал в город, памереваясь сделать его местом своего будущего пребывания.

* § 76. Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, повидимому, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. Высокий восточный берег реки Иртыша имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах, где река, протекая, подмыгает берег, так и здесь часть горы обвалилась, и потому берег подымается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. Нагору горы, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирки. Татары не имеют для этой речки особого названия. В виду крутизны с этой стороны горы совсем нет всхода. С третьей степной стороны горы имеется долина, которая спускается сверху в буерак к речке Сибирке; отсюда можно было, пожалуй, добраться до того места, где находился город, но так как и здесь довольно крутое место, то подъем требовал больших усилий. Только четвертая сторона постепенно спускается к берегу и отсюда, должно быть, был доступ к городу. То же самое и теперь, когда едешь для обозрения: указанное место именно с этой стороны прежде всего бросается в глаза. Оно представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Эти валы окружают город только со стороны долины и со стороны, доступной для подъема. Обе другие стороны, от Иртыша и от буерака, где протекает Сибирка, не требовали каких-либо укреплений. В некоторых местах валы и рвы с течением времени так заросли, что они едва видны. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в ди-

метре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. Уверяют, что со стороны реки часть площади, много или мало — неизвестно, была подмыта водою и обвалилась. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов. В некоторых местах сохранились ямы, которые могли служить погребами. Говорят, что некоторые из них вырыты недавно, так как там искали драгоценности, и иногда не безуспешно.

§ 77. Я отметил выше¹ несходство в исчислении времени, которое имеется в рассказе о зимнем пребывании в Тюмени в обычновенных Сибирских летописях и в Ремезовской летописи. Так как отличие касается, главным образом, только этого обстоятельства, все же остальное легко можно согласовать, то необходимо здесь заметить, что я, следуя, главным образом, Ремезовской летописи в изложении повседневных событий, не нашел в ней никакой неточности, кроме той, которая находится на вклеенном в нее листе в рассказе о походе на реку Тавду.² В виду этого и в отношении времени, когда город Сибирь был занят казаками, я принимаю то, которое указано в Ремезовской летописи. Правда, что касается до этого события, то и все остальные летописи сходятся на том, что вступление казаков в город имело место 26 октября, в день памяти св. Димитрия. Дни церковных праздников и дни именин хорошо известны простому народу, и это содействовало лучшему запоминанию событий. В счете же лет могла произойти ошибка. В виду этого меня не смущает то, что обычновенные летописи, которые описывают по дням события похода по рекам Туре и Тоболу, а также степенные книги и все другие хронографы, из которых обычно одни с других списаны или сокращены, указывают взятие города Сибири в 7089 г. вместо настоящего 7090 г.

§ 78. Перед казаками стояла теперь задача не только владеть пустым городом, но прежде всего заставить окрестные народы признать новую власть и подтвердить это признание уплатой ей ясака. Казакам посчастливилось снять больше, чем они могли надеяться вначале. Остяки, участвовавшие в бою под Чувашским мысом,³ вернувшись домой, описывали своим собратьям подвиги казаков в таких страшных красках, что те поняли, что будут в безопасности только тогда, когда они заслужат милость новых владельцев добровольным подчинением и поднесением богатых подарков. Уже на четвертый день после въезда в город Сибирь к Ермаку явился остяцкий князец с реки

¹ § 47.

² § 61.

³ § 71.

Демьянки, по имени Бояр, со множеством народа и привез в подарок, кроме большого числа драгоценной мягкой рухляди, также много съестных припасов и особенно рыбы. Ермак показал себя при этом не ненасытным разбойником, а милостивым государем, который довольствуется тем, что ему приносят его подданные, не разоряя себя. Ермак приветливо встретил остыakov и отпустил их назад честно.

§ 79. Таким же образом пришли с приношениями в город Сибирь с рек Иртыша, Тобола и с их притоков многие татарские семьи, которые покинули свои юрты из боязни казаков и бежали в отдаленные места. Они были приняты также приветливо. Ермак, который надеялся совершить еще много удачных завоеваний в пространной и дикой Сибири, хотел приобрести любовь своих подданных и тем положить основание спокойному владению ими. Он разрешил татарам жить в их прежних улусах, заверив их, что если они будут добровольно подчиняться ему и жить в покое, то не подвергнутся ни малейшему насилию со стороны казаков; наоборот, им будет оказываться всяческая помощь и защита против всех врагов, особенно в случае посягательств на них бывшего хана Кучума.

§ 80. Случилось таким образом, что эти места, действительно, пребывали некоторое время в желанном покое. Казаки небольшими отрядами часто разъезжали по татарским селениям, не замечая никакого озлобления против себя. Но благодаря этому они стали слишком смелы, считали себя в полной безопасности и позабыли даже о необходимости сохранять осторожность против проискнов хана Кучума, пока не произошел следующий случай, напомнивший им об этой необходимости. Отряд в 20 казаков отправился 5 ноября на Абалак на рыбную ловлю. Там на высоком берегу Иртыша, на лугу, имеется длинное и узкое озеро, соединяющееся с рекой протоком и носящее русское название Абалакского озера, а по-татарски Ебалак-бюренъ.¹ На этом озере казаки ловили рыбу, и ловля должна была продолжаться несколько дней. Беззаботно легли они ночью спать. Царевич Маметкул, который, находясь поблизости, незаметно следил все время за движениями казаков, неожиданно напал на них и перебил их во время сна. Только одному из них удалось спастись бегством и в ту же ночь сообщить Ермаку обо всем случившемся.

* § 81. В своем гневе из-за невинно пролитой крови Ермак не мог успокоиться, пока не отомстит врагу. С достаточным количеством людей он без промедления отправился в поход, чтобы нагнать Маметкула, и ему это удалось сделать в недалеком расстоянии от того места на Иртыше, где сейчас находятся татарские Шамшинские юрты. Он шел так поспешно, что царевич никак не рассчитывал на такое быстрое преследование. Враги сильно поплатились за причиненное ими зло. Множество татар было перебито и только немногим удалось бежать вместе с царевичем. На обратном пути Ермак взял с собой тела убитых казаков и похоронил их на Саусканском

¹ На татарском языке все проточные озера называются «бюренъ», а непроточные — «куль».

мысе высокого восточного берега Иртыша, в нескольких верстах ниже города Сибири, где на татарском кладбище¹ прежние ханы, как говорят, хоронили членов своей семьи. Под этим мысом, по обеим сторонам реки, находится упомянутая выше татарская деревня Саусканский аул.² Принимая за день убийства казаков 5 ноября, я следую снова Ремезовской летописи и меньше всего полагаюсь на прочие летописи, которые относят это убийство к 5 декабря, тем более, что и синодик Тобольской соборной церкви называет тот же день 5 ноября, в который им положено производить вечное поминование.

§ 82. В то же время владения казаков еще более увеличились, так как 6 декабря явились к Ермаку два князца Ишбердей и Суклем, привезшие ему много подарков и запасов продовольствия. Первый пришел из местности по ту сторону Ескальбинских болот, о которых я выше упоминал, что они были по реке Конде.³ Но татарское имя Ишбердей заставляет предполагать, что он прибыл с реки Тавды, куда вел обычный путь с Иртыша через Ескальбу, которым пользовались тогда, когда замерзали озера и болота. Летопись восхваляет этого Ишбердея за то, что в последующее время он был преданным слугою России и многих других князцов с их родами помог обложить ясаком, служа проводником казакам, которых отправляли к ним с этой целью.

* § 83. В виду только что упомянутых и ранее приведенных обстоятельств⁴ Ермак из предосторожности заставлял все народы шертовать по их вере и давать обещания покорности. Он налагал на них ясак, который они должны были ежегодно платить. Смотря по местности, ясак состоял из разной мягкой рухляди, но большую частью из соболей. Таким образом, Ермак оказался владельцем небольшого государства, где для удержания власти ему нехватало только большего количества соотечественников и европейского военного снаряжения. Очевидно, это заставило его, по возможности скорее, сообщить о своих завоеваниях царскому двору. Передавая эти земли под власть русского царя, он надеялся получить от него прощение своих прежних вин.

§ 84. Для выполнения этого намерения был избран атаман Иван Кольцов, который с 50 казаками отправился в Москву. Он повез с собою всю собранную мягкую рухлянь и челобитную царю, которая, по словам летописей, была следующего содержания: Изволением божиим и великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича счастьем Ермак со своими товарищами взял Сибирское царство, победил и обратил в бегство хана Кучума, под его царскую руку многих татар, остяков и ногулов привел к шерти на том, что быть им под его царскою рукою до окончания веку и давать им ясак ежегодно, а па русских людей никакого зла не мыслить и не делать, и которые из них похотят служить государю, те будут приняты на

¹ По-татарски «мазарет» (гл. 1, § 76).

² Гл. 1, § 81.

³ § 73.

⁴ §§ 78 и 79.

Глава третья

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

§ 1. Удачный исход описанных выше казацких походов в Сибирь не мог помешать тому, что vogулы, жившие в верхнем течении реки Тавды, продолжали в то же время беспокоить русские города в Пермской земле. Их предводитель имел пребывание на реке Пелыме, надо думать, в том месте, где потом был построен город Пелым, отчего и назывался Пелымским князем. Он перешел Югорские горы с многочисленным отрядом vogулов, разорил новые Строгановские поселения по реке Каме, сжег много деревень, увел с собой многих жителей в плен и осенью 1581 г. держал в осаде один из Строгановских городков на реке Чусовой. Это дало основание тогдашним старшим представителям строгановской семьи Семену Аникиеву сыну и Максиму Яковлеву сыну обратиться к Московскому правительству с просьбой о присылке помощи людьми из Чердыни — тогдашнего главного города Пермской земли. Они просили также, чтобы их двоюродному брату Никите Григорьеву сыну Строганову было приказано стоять с ними заодно и вместе с ними отражать нападения vogулов. Эти обстоятельства известны из царской грамоты 6 ноября 7080 (1591) г. Никите Григорьеву сыну Строганову,¹ а эта грамота и сейчас еще сохраняется в семье Строгановых. Она во всех отношениях соответствовала просьбе Строгановых. Так как они могли теперь противопоставить vogулам большую силу, их земли не подвергались дальнейшим неприятельским нападениям.

§ 2. Спустя год, с наступлением осени, те же vogулы 1 сентября напали на город Чердынь, причем многие жители города были убиты, а их имущество разграблено. В это время в Москву пришло первое известие о походе Ермака в Сибирь. Чердынский воевода Василий Пелепелицын искал при этом случая очернить Строгановых и сообщал, что будто бы во всем этом деле виноваты они, так как оказывали помощь донским казакам, и что казаки своими разбоями возмутили vogулов, так как было известно, что в тот же день, когда vogулы приступали к Чердыни, казаки предавали vogульские жилища огню и мечу. Еще более старался он открыть глаза на опасность, которая грозит государству, если сибирский хан захочет отомстить русским за казацкие нападения. Одним словом, он писал, как человек,

¹ Прилож. № 6.

который не имел представления о тогдашнем состоянии Сибири и не получил еще известий об удачном исходе предприятия Ермака.

§ 3. Так как Москва плохо знала настоящее положение вещей, то от царя Ивана Васильевича была послана Строгановым 16 ноября 1582 г. грамота¹ со строжайшим выговором за то, что они, без ведома Москвы, принимали у себя таких разбойников, которые принесли уже столько зла, особенно же за то, что они вооружили и пашвили их против ясачных вогулов. Строгановым угрожала царская опала в случае, если дела примут неблагоприятный для государства оборот, им приказано было отозвать казаков из Сибири, держать их для защиты границы и ни в коем случае не допускать, чтобы они своими разбоями наводили новых врагов на русские владения. О нападениях казаков на вогулов летописи ничего не говорят. Но этот царский выговор, по всей вероятности, тот самый, о котором говорилось выше² на основании известий летописи.

§ 4. Из этого видно, что казаки, посланные в Москву Ермаком, тогда еще не прибыли туда. Летописи ничего не говорят о времени их прибытия, но сообщают, что важность их доклада очень скоро доставила им доступ ко двору; царь удостоил их милостивого приема, во время которого была принята и прочитана царю челобитная Ермака. Казаки как для себя, так и для оставшихся в Сибири товарищей получили просимое ими прощение за все прежние преступления. По сообщению летописей, они были окружены при дворе многими знаками царской милости, им давали во все время пребывания в Москве казенный корм, и каждый получил от царя в подарок деньги и по куску сукна. У Витзена³ прибавлено к этому, что царь по получении столь радостных известий приказал отслужить в главном соборе Москвы благодарственный молебен и раздать нищим много милостыни. Когда же казаки стали просить о том, чтобы послать в Сибирь воеводу, чтобы управлять ею, то на это последовало также согласие, но царю угодно было, чтобы до приезда воеводы Ермак, от имени царя, попрежнему вел тамошние дела.

§ 5. Как сообщают летописи, при обратном отправлении казаков им была вручена царская похвальная грамота Ермаку, составленная в самых милостивых выражениях. В ней прославлялись его заслуги, и он получал полное прощение всех своих прежних преступлений и уверения в царской милости. Вместе с этим в подарок Ермаку царь послал два драгоценных панцыря, серебряный ковш, шубу с собственного плеча и кусок сукна. Всем прочим казакам царь велел отправить денежные подарки и каждому по куску сукна. Витзен пишет,⁴ что будто бы в грамоте, отправленной с казаками, разрешалось всем русским, кто только пожелает, переселяться со своими семьями в Сибирь, и будто казаки в пути нашли много желающих отправиться туда, и что в Сибирь прибыло с ними 1500 семейств. Он же сооб-

¹ Прилож. № 7.

² Гл. 2, § 36.

³ Стр. 740.

⁴ Указ. место его труда.

щает, что к вологодскому епископу одновременно была послана грамота об отправке в Сибирь вместе с казаками 10 священников с их семьями и т. п. Но эти сообщения Витзена являются сомнительными, так как трудно допустить, чтобы сибирские летописи, в которых ничего не упоминается об этом, умолчали бы о столь значительном подкреплении казаков в Сибири, совершившемся по государеву указу. В то же время весьма вероятно, что, желая привлечь людей, казаки в пути так расхваливали привольную жизнь в Сибири и тамошние неисчерпаемые богатства, что и без государевой грамоты многие гулящие и беглые люди охотно к ним присоединялись и с ними вместе отправились в Сибирь, и таким образом их отряд получил сильное подкрепление. В Ремезовской летописи рассказывается, что они прибыли в Сибирь к Ермаку 1 марта 7090, т.е. 1582 г., но тут, кажется, в летопись вкрадлась ошибка и, по всей вероятности, казаки снова встретились с Ермаком в Сибири только в 1583 г.

§ 6. В то время, как все это происходило, Ермак не упускал случая, чтобы распространить свою власть дальше по Сибири. Он получил 20 февраля 1582 г. известие от жившего недалеко и преданного ему татарского мурзы Сенбахты Тагина, что царевич Маметкул с немногими своими людьми кочует на реке Вагае, впадающей в Иртыш, приблизительно в 100 верстах от города Сибири. Так как Ермак не имел обыкновения упускать благоприятные обстоятельства, то он тотчас же отправил 60 отборных людей с тем, чтобы они попробовали свое счастье и напали на царевича. Они застали его около озера Кулара, недалеко от Иртыша, где впоследствии стояла Куларовская слобода, значит, гораздо ближе, чем указал Сенбахта. По всей вероятности, Маметкул намеревался напасть на казаков, но они ему на этот раз помешали. Ночью, когда все спали, казаки напали на царевича так неожиданно и с такой силой, что большая часть татар при этом была перебита, и сам царевич попал в руки казаков.

§ 7. Это был первый знатный пленик казаков, что имело важные последствия, так как знатное происхождение его сулило казакам большие выгоды. В то же время это служило им некоторым утешением, так как от его храбости и враждебных действий они раньше много терпели. 28 февраля его торжественно доставили в город Сибирь, где он приветливо был принят Ермаком, который заверил его в царской милости. Ему отвели в городе отдельное жилище, но приставили к нему особый караул, который должен был следить за всеми его действиями. Некоторые обыкновенные сибирские летописи сообщают, что Ермак вскоре после этого отправил в Москву новых послов для сообщения о счастливом случае, а также и для того, чтобы получить указ, как поступить с этим знатным плениником, и когда затем пришел указ, то Ермак отправил царевича с довольно многочисленными провожатыми в Москву. Ермак мог иметь еще другие причины удерживать царевича при себе некоторое время. Он мог надеяться, что благодаря этому можно будет заставить Кучума вступить в переговоры и признать на известных условиях царскую власть, так как освобождение

царевича за представленных вместо него других аманатов могло бы весьма помочь в этом отношении. Но Кучум не давал о себе знать, и нет также известий о том, чтобы он предпринял что-либо для освобождения царевича, несмотря на то, что, помимо этого, на него посыпались еще другие несчаствия, которые легко могли бы заставить его пойти на уступки.

§ 8. На основании преданий тобольских татар я уже сообщил в своем месте кое-что о князе Сейдяке, последнем отпрыске прежнего сибирского владетельного рода.¹ Я говорил там, что он вернулся из Бухары в Сибирь задолго до прибытия казаков, чтобы оспаривать наследство своих предков у Кучума, незаконно завладевшего им. Мною было также упомянуто, что в последующем рассказе по этому поводу может возникнуть некоторое сомнение, которое теперь должно быть отмечено. Все сибирские летописи единогласно сообщают, что первый слух о появлении князя Сейдяка дошел до хана только в это время; это тем более его напугало, что ему было сообщено также, что Сейдяк, услышав о приходе казаков и о победе последних над ханом Кучумом, имел намерение напасть на него с другой стороны, чтобы отомстить за смерть отца.² Если это было так, как рассказывают летописи, то приведенное выше известие не имеет никаких оснований. Я не беру на себя смелость высказываться за то или другое, но каждое сообщаю в своем месте.

§ 9. Другой случай, который принес Кучуму в то же время не меньшее огорчение, был следующий. Вышеупомянутый Карача,³ самый могущественный из всех тамошних татарских мурз, вышел из повиновения Кучуму и, покинув хана, избрал местом своего жительства верхнее течение реки Иртыша, около реки Тары, при озере, которое в обыкновенные сибирские летописях называется Ялынским, а в Ремезовской летописи Чулымским озером. Этим власть хана была почти так же ослаблена, как если бы он потерял сражение: многочисленное войско Карачи при прежних нападениях не мало ему помогало.

§ 10. У казаков же, напротив, владения их все увеличивались. Тою же весной они привели к подчинению татар и остыков, живших вниз по Иртышу, и заставили их платить ясак, для чего Ермак отправил туда пятидесятника Богдана Брязгу с 50 людьми. Известие о том, что там произошло, в Ремезовской летописи написано позднейшей рукой и находится на двух вклеенных листах, но по обстоятельствам времени и в связи с последующими событиями изложенные там известия представляются настолько вероятными, что об этих событиях должна итти речь именно здесь.

§ 11. Брязга со своим отрядом казаков отправился в путь 5 марта, и так как все жившие по дороге до речки Аридзянки были уже раньше покорены, то он спокойно продвигался вперед. В устье же этой речки он встретил сильное сопротивление со стороны татар, которые засели в маленьком го-

¹ Гл. 1, § 81.

² Там же, § 69.

³ Гл. 2. § 60 и 73.

Рис. 8. Волок.
(Ремезовская летопись, ст. 11.)

родке и не хотели слышать о сдаче. Брязга принужден был взять это место приступом. Он считал необходимым примерно наказать сопротивлявшихся для устрашения остальных, которых еще предстояло привести к повиновению. Поэтому он велел привести к себе самых видных из них, а также главных засильщиков, которые подстрекали татар к сопротивлению, приказал некоторых из них повесить за ноги, других расстрелять или иным каким-либо образом умертвить. После этого оставшиеся шертовали в верности, делая обрызганную кровью саблю, и все до одного были положены в ясак, который состоял из разной мягкой рухляди; Брязга отоспал ее Ермаку в Сибирь вместе с большим запасом собранного хлеба и рыбы. С тех пор эти татары называются Аirimdzянскою волостью. По описанному способу принесения присяги можно заключить, что эти татары тогда еще не приняли магометанской веры, и что то же самое, следовательно, можно предполагать и об остальных, живших вниз по реке. Этим подтверждается сказанное в первой главе этой истории¹ о слабом распространении магометанства при хане Кучуме.

§ 12. От этого места отряд направился далее к так называемой теперь Наддинской и следующей за ней Карбинской волости. Обе эти волости, зная уже о наказании, которому подверглись их соседи, объявили себя без малейшего сопротивления согласными на все. Но когда Брязга двинулся далее в Туртасскую волость, получившую название от впадающей в Иртыш реки Туртаса, к которой принадлежали также живущие несколько далее уватские татары, то он нашел там всех в большом возбуждении. Из татарских юрт собирался народ, который оказал казакам сильное сопротивление. При этом упоминается старинная татарская крепость, под названием Туртасского городища. Хотя во время моего пребывания в тех местах я этого городища не приметил, но из-за этого я не хочу подвергать сомнению его существование. Очень может быть, что по прошествии стольких лет следы этого городища не так уже заметны, как это было раньше. Небольшое сражение окончилось в пользу казаков. Подобно предыдущим, и эти татары были также положены в ясак.

§ 13. Туртасская и Уватская волости в тех местах последние, в которых живут татары. Далее начинаются остыки. Но в первом остыцком поселении, которое встречается здесь под русским названием Лебауцких юрт, остыки и татары живут совместно. Это поселение, которое остыками называется Нум-шугль, татары называют Назым-аул, от чего произошло название Назымской волости, которое с этих пор было присвоено тамошним остыкам. Впрочем, сами остыки объясняют это название тем, что их родоначальник носил имя Позинг, по которому и волость до сих пор называется Нозинг-ях, т. е. люди Нозинга или его потомки. То же рассказывают они про одного князда, которого звали Кошель, владевшего ими в древние времена и жившего в той местности, где находится небольшой городок на горе,

¹ § 78.

названный по его имени Кошель-ваш, а по-русски Кошелево городище. Ничего не говорится при этом, что Брязга встретил там какое-либо сопротивление, или что он их легко подчинил, так как летопись переносит его непосредственно с Туртаса в Демьянку. Судя по тому, что в начале рассказа об этом походе целью его были названы Назымская и Демьянская волости, можно заключить, что они еще не были покорены. Рассказ же о подчинении назимских остыков потому мог быть опущен, что покорение их и следующей за ними волости составляло одну и ту же задачу.

* § 14. В предыдущей главе¹ рассказывается о некоем князе Бояре с реки Демьянки, который, вскоре после взятия Ермаком города Сибири, добровольно подчинился ему. Этому, кажется, противоречит то, что князец Демьянской волости называется здесь Демьяном, и при этом описывается, как упорно сопротивлялся он казакам. Но можно предположить, что за это время Бояр уже умер, и под властью нового князца остыки вышли из прежнего повиновения, или что у демьянских остыков было два князца, которые действовали с совершенно различными намерениями — один из них признавал казацкую власть, а другой из упрямства не хотел ей подчиниться. Это последнее потому является вероятным, что Демьянская волость по обыкновенным ясачным книгам делилась на две части, причем в первой из них были описаны остыки, жившие по Иртышу, во второй — остыки, жившие по верхнему течению реки Демьянки. По произношению остыков следовало выговаривать имя князца Демьяна Нимян. Тем же именем они называют реку Демьянку. Но когда они разговаривают с русскими и желают подражать русским окончаниям, то всегда говорят Нимянка.

* § 15. Демьян или Нимян собрал до 2000 человек остыков и vogulov, которые, вероятно, пришли с реки Конды. Он ожидал казаков с тем большей смелостью, что для обороны имел на горе большой и крепкий городок. Казакам было весьма трудно овладеть этим местом. В течение трех дней они упорно старались взять городок, но ничего не достигли. Так как они захватили с собой из Туртасской волости недостаточное количество продовольствия, в надежде найти его здесь в изобилии, то скоро начался у них голод, и они стали уже думать о возвращении назад, когда Брязга случайно узнал от татар, которые служили у него в обозе подводчиками, о причине упорства остыков. Среди татар был один чuvаш, которого хан Кучум когда-то вывез из Казани; он часто бывал прежде среди остыков; по его словам, у них имеется идол, про которого остыки рассказывают, что он привезен к ним из России, где его почитали под именем Христа. Этот идол вылит из золота и сидит в чаше, в которую остыки наливают воду, и после того как они выпьют этой воды, они твердо верят, что с ними не может случиться никакого несчастья. Вероятно, это и является причиной их упорства. Он прибавил, что если ему разрешат, он отправится к остыкам и попытается украсть идола; во всяком случае, он на-

¹ Гл. 2, § 78.

деется проводить измерения осяков для того, чтобы казаки могли принять свои меры.

§ 16. Это предложение было принято, и вечером того же дня чуваш был отпущен в городок к осякам под видом перебежчика. На следующее утро он опять был в казацком лагере и принес следующее сообщение. Осяки находятся в большом страхе, они поставили идола на стол, а вокруг него жгут в особых чашах сало и серу. Сами же в великом множестве стоят и сидят перед столом и возносят идолу непрестанные молитвы, что и помешало чувашу украдь его. При этом они гадают — сдаваться ли им казакам, или продолжать сопротивление, и уже пришли к тому заключению, что лучше сдаться. После этого казаки с новой силой начали наступление, которое едва только началось, как большинство осяков и vogulов бежали из городка и рассеялись по своим юртам. Оставшиеся прекратили сопротивление, и казаки могли без особых усилий овладеть этим местом.

* § 17. Нужно сказать, что после сдачи городка казаки искали идола, но нигде его не нашли. Если на этом основании рассказ об идоле считать за басню, то можно впасть в ошибку, потому что осяки легко могли скрыть свою святыню или перевести ее в другое место. Как известно, осяки еще в недавнее время, после того как их привели в христианскую веру, тщательно скрывали своих важнейших идов, и спустя многие годы о них нельзя было получить какие бы то ни было известия. Что же касается того обстоятельства, будто бы упомянутый идол был привезен из России, и что осяки его называли именем Христа, то, судя по описанному изображению его, как сидящему в чаше, это сообщение о происхождении его из России вызывает большие сомнения, и надо думать, что это добавление принадлежит составителю летописи, в особенности когда при этом говорится, что этот идол был известен во времена Владимира Великого, который велел крестить всех русских, о чем осяки едва ли могли иметь какие-либо сведения.

§ 18. Надо также заметить, что, по рассказу летописи, кроме князца Демьяна с осяками в городке находился другой знатный князец, по имени Роман, который при сдаче бежал вверх по реке Конде. Это дает возможность определить местонахождение городка. В устье реки Демьянки, где теперь находится село Демянский ям, не видать никаких следов старого осяцкого укрепления. По имени же Романа названа осяцкая деревня, находящаяся в 30 верстах ниже Демьянки. Так как против этой деревни на восточной стороне реки Иртыша на горе можно видеть остатки какого-то старого осяцкого укрепления, то я думаю, что это и есть старый Демянский городок. Осяки называют теперь это место Чукас. Среди окружающей низменности это отдельно стоящая гора, которая не имеет никакого соединения с остальным высоким восточным берегом Иртыша, где горы значительно отошли от реки. Можно было бы думать, что эта гора — произведение человеческих рук, но ее чрезвычайная величина дает повод сомневаться в последнем: у подножья она имеет в окружности около двух верст, а в высоту около 30 и более саженей.

* § 19. Между тем, наступила весна, и казаки были принуждены остаться здесь, пока не пройдет лед. За это время они построили небольшие легкие суда, чтобы ехать дальше вниз по Иртышу. Они прежде всего прибыли к осяцкому местечку Рачеву городищу, которое получило свое название от идола Рача, который был в этом месте очень почитаем. Там находилось в это время собрание шайтанщиков, которые ходили из одного места в другое и собирали дары для приношения в жертву этому идолу. Но как только казаки высадились на берег, все от них побежали и спрятались в густых лесах. Казаки нашли только остатки жертвы, которая была приготовлена осяками идолу. Хотя казаки оставались здесь до следующего дня, надеясь, что жители опять вернутся, но никто не показался. Несколько ниже Демьянского яма находятся осяцкие Рачевые юрты и дальше от них, вниз по течению, впадает в Иртыш речка Рачевка. Все эти названия произошли, несомненно, от имени находившегося в этих местах идола Рача.

§ 20. Так как здесь дальше было нечего делать, то Брязга не хотел задерживаться и продолжал свой путь. По дороге, когда ему встречались осяцкие юрты, он приводил осяков к шерти и вместо ясака брал все, что ему попадалось. Вскоре после того ему пришлось проезжать одно очень опасное место в Цингальской волости, где Иртыш необыкновенно узок и с обеих сторон окружен горами. Эта местность казалась осякам благоприятной для нападения на казаков. Они собирались поэтому в большом числе, готовые на все, чтобы не допустить казаков проплыть далее. Я не знаю о каких крюках рассказывается при этом в летописи: осяки будто бы хотели задержать ими казаков или их суда. Ведь Иртыш там совсем уже не так узок, чтобы можно было надеяться при этом на удачу. Однако, Брязгу это весьма беспокоило. Он велел остановиться вблизи этого места и не хотел идти далее, пока все его люди не принесут молитвы богу о помощи против врагов. Учинив это на рассвете следующего дня, он двинулся в путь, как только взошло солнце, и был так счастлив, что несмотря на то, что осяки с силой напали на него с обоих берегов, ему удалось их прогнать и рассеять одним выстрелом из всего мелкого оружия. Таким образом были взяты без всякого дальнейшего сопротивления не только Цингальские юрты, но и другое осяцкое местечко, которое в летописи называется Нарымским городком.

§ 21. Упомянутые здесь по обе стороны реки Иртыша горы могут вызвать сомнение, потому что в других местах только восточный берег покрыт горами, а на западном, напротив, повсюду находятся низкие луга. Но подтверждением этому рассказу служит мое географическое описание Сибири, где говорится, что только в этой местности на западном берегу Иртыша находится большая гора, немного выше осяцкого селения Цингальских юрт. Осяки рассказывали мне, что в древние времена эта гора служила им убежищем от неприятельских набегов и что на вершине ее можно и сейчас еще видеть остатки прежнего укрепления, почему это место и назы-

гают по-русски Цингальским старым городищем. Можно предполагать, что в прежнее время эта гора составляла одно целое с теми горами, которые находятся на восточном берегу. Еще сейчас можно видеть на западной стороне этой горы следы старицы, где прежде протекал Иртыш. После того, как эта гора по неизвестным причинам, может быть, из-за землетрясений, здесь, впрочем, необычных, или из-за рыхлости почвы, которая могла обвалиться, отделилась от остальных гор, Иртыш проложил свой путь по вновь образовавшемуся руслу, и, таким образом, эта гора оказалась одиноко стоящей на его западном берегу. Еще и теперь ниже Цингальских юрт можно видеть устье старого протока Иртыша, который, как говорят остыки, называется русскими Старым Иртышем. Верхнее же устье, которое должно было находиться немного выше названной горы, уже больше не видно, так как за давностью времени превратилось в крепкий плотный берег, поросший повсюду тальником.

§ 22. В обоих названных местечках, в Цингальских юртах и Нарымском городке, казаки не нашли никого, кроме жен и детей тех остыков, которые подстерегали их в узком проходе. Они не задержались поэтому в первом местечке, а поехали далее и переночевали в Нарымском городке, который, вероятно, находился приблизительно там, где стоят теперь Сотниковы юрты, хотя я не слышал, чтобы прежде там было какое-то укрепление, как можно было бы думать по названию Нарымский городок. Что же касается волости, то она еще и в наше время известна под именем Нарымской, что на языке остыков означает болотистую местность. С наступлением вечера остыки стали приходить поодиночке, чтобы посмотреть, что делают казаки в их юртах. Они боялись, что из мести за их нападение жены и дети их могут сильно поплатиться. Однако, Брязга показал себя по отношению к ним очень милостивым и своим приветливым обращением привлек их к себе и совершенно рассеял их страхи. Это привело к тому, что на другой же день большинство остыков вернулись в свои юрты, учили шерть в постоянном повиновении и изъявили готовность добровольно платить ясак.

§ 23. После этого казаки поехали дальше и прибыли 9 мая в так называемую теперь Тарханскую волость, которая в летописи, по всей вероятности, по тамошнему клязцу, называется Колпуховой. При этом упоминается также Колпухов городок, память о котором сохранилась, поныне в названии Колпуховские юрты. Тарханские остыки производят себя от татар и говорят, что их предки жили в окрестностях Тобольска, где один из них был тарханом. Но они не знают, когда и по каким причинам произошло переселение их в эти места. Казаки встретили здесь незначительное сопротивление. После трехчасового боя, во время которого полегло много остыков, остальные сдались казакам и уплатили изобильно требуемый ясак. Таким же образом и остальные остыки, жившие в отдельных юртах выше по течению реки, частью добровольно, частью по принуждению должны были платить ясак.

§ 24. На Иртыше оставалось только одно место, которое надо было еще завоевать. Оно было особенно важно, потому что там имел местопребывание главный князец остяков, живших по Иртышу и Оби, Самар; по его имени местечко названо Самаровским ямом, так как оно построено там, где жил Самар. Кроме того, Самар имел еще для убежища небольшой городок, остатки которого можно и сейчас еще видеть; этот городок находился на высокой и крутой горе, которая кажется очень близкой от Самаровского яма, если плыть вниз по Иртышу, но если совершиТЬ этот путь по берегу, то расстояние будет около двух верст. Я только с большим трудом мог подняться на эту гору со стороны Самаровского яма; со стороны же реки, а также с той стороны, которая лежит ниже по реке, на гору совершенно невозможно подняться. Очень может быть, что со стороны суши долинами между прилегающими горами доступ был несколько удобнее. Высоту горы можно считать по отвесу от реки 30—40 саженей. Так как вершина была прежде очень острой, то ее пришлось несколько срезать, и осыпанной землею образовать кругом нее ровное место, как это можно видеть там до сих пор. Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Все место имело не более 10 саженей в поперечнике. Кажется, там стояли только две избы, как можно заключить по двум ямам; избы были построены наполовину в земле, наполовину над землей и сделаны из досок и, по тогдашнему обыкновению остяков, были покрыты землею. Такие избы встречаются у них теперь очень редко. Из описания места видно, что оно могло служить в тревожное время убежищем не более как одной семье с ее челядью. На основании этого можно судить о подобных же небольших остяцких укреплениях, которые имели своей задачей во время вражеского нападения дать безопасный приют женам и детям остяков вместе с лучшими их пожитками. Сами же остяки не прятались в такие городки, а встречали недруга в поле или в своих юртах.

§ 25. Так было и 20 мая, когда казаки подошли к юртам князя Самара. Они поехали по небольшой протоке реки Иртыша, которая теперь называется Казенной протокой и лежит подле восточного берега (по ней ездят обычно весной во время высокой полой воды). Так как эта протока вблизи Самаровского яма опять соединяется с Иртышом, то казаки доехали по ней прямо к остяцким юртам. Дело происходило рано утром, и они нашли на берегу только спящий караул, который был тут же перебит. Самар с восемью другими князьями, призванными им на помощь, проснулся от шума и хотел со своими людьми оказать сопротивление, но тотчас же был убит казаками. Это так напугало остальных, что они обратились в бегство, а немногие оставшиеся простые остяки не оказали никакого сопротивления, обещали покорность и обязались платить ясак.

§ 26. Казаки полагали, что бежавшие понемногу опять вернутся назад, и потому оставались здесь целую неделю. Летопись рассказывает только об одном богатом остяцком князе Алаче, которого Брязга поставил на место Самара, как главного над всеми тамошними остяками. Впослед-

ствии мы увидим, что Алач и его потомки занимали видное положение среди осяков. Так называемые Кодские городки, под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места осяков и теперешние местечки и волости по реке Оби почти от устья реки Иртыша до тогдаших границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности осяки долгое время даже платили этим князьям дань, примеров чего не было среди других осяков и подобных им народов.

* § 27. Близость реки Оби позволила Брязге произвести разведки по ее берегам. Он дошел только до Белогорской волости, которая была первой от устья Иртыша вниз по течению. Эта волость получила свое название от кажущихся белыми гористых берегов Оби, которые тянутся по восточной ее стороне от устья Иртыша вниз по течению. Как рассказывает летопись, там в древние времена было место поклонения некоей знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая. Ей осяки приносили часто жертвы и дары, за что она оказывала им помощь на охоте, рыбной ловле и во всех их делах. Если кто-либо не исполнял данное ей обещание принести что-либо в жертву, то она до тех пор устрашала и мучила его, пока он не выполнял свое обещание. Если же кто-либо приносил ей дары не от доброго сердца, то он должен был ожидать внезапной смерти. Эта богиня, перед которой тогда как раз собралось множество народа, приближении казаков приказала себе ухоронить, а самим осякам куда-либо спрятаться. Это было исполнено, и когда казаки высадились на берег, то они не нашли там ничего, кроме пустых юрт.

* § 28. Можно предоставить легковерному летописцу верить в то, что он рассказывает про осяцкую богиню и что ни в какой мере не подтверждается последующими известиями. Некоторое сходство с этим рассказом имеет еще более древний рассказ про языческую богиню, державшую ребенка на коленях, которую почитали в низовьях реки Оби под именем «Златой бабы». ¹ Я расспрашивал про нее тамошних осяков и самоедов, но ничего не узнал, и то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, ² совсем не похоже на вышеприведенный рассказ.

¹ Н e g b e r s t e i n , — в Auctores rerum Moscov . , p . 61 . G u a g n i n i , Sarmat . Енгор . , f ° , 85 в .

² Место, где стоял шайтан, называлось тогда по осяцки Лонк-Пугль, а по-русски Шайтанские юрты, теперь его называют Троицким Белогорским погостом, потому что там, со времени обращения осяков в христианство, была построена церковь. В Сургутском уезде известны два Лумпукольских погоста: Верхний и Нижний, где о прекращении идолопоклонства говорят вновь построенные церкви. Лунк или лонк означает на осяцком языке шайтан, а лунк-пугль или лонк-пугль — место, где открыто почитается шайтан. То же самое значит Шайтанские юрты, название, заимствованное русско-сибирским языком из татарского. Шайтан, которого почитали тогда белогорские осяки, был уничтожен через несколько лет после того, о чем будет сказано в § 81 этой же третьей главы. Но на его место белогорские осяки поставили позже другого шайтана. Иог. Берг. Мюллер описывает нам в «Nachricht von dem Leben und der Gewohnheit der Ostiaken» (В е б е р , «Verändertes Russland», I часть, стр. 200) того шайтана, который стоял там в его время. Но он мог дать о нем, конечно, только некоторые сведения, так как находился в свите митрополита Филофея — апостола осяков, при приближении которого осяки прежде всего

Достоверно лишь то, что белогорские остыки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания приставленный к нему шайтанщик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанщик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал остыкам также спрятаться от казаков.

§ 29. Хотя Брязга не имел случая заняться распространением в этой местности русской власти, он все же пробыл там три дня. Далекие пространства по берегам этой реки казались никем ненаселенной пустыней, так как не было никаких сведений о жителях этих мест. Причиной этого отчасти была действительно большая удаленность названного выше главного места Белогорской волости, где стоял шайтан, от Кодских поселений и волостей, отчасти, и пожалуй больше всего, это происходило от того, что остыки обычно очень редко остаются на реке Оби весной и переезжают внутрь страны на многочисленные находящиеся там озера. Эти озера соединены протоками с Обью и во время половодья получают от нее в изобилии воду. Занимаясь ловлей рыбы, западшей сюда для метания икры, остыки имеют здесь прекрасную пищу. В виду отсутствия в этих местах людей Брязга 29 мая отправился в обратный путь.

§ 30. Теперь на Иртыше уже никто не оказывал казакам сопротивления и не угрожал еражескими нападениями. Куда бы ни приходили казаки, остыки и татары принимали их сейчас же с почестями и добровольно приносили положенный на них ясак. В каждом местечке лучшие люди с покорностью выезжали к ним навстречу и с такой же покорностью провожали их от юрт до юрт. Казаки с своей стороны держали себя надлежащим образом, так как хотели внушить этим людям уважение к себе и русскому народу. При каждом приеме или в собраниях, в которых они участвовали, казаки надевали свое самое лучшее и дорогое праздничное платье, которое, конечно,

---

думали о том, чтобы скрыть предметы своего поклонения, стараясь унести их в какие-нибудь отдаленные места. Я сообщу поэтому то, что мне стало известно из рассказов тамошних остыков. По их словам, этот шайтан представлял фигуру человека небольшого роста, очень грубо сделанную из дерева. Но дерево нельзя было заметить, так как все лицо идола был покрыто белой жестью и имело только отверстия для глаз, носа и рта; большая меховая шапка скрывала голову, и множество одежд и мехов покрывали прочие части шайтана. По сторонам его стояли две женские фигуры, соединенные между собой березовыми обручами; на них были одеты женские одежды, какие носят прислужницы. Отдельно стоявшая небольшая юрта, где сохранялся шайтан, вся была обтянута изнутри красным сукном, а на полу ее лежал персидский ковер. Поклонение шайтану состояло в том, что остыки свистели перед им, подобно тому, как манят собаку, и только в этом одном состояла их молитва. Они приносили ему в дар лучшие одежды и меха и, наконец, убивали ему в жертву быка или лошадь, если им удавалось добыть их у татар. Впрочем, при этом самое большое удовольствие получали они сами, съедая мясо жертвенного животного. За этой святыней наблюдал шайтанщик, причем он же делал предсказания. Таким шайтанщиком был в последние годы язычества остыков Мастерко, поэтому русские называли этого шайтана «Мастерков шайтан». Остыки же, отмечая его большее значение перед прочими, дали ему имя Орт-лонк, что означает «князь шайтанов». Рассказывают далее, что остыки при переселении из Пермской земли в Сибирь привезли его с собой и с той поры всегда почитали его, пока, наконец, в недавнее время они не приняли христианства, и русские, найдя этого шайтана, не сожгли его вместе с прочими остыкими шайтантами.

при всех добытых ими сокровищах в Сибири и в России, было по тому времени весьма богато. Самое примечательное здесь то, что по возвращении в город Сибирь они не потеряли ни одного человека, несмотря на то, что имели в пути много столкновений и сражений. Стрелы врагов, видимо, были не столь остры, чтобы причинить им вред, и только на их телах осталось много ран от них.

§ 31. Остальная часть лета была проведена казаками в Сибири без особых происшествий. Как только наступила зима следующего 7091 г., согласно Ремезовской летописи, Ермак отправил второе посольство в Москву для того, чтобы доставить туда взятого в полон царевича Маметкула,¹ а также собранный к тому времени ясак. Это отправление Витзеном² и Страненбергом³ неправильно смешивается с первым, которое было в предшествующую зиму. Витzen рассказывает, что тогда были отправлены в Москву три знатных пленника. Страненберг же считает, что вся семья Кучума уже была тогда взята в плен и отправлена в Москву. Приписанном выше первом отправлении не могли быть вообще посланы в Москву полоненники, так как в то время в руки казаков не попал еще ни один человек знатного рода, и, как будет видно из последующих событий, когда речь будет идти о женах и сыновьях хана, как попавших в полон, так и сохранивших свою свободу, единственным знатным пленником казаков ко времени второго отправления был царевич Маметкул. Но в сообщении Витзена имеется указание о том, кто из казаков сопровождал царевича в Москву, о чем сибирские летописи ничего не говорят. Во главе посольства, как сопровождающий знатных полоненников, назван Гроза Иванович. Так как выше⁴ говорилось об атамане Иване Грозе, который вместе с атаманом Иваном Кольцовым, совершившим первое путешествие в Москву, был в великой милости у Ермака, то на этом основании можно предположить, что Гроза, как второй по чину, принимая во внимание, что это поручение было не менее важным, чем первое, должен был на этот раз отправиться в Москву.

§ 32. Ввиду разных сомнений и противоречий, о чем речь будет идти далее,⁵ нельзя, однако, следовать Ремезовской летописи в отношении времени, когда она отправление царевича Маметкула в Москву относит к 21 ноября 7091 (1582) г. Вероятно, тогда была отослана только отписка об его пленинии и о собранном до того ясаке, сам же Маметкул был отправлен только следующим летом или осенью. С этим согласны обыкновенные сибирские летописи, причем они, не указывая месяца и дня, отмечают только год — 7091 (1583)-й, а перед этим излагают те события, которые произошли в этот же самый год и о которых будет идти речь дальше.

§ 33. В начале весны 7091 (1583) года Ермак прежде всего предпринял

¹ §§ 5 и 6.

² Назв. соч., стр. 709.

³   »   » 237.

⁴ Гл. 2, § 35.

⁵ § 42.

поход на реку Обь, чтобы продолжить там завоевания, которые так счастливо начал по Иртышу год тому назад пятидесятник Брязга. Об этом походе обыкновенные летописи рассказывают только то, что много небольших городков, местечек и юрт по Иртышу и по Оби было взято, и среди них Назымский городок, причем Назымского князда взяли в полон; у него были найдены большие богатства. В Ремезовской же летописи говорится сначала о так называемых Кодских городках или о Кодских волостях, лежащих на нижнем течении, которые Ермак покорил и, получив богатую добычу, заставил платить ясак. И только после того рассказывается в ней об этом городке, но название его написано так неясно, что трудно сказать, как его читать: Назымский или Казымский. На основании того, что ясак был наложен сначала на Кодские волости, можно думать, что последнее чтение более правильно, так как Казым есть река, на которой живет много остыков и которая впадает ниже Кодских волостей, а именно против города Березова, с восточной стороны в реку Обь. В древние времена на Казыме находился значительный остыцкий городок, остатки которого еще и сейчас известны под названием Казымского городища. Несмотря на это он, кажется, не является тем местом, о котором говорится в летописи, так как древний Казымский городок отстоит от устья реки Казима в 150 верстах. Потребовалось бы слишком много усилий и времени, чтобы в течение одного похода пройти так далеко вверх по реке Казыму. Кроме того, сомнительно, чтобы Ермак был осведомлен о местности, лежащей так далеко в стороне. Мало вероятно также, чтобы только что покоренные остыки, по собственному желанию, открыли ему местонахождение городка и предложили бы себя в проводники. Поэтому следует считать более правильным название Назымский, о котором мы находим более подходящие и точные сведения. Как известно, имеется река Назым или вернее, по произошению остыков, Мозым, которая впадает в Обь с севера выше устья Иртыша. На ней мы видим остатки прежнего остыцкого городка, который находился недалеко от Оби и который казаки легко могли без чужой помощи открыть. Следовательно, именно это место надо понимать под названием Назымского городка. Ермак мог еще до Кодского похода или, если следовать Ремезовской летописи, на обратном пути, идя вверх по течению Оби, заняться завоеванием этой местности. Впрочем, название Назымского городка теперь больше не употребляется. Остыки называют его Янк-ваш, что значит Клин-городок, потому что городок лежит на высокой остроконечной горе, которую, по ее виду, сравнивают с клином. Назымская волость, название более часто употребляемое, обозначает в тобольских ясачных книгах остыков, живущих по реке Назыму и в местностях по Оби, и ее не нужно смешивать с упомянутой выше волостью,¹ которая лежит на Иртыше и носит то же название. Ремезовская летопись указывает также день, 20 июня, когда Ермак вернулся из Обского похода.

¹ § 13.

---

§ 34. В этой же летописи затем рассказывается, что первого июля Ермак предпринял новый поход по реке Тавде для покорения тамошних vogулов. Она кратко сообщает, что Ермак завоевал Лабутинский городок, взял в полон князца Лабуту, завладел большими богатствами, имел сражение при реке Паченке, после чего Поганое озеро наполнилось трупами, и заставил волости Кошуки, Кондыrbай¹ и Табары платить ясак. Эти немногие обстоятельства достаточно подтверждают те предположения, которые я сделал во 2-й главе по поводу похода вверх по реке Тавде, говоря, что эти два похода, по всей вероятности, являются одним и тем же. Следовательно, необходимо здесь привести из указанного там источника подробности этого похода.

§ 35. До самой Тавды ничего особенного не произошло, так как все эти местности уже были подвластны казакам. В низовьях Тавды жили тогда татары, которых летопись делит на две волости: Красноярскую и Калымскую. Она упоминает также князца Лабуту, о котором остальные летописи рассказывают, что он жил в Лабутинском городке. Теперь, правда, под этими названиями нет особых волостей, и вообще татары больше не живут на реке Тавде, так как после возникновения здесь русских деревень они переселились на реку Тобол. Однако, недалеко от устья Тавды, впадающей в Тобол, находится татарская деревня Красноярские юрты, жители которой рассказывают, что они когда-то жили на Тавде: Про князца Лабуту мы имеем несколько больше данных. В тобольских ясачных книгах упоминается татарская волость Лабутинская. Кроме того, известна речка Лабута, впадающая в Тавду, где, вероятно, и находился вышеназванный городок и где еще и сейчас под этим старым названием находится русская деревня. Когда эти татары принуждены были отражать первое нападение Ермака, то они думали сопротивляться и собрались около речки Паченки, на которой теперь построена деревня того же пазвания. Жестокая битва принесла казакам полную победу, и татары были так разбиты, что ни одного из них не осталось в живых. Среди убитых был князец, по имени Печенег. Находящееся там озеро было полно мертвыми телами и потому получило название Поганого озера. Составитель летописи пишет, что даже в его время озеро было полно человеческих костей. Что же касается теперешних жителей, то никто из них не мог дать мне объяснения этому названию.

§ 36. После этого Ермак подошел к vogульским юртам, во главе которых стоял тогда Кошук. Кошукский городок и Кошукская волость до сих пор известны на реке Тавде. Этот слабый народ сдался после первого же наступления и принес в дар все имевшиеся у него в запасе меха, которые Ермак принял, как ясак. Есаул, по имени Ичимха, сообщил казакам о том, какие пароды живут далее по реке Тавде, как велико число жителей там, какое они имеют оружие, чем они пытаются и тому подобные сведения,

---

¹ Может быть, она должна называться Чандыр, который упоминается в тех местах. Прибавление «бай» показывает, что так звали прежнего владельца, так как бай или бий означает на татарском языке видного человека или господина, то же самое, что по-турецки бек.

которые вообще необходимы завоевателям неизвестных земель. Казаки никогда не забывали усердно собирать подобные сведения.

* § 37. Одно местечко, которое далее попалось им на пути, называлось тогда Чандырским городком. Теперь это только деревня, последняя в Кошутской волости. Здесь казаки также встретили слабое сопротивление. Они нашли там известного шайтанщика, который по приказу Ермака показывал казакам свое искусство. Если верить летописям, оно заключалось в следующем: он дал себя связать и воткнуть себе в живот нож, который до тех пор не вынимали, пока шайтанщик не дал ответа на все предложенные вопросы. После того, как он ответил и нож из него был вынут, шайтанщик вскочил и, освобожденный от пут, выпил несколько горстей крови, текущей из раны, намазал той же кровью рану, после чего она сейчас же зажила, и от нее не осталось следа. В этом рассказе нет ничего сомнительного, кроме того, что он велел себя вязать другим и не сам колол себя, как это обыкновенно делают другие, ему подобные. Таким фокусам могут удивляться только глупые люди. Если внимательно следить за движениями рук шайтанщика, то обман обнаружится очень быстро.¹ Возможно, что Ермак сказал шайтанщику, что он хочет вернуться на Русь через горы и потребовал от него предсказания своей судьбы. Шайтанщик, должно быть, отвечал, что Ермак дойдет до Тавды, не дальше пелымских vogulov, оттуда вернется по Иртышу и будет иметь успех в борьбе с татарами. Он дал бы лучшие доказательства своего пророческого дара, если бы мог предсказать Ермаку его печальный конец. Об этом же, как говорит летопись, он не обмолвился ни словом.

§ 38. Затем казаки пришли к vogулам, во главе которых стоял Табар или, по их произношению, Тобар. Здесь Ермак не хотел задерживаться и довольствовался тем, что успели сбить с vogulov насух: время года не позволяло ему долго останавливаться, если он хотел дойти до пелымских vogulов, о чем было ему предсказано. От этого Табара ведет свое название главное местечко этой волости — Табаринский городок или Табаринская слобода. Оно лежит при устье небольшой речки Иксы и, по своему расположению, возвышается над прочими низкими и болотистыми местами. Летопись добавляет, что здесь был убит некий воин, который был ростом в 2 сажени и мог схватить и сразу раздавить 10 человек; много усилий было сделано, чтобы взять его живым и увезти с собой, но ничто не помогло, добровольно же он не хотел сдаться, и нужно считать чудом, что его удалось убить. Подобные сказки не могут относиться к бедным vogулам, в которых так мало воинственного и из среды которых едва ли кто-либо достигал двухаршинного роста.

§ 39. Пелымские vogулы были своевременно предупреждены своими соседями о предстоящем появлении казаков. Их первой заботой было укрыть в безопасном месте на реке Конде своих жен и детей. В городке остались

¹ Gmelin, Reisebeschreibung; 2. Theil, SS. 87, 494.

только самые видные и сильные, которые под начальством князца Патлика храбро сопротивлялись казакам. Однако, казаки победили, и почти все ногулы были перебиты. Ермак велел явиться к нему нескольким из оставшихся в живых и расспрашивал их о пути с верховьев Тавды в Пермскую землю и на Русь. После этого 4 октября он двинулся в обратный путь, во время которого не произошло ничего замечательного, кроме того, что он у табаринцев и кошуков, занимавшихся земледелием, взял вместо ясака хлеба, чтобы обеспечить себя на зиму. С тех пор так и пошло, что и в последующее время они платили ясак хлебом.

* § 40. В то время, как все это происходило в Сибири, царь Иван Васильевич выполнил свое обещание, данное при обратном отправлении атамана Ивана Кольцова в Сибирь о посылке туда воеводы.¹ По сибирским летописям выбор пал на князя Семена Волконского. Но мы вскоре увидим, что это был князь Семен Дмитриевич Болховской и что головы, посланные с ним, были Иван Киреев и Иван Глухов. Они отправились из Москвы водным путем 10 мая 7091 (1583) г. с 500 человек, посланных для подкрепления сибирских казаков. Они поехали той же самой дорогой, по которой и Ермак совершил свое путешествие в Сибирь, а именно по Волге, Каме и Чусовой. Их путь отличался от пути Ермака тем, что дорогую они не зимовали и прибыли в город Сибирь уже следующей осенью 2 ноября 7092 (1583) г.

§ 41. Грамота царя Ивана Васильевича от 7 января 7092 (1584) г.² к жившим тогда в Перми Строгановым: к Семену Аникьеву сыну, Максиму Яковлеву сыну и Никите Григорьеву сыну дает нам некоторые подробности об этом отправлении. Прежде всего мы узнаем из нее имя князя Болховского и о том, что с ним было два головы, тогда как летописи упоминают только об одном Иване Глухове. Правда, об Иване Кирееве впоследствии нигде не упоминается, и весьма вероятно, что он или совсем не поехал в Сибирь, или же умер вскоре после того. Кроме того, летописи называют Глухова вторым воеводой, тогда как он не был назначен на эту должность. Далее, в грамоте говорится, что Болховской должен был дождаться в Перми зимнего пути и взять у Строгановых для сопровождения через горы 50 человек конных людей. Но так как стало известно, что в зимнее время переход через Камень на лошадях был очень затруднителен, то поэтому было решено, что Строгановы дадут воеводе 15 судов, из которых каждое должно было вместить по 20 человек со всеми их запасами. Они должны были поехать по реке Чусовой, а дальше через волок к реке Тагилу. Это показывает, что в Москве тогда не было еще известно о быстром продвижении воеводы и о том, что он не останавливался в Перми, а сразу совершил весь свой путь. О том, что приезд воеводы в Сибирь следует отнести не к 1584, а к 1583 г., будет ясно из последующих событий.

§ 42. По всему видно, что именно тогда была получена в Сибири грамота об отправлении в Москву царевича Маметкула, и можно считать

¹ Гл. 3, § 4.

² Прил.к. № 7.

днем отправления его 21 ноября 7092 (1583) г., как это указано в Ремезовской летописи. Что это не могло произойти в ноябре предыдущего года,¹ ясно из того, что, по словам всех прочих летописей, приезд царевича в Москву состоялся только после смерти царя Ивана Васильевича, который скончался 19 марта 7092 (1584) г. Его сын и преемник царь Федор Иванович имел радость встретить этого знатного пленника. Он приказал его торжественно принять, оказал ему много почестей, а казаков, сопровождавших царевича, осипал наградами.

§ 43. В разрядных книгах находим указание, что царевич Маметкул упоминается впоследствии, как русский полковой воевода. В 1590 г. он принимал участие в походе против шведов, а в 1598 г. вместе с царем Борисом Федоровичем Годуновым, в виду ожидавшегося нападения крымских татар, ходил под Серпухов. В тех же разрядных книгах называется он сибирским царевичем Маметкулом Алтауловичем. Это доказывает, что его отца звали Алтаул и что он, следовательно, не мог быть сыном Кучума, как это утверждают сибирские летописи,² а также не был братом последнего, как об этом говорит вышеприведенное известие, так как отца Кучума звали Муртазой.³ Муртаза и Алтаул могли быть братьями, и, имея в виду это родство, Маметкула называли по русскому обыкновению братом Кучума, т.-е., его двоюродным братом.

§ 44. До сих пор Ермаку с его казаками все удавалось в Сибири. Но вот начинается время, когда судьба их круто изменилась, и можно было опасаться, что все новые завоевания будут опять окончательно потеряны. Вскоре после приезда воевод в Сибирь казаки стали терпеть такой недостаток в продовольствии, что летописцы не находят достаточно жалостных слов для его описания. Голод продолжался всю зиму до самой весны, причем многие умерли голодной смертью, а оставшиеся в живых по нужде употребляли в пищу мертвые тела своих товарищ. Казакам пришлось перенести много болезней, в особенности цынгу, от чего также немало людей погибло. Сам воевода князь Болховской умер во время этого всеобщего несчастия. Хотя оставался голова Иван Глухов, но, как можно думать на основании последующих событий, он, кажется, мало интересовался делами или же не пользовался у Ермака и прочего народа достаточным уважением. Летописи не упоминают о нем до самой смерти Ермака, когда все управление осталось в его руках.

§ 45. Хотя летописи не указывают причину голода, но ее нетрудно угадать. С воеводой Болховским прибыло 500 человек ратных людей,⁴ которые, как видно, везли с собой небольшое количество продовольствия, чтобы оно не мешало им быстро продвигаться вперед. Они, должно быть, предполагали, что в Сибири у казаков можно найти все в избытке. Но казаки не

¹ § 31.

² Гл. 2, § 18.

³ Гл. 1, § 71.

⁴ § 40.

подготовились к приему стольких гостей, и недостаток продовольствия сказался тотчас же, как только начали делить имеющиеся запасы. Так как казаки сами получали припасы от татар и остыков, то этот недостаток легко можно было бы устранить подвозом нового продовольствия, если бы в это время все те местности не были охвачены новым восстанием против русских, благодаря чему были отрезаны все пути для подвоза продовольствия.

§ 46. Еще до приезда воеводы, а именно 10 сентября 1583 г., прибыл к Ермаку посол от татарского мурзы Караби, который, как рассказывается выше,¹ изменил хану Кучуму и разбил свой стан около реки Тары. Посол просил дать ему нескольких людей для защиты от Казакской орды, которая грозила нападением на их кочевье. Ермак поверил этому сообщению и тем охотнее исполнил его просьбу, что надеялся таким способом привлечь на сторону русских этого знатного татарина и через него мало-помалу и тех, которые отпали от хана. Он послал поэтому атамана Ивана Кольцова с 40 казаками на помощь Карабе. Но вскоре стало известно, что казаки сделались жертвой обмана, целью которого было разбить их силы и тем легче захватить один отряд за другим и, наконец, всех их разбить. Иван Кольцов и посланные с ним казаки были все перебиты. Так как Караби имел повсюду среди татар и остыков своих людей, то ему без труда удалось поднять всеобщее восстание против русских. Казаки, находившиеся среди остыков для сбора дани, были также перебиты. Синодик Тобольской соборной церкви, о котором я уже неоднократно говорил выше,² считает днем убийства атамана Кольцова и казаков 17 апреля, но, как видно по времени следующего события, это неверно.

§ 47. После этого Караби, собрав отовсюду большое войско, двинулся к городу Сибири, надеясь продолжительной осадой пришудить русских, из-за отсутствия у них продовольствия, к сдаче. 12 марта 1584 г. он окружил город со всех сторон, и осажденным оставалось мало надежды на спасение. Но это сделало их еще более неустрашимыми, и они решили или отбить неприятеля, или погибнуть со славою, чем ждать позорного конца от недостатка съестных припасов. Им ничего не оставалось делать, как произвести вылазку, для чего они выбрали ночь на 9 мая, накануне праздника св. Николая, которого с самого начала сибирского похода они считали своим особым покровителем и на помощь которого они надеялись. Было решено ничего не начинать против татар, которые окружали город, но, незаметно обойдя их, внезапно напасть на главный стан Караби, который он, ради большей безопасности, разбил для себя и своей семьи недалеко от Саусканских юрт, на западном берегу Иртыша.

§ 48. Чем менее можно было надеяться на удачу этого предприятия, вызванного только отчаянием, тем успешнее оно было выполнено. Караби думал, что ему печего опасаться, так как вполне полагался на бдительность

¹ § 9.

² Гл. 2, § 69 и 81.

своих. Но русские сумели незаметно пройти мимо татарских караулов вблизи города и так неожиданно начали на своих врагов в Саускальских юртах, что большая часть из них поплатилась жизнью, прежде чем они успели схватиться за оружие для защиты. Среди убитых были два сына Карабчи. Сам Карабча бежал не более чем с 3 людьми. Но дело еще не было выиграно. Татары, которые осаждали город, получили тем временем известие о русском нападении. Они поспешили на помощь своему предводителю и, может быть, победили бы при первом же нападении, если бы оставленный Карабчею обоз не послужил русским защитой. Благодаря этому русские выиграли время и нашли себе, кроме того, еще прикрытие в находившихся поблизости кустах; они оказались в лучшем положении и могли даже обсудить, что же им делать дальше. Коротко говоря, татары, после нескольких повторных нападений, продолжавшихся до полудня, были отбиты с большими потерями, и русские победоносно вернулись в город.

§ 49. Этот успех несколько улучшил пошатнувшееся положение русских, так как татары и остыки, потеряв надежду на Карабчу, снова приуждены были признать власть русских и не могли в дальнейшем отказываться в снабжении их съестными припасами, и таким образом, голод, наконец, прекратился. Скоро произошло новое несчастье, которое было хуже всех прежних, так как Ермак погиб при этом. Обыкновенные сибирские летописи рассказывают об этом следующим образом. Один татарин, подосланный ханом Кучумом, якобы желая русским добра, принес Ермаку ложное известие, что в пути находится бухарский купеческий караван, который собирается вести с русскими торговлю в Сибири, хан же будто бы его задерживает и не дает возможности купцам проехать. Это известие заставило Ермака сейчас же отправиться в путь со 150 казаками навстречу каравану. Достигнув устья реки Вагая и ничего не слыша о бухарцах, он продолжал свой путь вверх по Вагаю. Ремезовская летопись прибавляет, что известие о прибытии бухарского каравана дошло до Ермака 1 августа 7092 (1584) г. и что тогда же он отправился поспешно навстречу бухарцам с 50 казаками, причем в этом числе, вероятно, имеется описка. Но прежде чем он доехал до устья реки Вагая, где Иртыш делает большую дугу,¹ между концами которой находится прямая дорога, Ермак приказал перекопать ее с тем, чтобы в будущем не нужно было делать такой далекий объезд рекою. Когда это было сделано и когда о бухарцах попрежнему не было никаких известий, он продолжал свой путь дальше вверх по Вагаю.

§ 50. Нет никакого сомнения, что эта перекопь была вырыта Ермаком или по его приказанию. Она и сейчас еще называется Ермаковой перекопью, или по-татарски Тескеръ. Она длиною с версту и заканчивается недалеко от устья реки Вагая. После своего поворота Иртыш делает дугу более чем в шесть верст. Все это я сам видел. Следует, однако, прибавить, что теперь в этом изгибе Иртыша очень мало воды. Так как с давних пор почти вся вода

¹ Она называется Вагайской или Вагицкой лукой.

Рис. 9. Ермак на стану на р. Тагиле.
 (Ремезовская летопись, ст. 12.)

проходит по перекопи, то по берегам ее нет никаких следов, что эта перекопь была когда-то прорыта людьми. В этой местности к югу от перекопи виден на низком ровном лугу большой бугор, который, без сомнения, не является естественным, а насыпан руками людей. Он весьма крут и в вышину простирается на 10 саженей, а на верху его есть ровная площадка, имеющая в попечнике около 30 саженей. Тамошние русские называют его Царевым городищем, вероятно, из-за его величины, так как, по их мнению, такую большую работу мог произвести только могущественный царь или хан, имевший, должно быть, на этом бугре свое жилище. Татары же рассказывают, что бугор этот насыпан девушками, которые наносили сюда землю в своих подолах. Они называют его поэтому Кысым-Тура, т. е. Деевчим городом или городком, из чего явствует, что, по их мнению, в древности на этом бугре было чье-то жилище. Тем же именем Кысым-Тура называют они место, в двух верстах выше города Сибири на высоком восточном берегу Иртыша, где стоит Преображенское село, принадлежащее Тобольскому архиерейскому дому. Это название они объясняют тем, что в древние времена одна из дочерей хана была увезена и там изнасилована своим похитителем. Когда же посланные в погоню догнали их и застигли в объятиях друга друга, они убили их обоих вместе с лошадью, на которой была увезена дочь хана, и закопали в землю на этом месте.

§ 51. Но это только случайные замечания, не относящиеся к делу. Я считаю необходимым обратить больше внимания на то обстоятельство, о котором будет говориться далее, а именно, что Ермак в том же году, 6 августа, таким образом на шестой день по отъезде из города Сибири, как рассказывает Ремезовская летопись, покончил свою жизнь у той же перекопи, которую он велел выкопать. Так как этих шести дней едва ли достаточно для того, чтобы проехать вверх по Иртышу или Вагаю и опять обратно до перекопи, то ясно, что работа по рытью перекопи не могла относиться к тому времени, а, вероятно, была произведена прежде, или, по крайней мере, Ермак получил раньше того известие о приезде бухарского каравана и, следовательно, ранее отправился из города. Это последнее подтверждается следующим известием.

§ 52. Уже несколько раз было мною отмечено,¹ что в Ремезовскую летопись, по окончании ее, внесены были некоторые дополнения, написанные другой рукой. Также и в этом месте находится в ней вставной лист, где содержание которого состоит в том, что Ермак по получении известия о прибытии бухарского каравана отправился в путь, но, раньше чем направиться вверх по Вагаю, совершил большой поход вверх по Иртышу, дойдя почти до того места, где теперь находится город Тара. По окончании этого похода он вторично получил известие о приближении каравана, и для того чтобы пойти ему навстречу, он, как сообщают прочие летописи, отправился вверх по Вагаю. Если это произошло так, как это видно из приведенного далее сооб-

¹ Гл. 2, § 61 и сл., гл. 3, § 10 и сл.

щения, то, следовательно, этот путь по Вагаю был совершен вскоре после поражения Карабчи. Таким образом, можно думать, что и работа по прорытию перекопи производилась в то время, когда Ермак совершал свой путь от устья Вагая вверх по Иртышу. Прорытие этой перекопи было произведено казаками, которых он оставил для этого дела.

§ 53. Главным доказательством в пользу того, почему я считаю достоверными известия, приведенные в дополнении к Ремезовской летописи, являются следующие соображения. До того времени татары, жившие вверх по Иртышу, из-за постоянной опасности от ханов Кучума и Карабчи, не могли быть приведены к полному подчинению, теперь же, благодаря полному поражению Карабчи, Ермак имел в руках большие преимущества. Вся страна была опять охвачена страхом, и можно было с полной уверенностью думать, что никто из татар не окажет сопротивления столь великому и славному победителю. Кроме того, опытному воину, как Ермак, было небезызвестно, что результатами всякой победы необходимо пользоваться до тех пор, пока позволяют обстоятельства. Может быть, он даже надеялся, что во время нового похода ему удастся настичь бежавшего Каракчу и спрavedливым отмщением завоевать себе еще большую честь и славу среди тамошних народов. К этому надо прибавить, что известие Ремезовской летописи говорит не о 50 и не о 150, а о 300 казаках, которые были с Ермаком в этом походе. О том, что это последнее число вполне правильно, подтверждает не раз упоминавшийся мною синодик Тобольской соборной церкви, где пазлено 300 погибших в одно время с Ермаком, которым поется вечная память. Поэтому я считаю себя вправе привести некоторые подробности этого похода, обстоятельно описанного на вставном листе Ремезовской летописи.

§ 54. От города Сибирн до реки Вагая все жившие там были теперь в полной покорности. Но стоило только казакам проехать устье этой реки, как татары выше по Иртышу показали себя настолько непокорными, что Ермак стал сомневаться даже в счастливом исходе своего предприятия. Находящееся там Бегишевское озеро, которое лежит на высоком восточном берегу наподобие полумесяца и тянется на расстоянии трех верст, имеет исток в Иртыш. Позади этого озера или около него у высокого берега, на том месте, где теперь стоит русская деревня Игнатьево, находился тогда татарский городок, остатки которого видны еще и поныне. Один знатный князец, по имени Баиш или Бегиш, имел там свое пребывание. От его имени получило свое название не только вышеупомянутое озеро, но и село, принадлежащее Знаменскому Тобольскому монастырю и находящееся на высоком мысу озера по направлению к Иртышу, пазлено Бегишевским погостом. Это название не сходно с тем, которое приводится в одном из татарских сказаний, где название этого места связывалось с именем сына Бегиша Тобозеем, а потому носило у татар название Тобозе-Кул.

§ 55. Бегиш, получив известие о приближении русских, принял надлежащие меры предосторожности, чтобы принять их по-настоящему. Кроме

своих собственных людей и тех, которых ему удалось собрать из соседних мест, у него находились многие из людей Караби. Как только Ермак подошел к городку, в надежде без особых затруднений овладеть им, началась кровопролитная битва. Татары, укрепившиеся на возышении, имели большие преимущества, но Ермак повел наступление с такой силой, что татары пришли в смятение, и победа досталась русским. Казаки были настолько ожесточены, что из татар никого не оставили в живых. Все были перебиты, и только весьма немногим удалось спастись бегством.

§ 56. Я не знаю, о каких двух пушках здесь опять говорится в летописи: пушки будто бы были привезены из Казани, и князец Бегиш употребил их против русских. Можно вспомнить из предыдущего, что в большой битве у мыса Чувашского упоминалось уже о двух пушках,¹ которые казаки будто бы заговорили, так что они не могли причинить им никакого вреда, почему хан велел их потопить в Иртыше. Те же рассказы о заговоре и о потоплении пушек повторяются здесь. Поэтому можно думать, что ранее случившееся происшествие приведено здесь вторично по недоразумению. Так как Иртыш протекает от Бегишевского озера не близко, а на расстоянии двух верст, то тем больше оснований сомневаться в этом рассказе о пушках. После битвы Ермак получил в добычу много драгоценностей и всяких съестных припасов, которые до своего возвращения он приказал закопать в землю.

§ 57. Оттуда Ермак, как рассказывается далее, отправился в Шамшу, Рянчик, Салы и Каурдак, из которых три последних места еще поныне, в том же порядке, как их указывает летопись, и под теми же названиями находятся на Иртыше. Шамши же нет более в тех местах, но имеется татарская деревня Шамшинские юрты, по-татарски Шангшу-аул, которая лежит в 20 верстах от Абалака.² В Салах опять имело место небольшое сражение, а в Каурдаке, где впоследствии был построен острог для защиты татар от нападений калмыков и Казакской орды, все население скрылось в леса.

§ 58. Вслед затем казаки наехали на некоего татарского старосту или начальника, предки которого будто бы получили право суда над всеми татарами еще от прежних ишимских ханов, а именно от сомнительного хана Саргачика, о котором, как сказано в первой главе этой истории,³ упоминает только одна Ремезовская летопись. Этот староста, надеясь на свою силу, хотел было сопротивляться казакам, но его быстро привели к подчинению. По порядку мест, упоминаемых в этом походе, надо думать, что это проходило в Саургаш-ауле в Саргачской волости, о котором уже упоминалось в выше-названном месте первой главы.

§ 59. Далее следовал городок Тебенда, по-татарски Тювенда, "еперь Тебединский острог, где жил князец Елегей", потомок ишимского хана Саргачика. Войско его было невелико, и так как он слышал, что Ермак не причиняет вреда добровольно сдавшись, то согласился без особых возра-

¹ Гл. 2, § 70.

² То же, § 81.

³ § 52.

жений па требуемую уплату ясака и привес, кроме того, еще богатые подарки. Он хотел доставить Ермаку удовольствие и честь, приведя к нему свою прекрасную дочь, которую хан Кучум требовал в жены одному из своих сыновей. Ериак не принял этой учтивости и запретил своим людям до пе^ресасаться.

§ 60. При устье реки Ишима казакам пришлось опять встретить сильное сопротивление. Обе стороны дрались не оружием, так как на казаков напали, очевидимому, врасплох, а в рукопашную. В этом сражении пять казаков были убиты, в память чего татары сложили песнь, которая называется «Цариця плач» и начинается словами: «Яны, яны биш казак», что означает: «Воины, воины, пять человек». Победа, как всегда, была на стороне русских. Убитых похоронили и пошли дальше вверх по Иртышу.

§ 61. Куллара была тогда укрепленным местом на западном берегу реки Иртыша, при озере Аусаклу, где ныне находятся татарские зимние юрты Куллар-аул. Раньше это место служило хану Кучуму для защиты границ от нападений калмыков, а потому из укрепление его обращалось много внимания, и по всему верхнему Иртышу не было другого лучше укрепленного места. Это, действительно, пришлось узнать Ермаку, когда он начал брать его приступом. В течение пяти дней он прилагал все усилия, но взять его не мог и решил двинуться дальше в надежде, что на обратном пути ему удастся завоевать это укрепление.

* § 62. Следующий па пути татарский городок назывался Ташаткан. Жители его сдались без боя и принесли все, что от них требовали. Они участвовали в свое время в той битве, которая была у казаков с ханом Кучумом под Чувашским мысом и потому питали к нему особое почтение. По всей вероятности, этот городок лежал в той местности, где теперь находятся зимние юрты Ташаткан-аул у озера Кулачок, на восточном берегу Иртыша. Там, говорят, можно было видеть тогда большой камень багрового цвета величиной с саний воз. Татары рассказывали про этот камень, что он якобы упал с неба и что он приносит холод, дождь и снег. По моему мнению, здесь мы имеем дело с тем же суеверием, в силу которого еще и ныне татары имеют при себе некоторые камни, которые они называют иш-таш, что значит камень, производящий погоду, о чем в своем месте будет сказано подробнее.

§ 63. Ясно, что в приведенном выше рассказе названы только главные места, которые лежали на пути Ермака, потому что около них произошли какие-либо важные события или потому что около них делались остановки, или, факонец, потому, что летописец по дням описывал поход казаков от места до места. Нежащие между этими местами юрты, очевидно, также подчи-нились русским. Таким образом, летописец переносит Ермака сразу из Ташаткаша, не упоминая никаких других мест, в Шиш-тамак, татарские юрты, которые, как указывает название, находились у впадения реки Шаша в Иртыш.¹ Здесь встретились с казаками еще раз некоторые из людей Ка-

¹ Тамак по-татарски означает устье.

чи и среди них те, которые бежали из казацкого плена. Надо заметить при этом, что тамошние жители названы туралинцами. Это название дается еще и теперь некоторым татарам, живущим около города Тары, и, возможно, происходит оно от тех татар, которые ведут кочевой образ жизни или, может быть, от калмыков. Башкиры называют тюменских и тобольских татар также туралинцами.¹ Туралинцы жили в чрезвычайной бедности, что и заставило Ермака отнестись к ним с необычайным великодушием: он не потребовал с них ясака и даже не принял от них подарков.

§ 64. По всей вероятности, именно здесь Ермак узнал, что далее вниз по Иртышу нельзя было найти зажиточных татар, и потому он решил из Шиш-тамака двинуться в обратный путь. Если правда, что уже тогда калмыки со своими кочевьями доходили до Кулларского городка,² то можно легко поверить, что этот народ, живший в то время в диком и бедственном состоянии под управлением бесчисленных князьков, вряд ли оставлял много имущества татарам, жившим выше Кулларского городка. Можно думать, что набеги этого беспокойного народа, беспрестанно менявшего свое местожительство и находившегося в частых междоусобных войнах, не могли быть постоянными, и я больше склонен думать, что во времена Кучума еще не было калмыков по сю сторону Алтайских гор, а то, что рассказывается о Кулларском городке, относится скорее не к калмыкам, а к пагайским татарам, которые еще до калмыков владели всеми землями по верхнему течению рек Иртыша и Тобола. О калмыках в этих местах говорится с достоверностью только много лет спустя.

§ 65. На обратном пути в Ташаткане Ермаку донесли, что бухарские караваны приближаются, и что путь их лежит по реке Вагаю. Это заставило его, не задерживаясь, продолжать свой путь к Вагаю. Следующие затем обстоятельства его похода по Ремезовской летописи отличаются только незначительными подробностями от того, что рассказывается в остальных сибирских летописях. Ермак шел вверх по течению реки Вагая до того места, где на его западном берегу находится бугор, который татары издавна называют Атбаш, что означает лошадиная голова. На том месте позднее построили острог, который по имени бугра называли Атбашским. В Ремезовской летописи рассказывается, что Ермак будто бы ехал павстречу каравану до Агицкого городка. Но так как место под таким названием на реке Вагае неизвестно, то будет правильнее следовать здесь рассказу других летописей.

§ 66. Между тем Ермак не встретил никаких бухарцев и не получал никаких-либо достоверных известий, где же они находятся. Из этого легко заключить, что полученное сообщение было ложным. Не желая терять напрасно времени Ермак двинулся назад в город Сибирь. На обратном пути он дошел до перекопи, которую незадолго до того велел копать.³ Люди, производив-

¹ Гл. 1, § 62.

² § 61.

³ § 49. 50.

шие эту работу, по всей видимости, находились еще там в ожидании своего начальника. Ермак решил остаться здесь до следующего утра, вероятно, из-за наступающей темной ночи, а, может быть, для того, чтобы дать своим людям возможность несколько отдохнуть от утомительного похода. Так как казаки не предполагали здесь какой-либо опасности, они заняли для отдыха берег острова, находящегося между рекой и перекопью. Некоторые летописи прибавляют, что они поставили на ночь караул, но от сильного проливного дождя, который шел в ту ночь, караульные заснули. Это известие весьма вероятно, так как караульные, уверенные в полной безопасности, укрылись от дождя и, вероятно, крепко спали.

§ 67. Хан Кучум, который все время издалека следил за движением русских, решил воспользоваться представившимся удобным случаем. В известии, вставленном в Ремезовскую летопись, сообщается при этом весьма неправдоподобно, что хан приказал построить плотину или мост через реку, чтобы удобнее падать на русских. Он неоднократно посыпал разведчиков для того, чтобы узять, где можно пройти на лошадях через реку, чтобы иметь точные сведения о ночном стане Ермака. Один из разведчиков, который за свои прежние вины был приговорен ханом к смерти, но получил обещание, что его помилуют, если он выполнит данный ему приказ, принес известие о том, как он на лошади беспрепятственно перебрался через Иртыш и засстал русских, уверенных в своей безопасности, спящими. Но так как хан не поверил его рассказу, то этот разведчик должен был во второй раз пробраться в русский лагерь и для большей верности принести оттуда что-нибудь. Он прошел вторично и в доказательство точности первого донесения доставил 3 русских пищали и 3 лядунки.

§ 68. Хан решил больше не медлить и, как только его люди были готовы, двинулся в путь. Приблизительно около полуночи достиг он русского стана и таким образом мог спокойно осуществить свое намерение. Он не встретил там никакого сопротивления. Храбрость татарская проявилась в том, что они просто душили спящих русских. Ремезовская летопись сообщает, что только один казак спасся на маленьком судне и принес в город Сибирь печальную весть о произшедшем несчастии. Ермак, правда, не был убит. Он пробил себе дорогу через врагов к самому берегу, где стояли струги. Он был уже почти в полной безопасности и одним прыжком в струг был бы окончательно спасен, если бы, на его несчастье, этот струг как раз в это время не отошел от берега. Прыжок его был неудачным, и он оступился. На Ермаке было два панцыря,¹ мешающие ему плыть, и он утонул и, таким образом, в реке покончил свою жизнь, которой не могли отнять у него бесчисленные враги при неоднократных нападениях на него. Это произошло в ночь с 5 на 6 августа 7092 (1584) г.

§ 69. Ремезовская летопись дает при этом описание отважного Ермака и ставит его в ряд с величайшими героями. Она хвалит его пропица-

¹ Это, должно быть, те панцыри, которые царь послал Ермаку в подарок. См. выше гл. 3, § 5.

гельный ум и отменное благоразумие, благодаря которым он во всех случаях умел находить быстрое и превосходное решение. Летопись говорит также об его храбрости, в которой, конечно, никак нельзя усомниться после всех приведенных ранее рассказов. Она восхваляет и его внешний вид; правда, был он только среднего роста, но сильного телосложения, широкий в плечах, имел плоское благообразное лицо, черную бороду, черные слегка щетинящиеся волосы и обладал острым взглядом. К этому можно еще прибавить, что во всех предприятиях ему постоянно сопутствовало счастье, которое покинуло его только в минуту смерти. Относительно же того, что он использовал в прежнее время дарованные ему природою душевые и телесные свойства для злых дел, нет надобности вновь говорить, так как он искупил свои вины последующими добрыми делами и получил за все от царя величайшие милости и полное прощение. Но все же неизбежное возмездие за все дурное проявилось и здесь, так как при этом поражении поплатились жизнью вместе со своим предводителем большинство остававшихся еще в живых казаков, которые вместе с Ермаком занимались на Волге разбоями и пролили столько неповинной крови.

* * § 70. Мертвое тело Ермака, как сообщает Ремезовская летопись, было найдено 13 августа у татарских Еланчинских юрт, лежащих в 12 верстах выше Абалака. Татарин, по имени Яныш, внук князца Бегиша, ловил там рыбу и увидел человеческие ноги, торчащие из воды. Он сделал петлю, забросил ее в воду и вытянул тело на берег. По чертам лица и одежде он легко узнал, что перед ним был русский, и так как он слышал о большом сражении, то по драгоценным панцырям, которые он увидел на трупе, Яныш заключил, что имеет дело не с простым человеком. Он побежал в деревню, чтобы позвать тамошних жителей прийти посмотреть на знатного мертвца. В последующем много рассказывается о чудесах, которые якобы совершились над мертвым телом Ермака. Из этого видно, что сочинитель этой летописи имел сильное желание видеть Ермака причисленным к лику святых.

§ 71. Когда собрались жители деревни, то, зная, что Ермак получил от царя в подарок два драгоценных панцыря, они по этому отличию легко догадались, что перед ними сам Ермак. Мурза Кайдаул хотел снять с трупа панцыри. Тотчас же полилась изо рта и носа мертвца обильная кровь, как будто у живого человека. Это привело татар в немалое удивление, и они послали немедля во все близлежащие места гонцов, чтобы собрался народ посмотреть погибшее тело, на котором можно еще отомстить за всю пролитую татарскую кровь, так как его собственная кровь течет еще как у живого. Для этого они положили нагое тело Ермака на помост, и каждый, кто проходил мимо него, пускал в него стрелу, причем из ран текла при этом свежая кровь. Наконец, к мертвцу прибыл хан Кучум со всеми знатными татарскими мурзами и даже самые отдаленные остыцкие и vogульские князья, чтобы таким же образом отомстить Ермаку. Надо при этом заметить, что сколько ни прилетало птиц, ни одна из них не садилась на труп.

* § 72. Это продолжалось шесть недель. Многим татарам и, между прочим, князю Сейдяку были в это время видения во сне, которыми им указывалось, что они должны похоронить тело. Некоторые от этого даже лишились рассудка. Когда было уже достаточно доказательств, что здесь происходит что-то необычное, татары начали раскаиваться, что они так дурно обращались с телом и не выбрали Ермака еще при жизни своим ханом. Его похоронили на Бегишевском кладбище под кудрявой сосной, и в память его, по татарскому обычаю, устроили погребальный пир, на котором было стедено 30 быков и 10 баранов. Его оружие и одежды были разделены: один панцирь был присен в жертву в мольбище знаменитого белогорского шайтана осяков, откуда его потом получил кодско-осяцкий князец Алач, а другой панцирь дали мурзе Кайдаулу. Князь Сейдяк взял себе кафтан Ермака, а сабля с поясом досталась мурзе Карабе.

§ 73. Если мертвый Ермак творил чудеса еще до погребения своего, то они не прекращались и после того. Летописец сообщает, что не только тело, но и платье и оружие Ермака имели особую чудодейственную силу больших делать здоровыми и родильницам помогать во время родов. Они содействовали успешной охоте, говорит он далее, и оказывали во время войны значительную помощь против врага. Татарское духовенство стало беспокоиться, что их магометанский закон может пострадать от этих чудес, и поэтому решительно запретило связывать с Ермаком какие-либо надежды и даже упоминать его имя. Чтобы положить конец суеверию, было строго запрещено тем людям, которые его хоронили, указывать кому-либо место его погребения. Но, несмотря на это, оно не осталось в тайне. Будто бы каждую субботу видели над могилой в головах свет, как от свечи, а в те субботы, когда православная церковь назначает заупокойные службы (в родительские субботы), над могилой появлялись целые столбы пламени, которые доходили до неба. Летописец говорит, что еще в его время можно было наблюдать это явление.

* § 74. Ремезовская летопись сообщает, что в 7158 (1650) г. были в Тобольске послы от калмыцкого тайши Аблая, которые просили от имени своего государя, чтобы его царское величество царь Алексей Михайлович соизволил переслать в дар ему доспехи, полученные когда-то Ермаком от царя Ивана Васильевича и перешедшие потом к татарскому мурзе Кайдаулу и кодскому князю Алачу. После спошений по этому поводу с Москвой через гол была получена грамота, в которой приказано было взять панцыри у наследников Кайдаула и Алача и переслать тайше. Тобольский воевода князь Иван Андреевич Хилков приложил все усилия, чтобы лаской и угрозами получить эти панцыри. Но наследники Алача и слышать не хотели о возвращении панцыря. Достали только один панцирь от потомков Кайдаула. Этот панцирь был послан тайше 18 июня того же года со стрелецким сотником Ульяном Моисеевым сыном Ремезовым, по всей вероятности, составителем летописи. Панцирь состоял из железных колец и поэтому назывался кольчугой. Надо было изумляться искусству, с каким каждые пять ко-

лец этого панциря были сплетены между собою. Длина его равнялась двум аршиам, ширина в плечах одному с четвертью аршина, грудь и спина были украшены царскими мишениями, с золотым двуглавым орлом; низ подола и рукава имели медную опушку шириной в 3 вершка.

* § 75. Я не упоминаю здесь о том, с какими почестями был принят тайша посланный, который должен был передать столь желанный дар, как тайша принял панцирь с глубоким уважением в знак величайшей царской милости, поднял его высоко над головой и поцеловал. Аблай подробно рассказывал обо всех вышеупомянутых происшествиях с Ермаком, начиная от его прибытия в Сибирь, и особенно о том, что произошло с его мертвым телом, как оно было найдено, как в него пускали стрелы, как текла кровь, где и как его похоронили, как над могилой показывались огненный столб и пламя будто бы от свечи, которые были невидимы для русских, как были поделены панцыри и одежды, какие про них рассказывались чудеса и как татарам под страхом смерти было запрещено показывать русским могилу и рассказывать о чудесах. Он прибавил к этому, что испытал также на себе проявление этой чудесной силы. Когда однажды в юности он был болен, привнесли земли с могилы Ермака, смешали ее с водой и дали ему выпить, и он тотчас же выздоровел. По его словам он имеет обыкновение, идя на войну, брать с собой немнога этой земли, и тогда всегда имеет удачу в своих предприятиях; когда же с ним не было этой земли, то в большинстве случаев он возвращался домой без успеха. Это и есть причина, почему он просил у царя панцирь. Он хочет теперь итти войной против Казакской орды и надеется на постоянный успех, если будет иметь при себе присланный панцирь. Весь его рассказ был записан сотником Ульяном Ремезовым и заверен приложением печати тайши Аблая. Из сказанного ясно, что эта запись служит единственным основанием приведенного в летописи рассказа. В настоящее время место погребения Ермака татарам совершенно неизвестно и о бывших там чудесах они ничего не знают, хотя нет теперь у них причины, почему они должны бы об этом умалчивать.

§ 76. Мы вернемся теперь опять к настоящей истории и посмотрим, какое впечатление произвело описанное поражение на тех русских, которые остались в городе Сибири и особенно на голову Ивана Глухова. Они могли опасаться, что Кучум, воодушевленный одержанным успехом, проявит большую отвагу, и что они не смогут сопротивляться ему со своими малыми силами. К этому надо прибавить еще недостаток съестных припасов, произшедший от общего восстания татар, остыков и ноголов. Поэтому Глухов покинул 15 августа 1584 г. город Сибирь со всем своим отрядом, который, по Ремезовской летописи, состоял только из 156 человек, и отправился в путь на судах. Он опасался живших при реке Тоболе татар и боялся возвращаться назад на Русь обычной дорогой по рекам Тавде или Туре, на что он должен был потратить много времени. Для ускорения пути он поехал по Иртышу и Оби и, перевалив через Югорский камель, достиг реки Печоры. По этому пути в то время часто ходили не только зыряне для охоты и тор-

говли, но и русские, которые из Соли Вычегодской и других тамошних мест ездили на реку Обь за сбором ясака с осяков и самоедов нынешнего Березовского уезда.

§ 78.¹ Для татар была большая радость, когда ханская столица Сибирь оказалась таким образом покинутой русскими и когда по всему Иртышу, Тоболу и другим тамошним местам ничего не стало слышно об этих ужасных для них врагах. Кучум хотел вновь вступить во владение Сибирью и послал туда одного из своих сыновей, по имени Алея, который и обосновался там с несколькими своими людьми. Но это продолжалось недолго, пока не появился князь Сейдяк, который, как сообщают летописи, незадолго перед тем прибыл из Бухары² или, если верить некоторым другим приведенным ранее известиям,³ жил до тех пор тайно среди татар. Он собрал своих людей, прогнал царевича Алея и сам стал жить в городе Сибири.

§ 79. В это время и прежде чем в Москве стало известно что-либо о произошедших в Сибири больших переменах, царь Федор Иванович послал туда в 7093 (1585) г. на смену голове Ивану Глухову нового воеводу Ивана Мансурова с 100 служивыми людьми и несколькими пушками. Когда Мансуров ехал обычным путем по Тоболу и приехал к Иртышу, то тут он вскоре узнал от встретивших его вооруженных татарских отрядов, что Сибирь покинута русскими и снова находится в татарском владении. Он легко мог догадаться, что значительно превосходившие неприятельские силы могли заставить его предшественников спасаться бегством и, следовательно, имея еще меньшее войско, он должен был особенно бояться того же самого. Поэтому он решил идти вслед за Глуховым, что и выполнил, даже не приставая к берегу Иртыша.

§ 80. Этот поход дал повод к построению небольшого городка, который был первым, построенным в Сибири русскими. Была уже поздняя осень, и удобное водное сообщение прекратилось. Идти же сухим путем на лыжах и тащить за собой нарты было очень затруднительно и опасно, следовательно, нужно было где-нибудь остановиться на зимовку. Для этого было выбрано место на правом или северо-восточном берегу реки Оби, против устья реки Иртыша, и из предосторожности против вражеских нападений укреплено тыном. Теперь это место известно под названием Старого городища. Оно существовало только одну зиму, а потом было покинуто. Осяки же, чтобы отличить это укрепление от своих собственных городков, называют его Руш-Ваш, т. е. Русский городок. Он лежит у подошвы высокой Белой горы,⁴ которая начинается от устья Иртыша вниз по течению Оби по ее правому берегу. У Иртыша три устья: именно Неулева протока, по которой идет путь вверх по Оби, затем большое среднее устье и, наконец, Березовская протока, по которой ездят вниз по Оби. Помянутый городок находился про-

¹ § 77 пропущен Г. Ф. Миллером.

² Гл. 3, § 8.

³ Гл. 1, § 81.

⁴ Гл. 3, § 27.

тив последнего из этих устьев. Старинный осяцкий городок был здесь же поблизости, именно там, где поднимается возвышенность против среднего устья Иртыша и как раз на самом высоком месте ее; этот городок осяки называют Гуланг-ваш, т. е. Восточный городок. Остатки этого городка еще немногого заметны, тогда как от Русского городка почти не осталось никаких следов.

§ 81. Мансуров вскоре убедился, что он не напрасно занялся укреплением своего зимовья. Множество осяков, живших на Иртыше и на Оби, подошли однажды к городку и целый день с такой силой наступали на него, что русские только с великим трудом могли их отразить. Хотя к ночи осяки и отступили, но на следующий день, еще до рассвета, они стали готовиться к новому более сильному наступлению. Они привезли с собой своего знаменитого шайтана, которого белогорские осяки почитают больше всех других,¹ поставили его в виду городка на дерево и приносили ему жертвы, прося его помощи для победы над русскими. Но благодаря этому шайтану русским удалось освободиться сразу от всех вражеских нападений. Мансуров велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, то этого было достаточно, чтобы рассеять толпы осяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли надеяться. Они отправились назад в свои юрты, а те, которые жили поблизости, через несколько дней вернулись к Мансуровскому зимовью с ясаком и поминками, прося установить с ними мирные отношения, чтобы им больше не опасаться русских.

§ 82. Возможно, что в течение той же зимы Мансуров посыпал отряды казаков за съестными припасами или за сбором ясака к отдаленным ходским осякам, а, может быть, одно только известие о строении нового городка на реке Оби и уничтожении знаменитого белогорского шайтана сильно напугало осяков, живших по нижнему течению реки Оби. Поэтому осяки и vogулы с реки Соссы, впадающей в Обь, на которых со стороны Оби еще никто никогда не нападал, очень боялись прихода Мансурова, хотя они знали русских на реках Выми и Вычегде, и успокоились только тогда, когда испросили себе против этих новых пришельцев особую царскую защиту. Среди них самым видным считался князец Лугуй, который отправился в Москву челобитчиком от шести городков: Куповата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Березова. Он получил там разрешение каждые два года доставлять самому на реку Вымь ясак по семи сорокам самых лучших соболей, причем начать уплату его в Димитриев день (26 октября) 7096 (1587) г. Кроме того, он просил для этих городков позволения не платить ясака и поминков русским, которые поселились в устье реки Иртыша. Эта просьба была уважена царем, и Лугуй получил охранную жалованную грамоту, согласно которой воеводам нового городка на реке Оби запрещалось требовать с Лугуя и шести городков ясак и поминки. Охранная грамота была дана в августе месяце 7094 (1586) г. и хранится ныне у осяков.

¹ Гл. 3, § 27 и 28.

Куноватской волости; с нее я сделал список в Березове. Она имеет государеву печать, а на обратной стороне грамоты находится обычная подпись царя: «Царь и великий князь Федор Иванович всея Русии».¹

§ 83. Несколько примечаний к этой охранной грамоте не будут излишними. Прежде всего в ней важно то, что вполне согласно с сибирскими летописями она указывает место, где был построен новый русский городок по реке Оби против устья Иртыша, а также время, когда он был построен. Строение городка производилось зимою после 7093 г., т. е. в начале 7094 г. Жалованная грамота дана только в августе 7094 г., и в ней встречаются следующие выражения: «от тех воевод, которые ныне сидят в городе в нашем на великой реке Оби» и дальше: «которые ныне на усть Иртыша на Оби новой городок поставили». На основании их построение городка будто бы произошло только в это время, а воевода со своими ратными людьми будто бы тогда находился еще в городке, но нетрудно понять, что приведенные слова взяты из челобитной князца Лугуя, который, повидимому, уехал оттуда еще до наступления зимы, когда начали строить городок. Более поздних известий в Москве тогда еще не могли иметь. Так как жалованная грамота во всем, что касается нового городка, ссылается только на челобитную Лугуя, то, вероятно, что сам же Лугуй привез в Москву первое известие о нем.

§ 84. Может показаться странным, почему Лугуй предпочитал отвозить ясак на далекую реку Вымь, чем доставлять его воеводам соседнего нового городка. Я выше говорил о том, что места по нижней Оби были первоначально открыты зырянами и русскими, жившими по рекам Вычегде и Выми, и ими были подчинены Русскому государству.² Некоторые из них в указанных местах получали до тех пор большие прибыли от выгодной торговли и от побочных доходов, связанных со сбором ясака. Одни из них жили на Оби постоянно и особенно в зимнее время, когда бывала там охота. Они очень опасались, что потеряют большую часть своих доходов, когда местные народы подчинятся другой власти. Без сомнения, те, которые жили среди остяков в то время, когда пронесся слух о новом городке, склонили князца Лугуя и других остяков к вышеупомянутому решению. Достигнуть этого им было нетрудно, достаточно было описать довольно яркими красками обращение воевод и насилия находящихся при них ратных людей и противопоставить этому краткое и ласковое обхождение на реке Выме их приказного человека, который, вероятно, был незнатного происхождения.

§ 85. Но самое важное в этой грамоте связано с вопросом о том, каким же теперешним местам соответствуют указанные в жалованной грамоте оstäцкие и vogульские городки. Городок Куноват легко отыскать, так как еще сейчас имеется оstäцкая волость на реке Оби, которая носит это название, а кроме того имеется довольно значительная речка Куноват, впадающая

¹ Прилож. № 9.

² Гл. 2, § 1—10.

в Обь с восточной стороны. Остяки называют Кун-аут или Кун-авот высокий мыс, на котором стоял городок. Оттуда производят они Кун-аут-ваш, как прежнее название городка. Русские же называют его Купо-ват или Куноватское старое городище. Остатки его видны еще и сейчас: они находятся на северном берегу большого озера, через которое протекает река Куноват, поблизости от места впадения ее в реку Обь.

§ 86. Второе название Илчма больше не встречается теперь ни на Оби, ни на впадающих в нее реках. Я предполагаю поэтому, что его надо искать к западу от Югорского камня. Там течет в реку Печору река Олеш, которую зыряне называют Ильч. По этой реке шла в прежнее время дорога с реки Сосвы на Русь. Возможно, что жившие по Ильчу vogулы заключили договор с князем Лугаем, чтобы совместно обороняться от притеснений проезжавших воевод.

§ 87. Третье название Ляпин вполне сходно с тем, которое было уже упомянуто¹ в рассказе о первом югорском походе. Оно и сейчас еще употребляется в одном vogульском селении на реке Сыгве. Ляпин лежит приблизительно в 30 верстах от места впадения Сыгвы в реку Сосву, на небольшой речке Ляпиной, которую vogулы называют Лопинг-сойм, а по ней и бывший там городок Лопинг-уш. Оттуда получила свое наименование Ляпинская волость Березовского уезда, и в Березове часто можно слышать, как даже реку Сыгву обычно называют Ляпиной. Еще и теперь там находятся vogульские зимние юрты. В древности же и в то время, о котором идет речь, это место было известно торговыми, которые вели там русские и зыряне с vogулами и остяками. В зимнее время обе дороги, с Шокура на Сыгве и с Ильча на Сосву,² сходились здесь. Поэтому, как рассказывают тамошние vogулы со слов своих предков, там были русские торговые лавки, от которых теперь не осталось никаких следов. Это могло быть, конечно, ранее построения города Березова, который, как вполне понятно, зарядел и всей торговлей этих мест.

§ 88. По поводу четвертого названия Мункос я могу привести в объяснение только то, что в верхнем течении реки Сыгвы имеется vogульская деревня под названием Мункес-пауль, по-русски Мункасские юрты. Но я не слышал, чтобы там находился когда-либо городок.

§ 89. Пятое название Юиль или Юильский городок известно там в двух местах. Во-первых, в верховьях реки Сыгвы был vogульский городок, который прежде так называли. То же наименование носил и остяцкий городок на реке Казыме.³ Но без помощи зырянского языка нельзя, однако, выяснить значение этого слова. По-vogульски городок в верховьях Сыгвы называется Сек-теллек-уш, что имеет своим основанием только тамошнее положение места, так как «Сек» — vogульское название Сыгвы и «тельле» означает исток или верховье реки. Vogульские юрты, которые там сейчас

¹ Гл. 2, § 5.

² То же, § 14.

³ Гл. 3, § 33.

находятся, только по-русски сохраняют прежнее наименование Юильских юрт, а вогульское обозначение их Волкуотль-пауль не имеет с ним никакого сходства. Правда, был еще один старый вогульский городок на реке Сосве, называвшийся Ели-уш, из которого, при неправильном произношении, легко могло произойти Юиль или Юильский, но это объяснение кажется мне не таким вероятным. Зыряне в свое время превратили Ели в Лули, переведя вогульское «уш» зырянским «карра», что так же, как и «уш», означает город или городок, и назвали это место Луликарра, о чём свидетельствует название одного из тамошних селений — Луликарские юрты. Как мне кажется, под именем Юильского городка надо подразумевать верхний городок на реке Сыгве.

§ 90. Что же касается шестого и последнего названия — Березов городок, то ясно, что под ним подразумевается тот осяцкий или вогульский городок, на месте которого построен впоследствии город Березов. Высокий Пудовалый мыс находится в нескольких верстах выше города по реке Сосве; на нем-то и стоял этот старый городок. На этом мысе видны остатки двух различных городков, но неизвестно, были ли они обитаемы в одно и то же время или один после другого. Остяки называли их Сугмут-ващ, вогулы Халь-уш, что дало повод для образования русского названия, так как по-остяцки сугмут, а по-вогульски хал означают березу. Из этого вполне ясно, что я выше,¹ не без основания, сомневался в правдивости древнего предания о времени первого поселения русских в Березове, так как во времена упомянутой жалованной грамоты это было только осяцкое местечко. Однако, возможно, что вскоре после того и еще до построения города Березова там был основан небольшой острог с малым числом ратных людей с реки Выми. Меня уверяли, что еще сейчас видны следы старой зимней дороги, которая проходила тогда между Березовым и Ляпинским городком по реке Богулке, которая впадает в Сосву ниже города. Эту дорогу остяки называют Зырян-юш, т. е. зырянская дорога, а русские — Русским тесом.² По этой дороге, по рассказу остяков, будто бы однажды перевезли на санях пушку в Березов. Жители Березова подтверждают это сообщение и говорят, что пушка находилась в Березове до 1738 г., когда по царскому указу все медные орудия были увезены в Россию. Если это действительно так, то там, вероятно, было укрепление, где стояла эта пушка, и, конечно, нельзя было оставить ее без караула или гарнизона. Ясно, что этой дорогой должны были везти пушку еще до постройки города Березова, потому что в последующее время в город был более удобный путь, именно через Тобольск, откуда Березов снабжался всем необходимым.

* § 91. В царском титуле вышеупомянутой жалованной грамоты замечается некоторое прибавление, которого обычно не встречается в других царских грамотах того времени. Прежде, во времена царя Ивана Василье-

¹ Гл. 2, § 13.

² Тес — от тесать, потому что первоначально по этой дороге, чтобы не заблудиться, на деревьях были тесаны или зарублены знаки.

вича и Федора Ивановича, в той части титула, где говорится о Сибири, всегда стояло «Удорский, Обдорский, Кондинский и обладатель всея Сибирские земли и Северные страны повелитель». Но в жалованной грамоте 7094 г., кроме того, находятся слова: «и великия реки Оби». Поводом для этого дополнения, вероятно, послужил новый Мансуровский городок на Оби. Но приведенный титул просуществовал не дольше, чем самый городок. В последующее время стали употреблять в титуле лишь общее наименование Сибири, не приводя при этом названий отдельных областей и пародов, которые год от году присоединялись к Российскому государству.

* § 92. Так как в жалованной грамоте было сказано, чтобы воевода Мансуров из нового городка на реке Оби не нападал на князда Лугуя и на зависевших от него 6 городков и не требовал с них ясака, то Лугуй, без сомнения, еще на обратном пути узнал, что принятые им по этому поводу предосторожности были излишними. Если здесь что-либо случилось, то оно должно было произойти летом 7094 г. во время отсутствия Лугуя. Все летописи согласны в том, что по окончании эпмы Мансуров покинул построенный им городок и продолжал свой путь по воде вниз по Оби и через Югорский камень возвратился со всем своим отрядом обратно на Русь.

Глава четвертая

СТРОЕНИЕ ГОРОДОВ ТЮМЕНИ, ТОБОЛЬСКА, ЛОЗВЫ, ПЕЛЫМА, БЕРЕЗОВА, СУРГУТА, ТАРЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ ХАНА КУЧУМА ИЗ СИБИРИ

§ 1. После вышеописанных неудач Москва всетаки не теряла надежду на окончательное покорение Сибири. Дело, правда, надо было начинать сначала, но все же намеченное ранее было выполнено без особых затруднений: некоторые пути в Сибирь и местоположение тамошних стран стали уже известны, и при одном упоминании русского имени Сибирь приходила в трепет; поэтому достаточно было незначительного количества русских, чтобы предпринять и выполнить все без особого труда.

§ 2. Когда возвратился из Сибири в Москву первый воевода Глухов и от него узнали о совершенно изменившихся обстоятельствах в Сибири, нельзя было ожидать большей удачи от посылки второго воеводы Мансурова. Поэтому царь указал отправить туда новых служилых людей, которые должны были помочь воеводе удержаться на реке Оби, а самим с большей настойчивостью продолжать начатое дело и вернуть потерянные завоевания. Считали, что для этого сначала вполне достаточно небольшого отряда из 300 чел. стрельцов и казаков. Руководство им было поручено двум воеводам — Василию Борисовичу Сукину и Ивану Мяспому, а также письменному голсве Даниле Чулкову. Отъезд их из Москвы произошел приблизительно в середине зимы 7094, т. е. в начале 1586 г.

§ 3. Либо в царском наказе было так написано, или новые воеводы сами были осторожны, но они не решились сразу заходить очень далеко. Прежние походы были направлены прямо на Иртыш и к городу Сибири, воевода же Сукин занял место при реке Туре, там, где когда-то стоял старый татарский город Чимги. Он прибыл туда 29 июня 7094 г. и начал строить город, получивший позднее татарское название Тюмень.

§ 4. Этот город расположен на правом или южном берегу Туры, на высоком и ровном месте, где берег поднимается на 10 саженей выше уровня реки. Ни одна из сибирских местностей не обладает, кажется, такими природными преимуществами. Место, занимаемое городом, тяготится во все стороны на равной высоте и покрыто плодороднейшей пахотной землей. Левый же или северный берег реки пизкий и весьма лесистый. И татары и русские поступали поэтому правильно, когда здесь строили свои первые города. Земля в том месте очень рыхлая, и с незапамятных времен обра-

Рис. 10. Тархан-кала.
(Режевская летопись, ст. 30.)

зовались тут буераки, которые настолько глубоки, что доходят иногда до уровня реки Туры, а в других местах уходят дальше в глубь земли. Между такими буераками и не на самом берегу реки находился старый татарский город, от которого и сейчас еще остались следы в виде земляного вала и рва, проведенных от буерака до буерака. Однако Сукин, при выборе места для Тюмени, не последовал примеру татар. Размеры татарского городища были недостаточны даже для маленького городка, не говоря уже о целом городе, на будущий рост которого можно было возлагать большие надежды. Сукин, наоборот, построил город на берегу реки ниже того места, где буераки сходятся общим устьем к реке Туре.

§ 5. Это общее устье и один из буераков, который идет параллельно реке Туре и окружает город с нагорной стороны, называются по-русски Тюменкой, татары же не имеют тому месту особого названия. Другой буерак, идущий отсюда прямо в глубь страны, называется Дедиловым. Третий от этого, идущий по одной линии с Тюменкой, получил от растущих там диких вишен название Вишневого буерака. Текущий город Тюмень расположен между Тюменкой и рекой Турой; старый же татарский городок Чимги или Цимги находился между Тюменкой и Вишневым буераком. Оба места были укреплены от природы с трех сторон частью высоким и обрывистым берегом реки Туры, частью непроходимыми буераками. Таким образом укрепления требовала только сторона, расположенная вниз по течению реки Туры. Это и было сделано при построении города Тюмени, когда кроме небольшого внутреннего городка о четырех стенах, который стоит вблизи Тюменки, вокруг находившихся вне его жилых домов был поставлен тын или острог от берега реки Туры до Тюменки. Ремезовская летопись добавляет, что в одно время с острогом построена была в Тюмени церковь во имя всемилостивого спаса, которая была первой церковью во всей Сибири.

§ 6. О происхождении названия Тюмени татары рассказывают двояким образом. Это слово на их языке обозначает десять тысяч. Одни из них уверяют, что в древние времена там жил могущественный татарский князь, имевший до 10 000 подданных или имевший возможность собрать войско такой численности. Другие же рассказывают, что татарский князь, живший здесь, приказал однажды заполнить все овраги Тюменки своим собственным скотом. Это было сделано, и при счете оказалось 10 000 голов скота. По первому объяснению можно судить о силе татар, по второму об их богатстве. Возможно, что то и другое выдумано. Название Тюмени не первое, которое основано на басне. То же самое название встречается на Каспийском море, где приток реки Терека известен под названием Тюменки; на нем был расположен татарский или черкасский город, названный Тюменским городком.¹ Это тот же город, который впоследствии получил название Терки. Князь этого города подчинился в 1559 г. русской власти, о чем свидетель-

¹ Samml. Russ. Gesch., 4. Band, S. 403, 404.

ствуют степенные книги.¹ Разрядные книги часто упоминают о двух сыновьях этого князя, Романе и Василие Агилевичах Тюменских, и сообщают, что с 1575 г. до конца столетия они служили Российскому государству воеводами во многих походах.² Что же касается происхождения названия сибирского города Тюмени, то во время строения города оно, вероятно, было в употреблении у татар, теперь же они им больше не пользуются, а называют город старым именем Чимгитура.

§ 7. Само собой разумеется, что воеводы нового города занялись покорением живших в тех местах татар и принуждали их к уплате ясака. Последнее произошло без особых затруднений, почему устные предания и летописи очень мало говорят об этом. У татар не было тогда собственных начальников, которые могли бы защитить их от русских. Живя оседло в своих юртах, они имели свои земли и занимались земледелием и скотоводством и должны были бы всего этого лишиться, если бы добровольно не подчинились русским. Местности по рекам Пышме, Исети, Тавде и Тоболу, почти до его устья, входили тогда в состав Тюменского уезда. В дальнейшем, когда число городов увеличилось, границы этого уезда заметно уменьшились, так как каждый из новых городов получил из Тюменского уезда лежавшие вблизи земли, которыми сама Тюмень не могла управлять за дальностью расстояния.

*§ 8. Городом Сибирью на Иртыше владел пока еще князь Сейдяк. Он стал сильнее после того, как к нему пришли пекий султан или царевич Казакской орды и мурза Карака, незадолго до того присоединившийся к нему. Несомненно, что тамошние татары после ухода хана Кучума признавали Сейдяка своим законным государем и платили ему обычную дань. Преждевременным нападением на Сейдяка русские не хотели, однако, подвергать себя опасности. Они написали об этом в Москву, прося дальнейших распоряжений и указывая на небольшое количество служилых людей, находящихся в Тюмени, которых было недостаточно даже для защиты этого города. Через короткий срок, летом 7095 (1587) г., в Тюмень прибыло 500 чел. новых служилых людей, которые привезли царский указ о том, чтобы письменный голова Данила Чулков отправился с этими людьми на Иртыш и заложил бы вблизи татарского города Сибири другой город, из которого было бы удобнее принимать соответствующие меры против татар.

§ 9. Так было положено начало главному городу Сибири — Тобольску, который первоначально состоял из небольшого деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Вскоре после своего основания Тобольск стал местом пребывания главных воевод и позже губернаторов всей Сибири, откуда посыпались распоряжения всем остальным постепенно

¹ Степень 17, грань 17, гл. 25: О послех из Тюмени и из Шавкал и како хотяху креститися черкасы. Того же лета 7067 приидоша к государю послы от Тюменского кайзя с дарами и с любочестным молением, дабы государь держал их в своем имени. Тогда же приидоша к государю послы из Шавкал — и пр.

² Samml. Russ. Gesch., 5. Band, S. 79, 109.

возникавшим и подчиненным ему городам и mestечкам Сибири. В этих распоряжениях указывалось, между прочим, как надо с пользой для государства управлять покоренными народами и как, смотря по обстоятельствам, лаской или принуждением, подчинять еще непокоренных. При основании Тобольска туда был назначен только письменный голова, человек невысокого ранга, очевидно, потому, что не могли сразу учесть то значение, которое было связано с созданием этого города. Чулков со своими людьми отправился в путь из Тюмени водою сразу же по получении приказа, т. е. летом того же 7095 (1587) г. Город был построен им на высоком восточном берегу реки Иртыша, против устья реки Тобола, без малейших препятствий со стороны живущих там татар.

§ 10. Согласно устных рассказов, город был заложен в том месте, где теперь находится архиерейский дом с принадлежащими к нему дворовыми постройками. По Ремезовской летописи, Чулков построил тогда же Троицкую церковь и за городом, под прямым взвозом, другую церковь Всемилостивого спаса. В последующее время с городом и с церквами происходили частые перемены, о чем будет сказано в своем месте.

§ 11. Таким образом вместо города Сибири, в той же местности, в центре бывшего Татарского царства, появился теперь другой город, который, благодаря своей близости к Тюмени и удобному короткому и прямому пути с Тобола на Иртыш, являлся надежной пристанью, откуда можно было подниматься и спускаться по Иртышу, в чем он имел большие преимущества перед городом Сибирью. Но все это имело бы небольшое значение, если бы упорный враг, которому простой народ в окрестных деревнях был безусловно предан, оставался бы попрежнему поблизости. Вероятно, Чулков не имел распоряжения из Москвы применить против него силу или сам на это не решался. Наоборот, он больше старался о том, чтобы наладить хорошие отношения с живущим там народом и, заручившись его доверием, впоследствии легче, без особых потерь для себя, овладеть наиболее видными людьми из их среды и, таким образом, навсегда подчинить остальных Русскому государству. Но князь Сейдяк и его люди были настолько неосмотрительны, что, несмотря на близкую опасность, не делали ни малейших попыток изгнать или, по крайней мере, ослабить русских, а что из этого вышло, послужило всецело на пользу русским.

§ 12. Летом 7096 (1588) г. князь Сейдяк с султаном Казакской орды, Мурзой Карабей и с 500 татар забавлялся ястребиной охотой на берегу реки Иртыша. Они близко подошли к городу Тобольску и остановились на лугу, который тянется по восточному берегу Иртыша от Чувашского мыса до Тобольска. По этому случаю названный луг стал называться Княжевым. Небольшая речка, протекающая у города Тобольска через ямскую слободу и впадающая в Иртыш, тоже получила название Княжевой речки. В виду того, что эта охота происходила вблизи города, о близости татар стало известно тобольскому письменному голове. Он воспользовался случаем и отправил к князю посланца, с приглашением его и его спутников к себе

на пир с тем, чтобы во время его вести с ними мирные переговоры. Князь Сейдяк посоветовался со своими, и они решили последовать приглашению, но с условием, чтобы все его люди вошли вместе с ним в город. Это пожелание совершенно не соответствовало намерениям Чулкова, и дружескими уговорами он сумел повернуть дело так, что с гостями в город вошло только 100 чел., остальные же остались за воротами для охраны. Таким образом, врачи оказались в руках русских. Нужен был только предлог, чтобы сделать их настоящими пленниками; случай к тому представился на пиру.

§ 13. Во время пира было выпито много вина. Мирных переговоров касались только для вида. Сейдяк, у которого явилось подозрение, задумался, и тогда Чулков стал обвинять его в том, что он что-то замышляет против русских. Никакие словесные уверения не помогали, и в доказательство своей верности и в знак сохранения настоящих добрых отношений Сейдяк должен был выпить большую чашу вина, поднесенную ему Чулковым. То же самое должны были сделать султан Казакской орды и мурза Карава. Но князь и его спутники отказались пить. Этот отказ сочли за неоспоримое доказательство их враждебных намерений. Чулков приказал всем русским вооружиться, и затем, по его распоряжению, знатные гости были связаны, а простые татары, бывшие с ними, перебиты.

§ 14. Можно было ожидать, что татары, оставшиеся у ворот, будут пытаться освободить князя Сейдяка и других, но случилось наоборот: как только они услыхали о беде, постигшей их товарищей, то поспешили бежали в степь. За ними последовали и те татары, которые остались в городе Сибири. Таким образом все окрестности Тобольска и Сибири были совершенно очищены от неприятеля. С той поры город Сибирь никогда больше не заселялся.

§ 15. Захваченных знатных пленников трудно было охранять в Сибири. Чулков отправил их в том же 1588 г. 10 сентября в Москву, где они были торжественно встречены, и им были пожалованы земли, которые вполне обеспечивали их существование. Сочинитель Ремезовской летописи говорит, что потомки их жили в Москве еще в его время, но имеет ли он в виду потомков князя Сейдяка и других его товарищей или тех и других, из летописи не видно.

* § 16. В то же время было решено построить город на реке Лозве, впадающей в Тавду, в том месте, где Лозва становится судоходной. Его назвали Лозвинским городком или городком на Лозве. Частые отправки в Сибирь и обратно, а также стремление к дальнейшему расширению русских владений в Сибири делали этот городок крайне нужным. Так как в то время обычный путь в Сибирь шел через Чердынь вверх по реке Вишере, а оттуда через горы к реке Лозве, впадающей в Тавду, и далее вниз по Тавде до Тобола и Иртыша, то в том месте, где Лозва начинает быть судоходной, необходимо было иметь пристань, чтобы в весеннее время строить там суда и держать в безопасности продовольственные и иные запасы, которые по окончании ледохода можно было бы отправлять дальше. К этому нужно

ириавить, что с живущих в тех местах vogulов, подчиненных до тех пор городу Чердыни, можно было теперь получать ясак с большей исправностью и правильностью, и в то же время представлялась большая возможность покорить других vogulов, живших поблизости. Однако обо всем этом ничего не говорится в сибирских летописях, а в сибирских архивах от этих лет не сохранилось никаких дел. От Лозвинского городка через несколько лет не осталось никаких следов. Трудно надеяться, что о построении его найдутся в дальнейшем более подробные сведения. Единственно, что остается, это определить приблизительно время его возникновения.

* § 17. В архиве города Пелыма нашел я известие 7102 г., из которого видно, что городок при реке Лозве существовал уже в 7098 (1590) г. и что воеводой в нем был тогда Иван Григорьев сын Нагово. В этом же известии говорится, что в указанном году с Лозвы ушли несколько человек казаков, которых приказано было разыскать. Сверх того, в наказе первому Пелымскому воеводе князю Петру Ивановичу Горчакову о строении города Пелыма 7100 (1592) г. Лозвинский городок называется «новым городом» и опять упоминается в нем тот же воевода Иван Нагой. Так как в те времена не было обыкновения оставлять одного и того же воеводу более двух или трех лет на одном месте, то можно думать, что Нагой был назначен воеводой не ранее 7098 г. По этому обстоятельству и по добавлению к названию Лозвинского городка слова «новый», которое он сохранял еще в 7100 г., можно думать, что он был основан только за несколько лет перед тем. Из всего сказанного следует, что городок на Лозве был построен около 7098 (1590) г., по всей вероятности, воеводою Иваном Григорьевым сыном Нагово.

§ 18. Vogулы Верхотурского и Пелымского уездов, живущие при реке Лозве, показывают еще и теперь то место, где когда-то стоял Лозвинский городок. Об этом говорят остатки бывших здесь укреплений и домов. С юго-западной стороны в Лозву впадает речка Иивдиль или Иивля; по словам vogulов, при устье этой речки будто бы стоял прежний городок. Немного дальше, выше этого места, находится теперь vogульская деревня Верхотурского уезда, получившая от той речки свое название Иивль-пауль. От речки Иивли вниз по реке Лозве можно было беспрепятственно плыть во всякое время года если не па груженых дощанниках, то, во всяком случае, на больших лодках. Дальше вверх река становится мелководной, и на ней имеются пороги, так как она близко подходит к горам, но вниз по течению русло реки состоит частью из песка, а по большей части из ила, и течение ее не особенно быстрое. Указывают при этом, что так как берега повсюду сильно поросли лесом, то на них нет даже узкого бечевника, отчего происходило большое промедление при ходе вверх по реке, так как почти везде при этом суда приходилось тянуть бечевой или ити завозом, что сильно задерживало движение и делало путь по Тавде очень трудным. Это, очевидно, и явилось причиной, что в дальнейшем стали искать более удобных сообщений. Мы вернемся

к ним, когда, по обстоятельствам времени и места, Лозвинский городок был оставлен.

* § 19. В том же 7098 (1590) г. произошли еще некоторые события. Во-первых, на место письменного головы Данилы Чулкова прибыл в Тобольск воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский, при котором произошла следующая перемена. Тобольск, зависевший до тех пор от Тюмени, стал быть собою и подчиняться в дальнейшем непосредственно Москве. Решение сибирских дел происходило там в первое время в Посольской канцелярии, называвшейся тогда Посольским четвертым приказом или же просто Посольским приказом, где главным судьей был тогда дьяк Василий Целкалов.

§ 20. В том же году хан Кучум решил снова навестить свои прежние владения. Кажется, главной его целью была при этом добыча, а не желание воевать с русскими, этим страшным для него народом. Когда он 23 июня подошел довольно близко к городу Тобольску, вся его отвага проявила лишь в том, что он убил в деревнях нескольких татар и с захваченной добычей бежал, раньше чем тобольский воевода мог получить известие о его приближении. В другой раз он сделал набег на Каурдакскую и Салымскую волости, которые находились вверху Иртыша¹ и уже в то время платили ясак русским; он убил там много людей и награбил большое количество всякого добра. Это было его местью тем татарам, которые не признавали его своим государем и подчинились русским.

§ 21. Если бы эти нападения остались безнаказанными, то, вероятно, имели бы много дурных последствий и дали бы повод хану для дальнейших набегов. Поэтому воевода князь Кольцов-Масальский решил в следующем году отомстить хану за эти нападения и для того направился в степь. Он взял с собой часть тобольских служилых людей и большое количество татар, живших недалеко от города. Он выступил с ними в поход 8 июля 7099 (1591) г., и ему посчастливилось 1 августа так удачно папасть на хана на реке Ишиме, у озера Чиликула, что после короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся в живых бежали. Один из царевичей и две жены хана со многими другими пленными должны были в знак полной победы последовать за русскими, возвратившимися с богатой добычей в Тобольск.

§ 22. Ремезовская летопись, в которой одной говорится об указанных набегах хана и о походе против него, сообщает, что в этом походе принимали участие тарские казаки и что хан, бежавший после упомянутого сражения вверх по реке Ишиму, еще не раз нападал на русских жителей городка Тары и на тамошних ясачных татар. Обыкновенные летописи указывают 7096 (1588) год, как год основания города Тары. Но из приводимых далее архивных известий видно, что город Тара был основан только в 7102 (1594) г., и поэтому приведенному известию нельзя верить. Нет также ос-

¹ Гл. 3, § 57.

шований предполагать, что, может быть, уже раньше или же в это время на Таре был поставлен небольшой острог, в котором стоял по перемещам гарнизон из Тобольска не столько для постоянного жительства, сколько для сбора ясака, как это потом бывало во многих других острогах, которые зависели первоначально от тех городов, которыми они были построены. Против этого предположения говорит, однако, то обстоятельство, что в указанных архивных известиях не только нет никаких подтверждений сказанному, но даже не находится о том ни малейшего следа, хотя известие об этом должно было бы сохраниться.

§ 23. Несмотря на это, несомненно, что уже тогда весь Иртыш, поскольку он был заселен татарами и остяками, а также Тобол, Тавда, Конда и большая часть реки Оби были подчинены Тобольску. Доказательства этого будут приведены постепенно в дальнейшем. Вероятно, уже тогда на реке Тавде был небольшой город или острог, построенный Тобольском, но разрушенный вскоре во время восстания vogулов. Об этом определенно говорится при последующем построении города Пелымы.¹ Большой недостаток материалов в Тобольском архиве, страдавшем не раз от пожаров и не содержащем никаких известий об этих первых временах, является причиной еще многих пробелов в этой Истории. О том, что случилось в эти же годы в Тюмени, тоже можно сказать очень немного, так как Тюменский архив начинается только с 7102 г.

§ 24. Чем более возрастала надежда на дальнейшие завоевания в Сибири, тем более становилось необходимым заняться заселением новых уездов русскими, покоренные народы держать твердо в руках и в дальнейшем стараться подчинить возможно большее количество их Русскому государству. Для этого необходимо было на том обширном пространстве, которое представляла известная уже тогда часть Сибири, строить новые города, снабжать их достаточным гарнизоном и заботиться о том, чтобы население было обеспечено необходимым количеством продовольствия. Таковы были намерения в Москве в 7100 (1592) г., когда решено было построить три новых города: Пелым, Березов и Сургут. Летописи относят пачало этих городов к 7099 г., но так как при постройке первого из этих городов упоминается тобольский воевода князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский, о котором в тех же летописях сказано, что он занял место прежнего воеводы князя Кольцова-Масальского в 7100 г. и был Тобольским воеводой до 7103 г., то это является доказательством, что построение упомянутых городов не могло начаться ранее 7100 г.

* § 25. В то время в Чердыни был воеводой Никифор Васильев сын Траханиотов, которому было приказано направиться в Сибирь с некоторым числом служилых людей для того, чтобы удержать татар от пабегов. Но вскоре после того он должен был со своими людьми ити для прикрытия строения города Пелымы, а затем для постройки города Березова.

---

¹ § 28.

В архиве графов и баронов Строгановых, от которых я уже получил много ценных исторических материалов, имеется царский указ 5 июля 7100 г.¹ в котором их предкам приказано присоединить к отряду Траханиотова 50 молодых вооруженных людей и держать, кроме того, еще 50 человек наготове на случай похода против пелымского князя.² О последнем походе сведений не сохранилось. Что же касается построения города Пелыма, то об этом можно говорить более подробно, так как я нашел в Пелыме тот наказ,³ который был дан назначенному для построения города воеводе при его отправлении из Москвы. Очень жаль, что в этом наказе отсутствует начало и вместе с тем точное время отправления, которое в прежние времена обычно писалось в начале наказа. Однако, из других обстоятельств видно, что это отправление произошло в конце 1592 г.

§ 26. Князю Петру Ивановичу Горчакову было указано начать строение города Пелыма, а другим воеводам, отправленным в то же самое время в Сибирь, помочь ему в этом деле. Между ними, вышеуказанный Траханиотов был первым. Два других были князь Михаил Волконский и князь Матвей Львов, но куда они были назначены, не указывается; кроме того, с ними было еще три письменных головы: Богдаш Воейков, назначенный в Тюмень, Иван Змеев, отправившийся с Траханиотовым в Березув, и Семен Ушаков, оставшийся при князе Горчакове в Пелыме. Служилые люди состояли из некоторого числа детей боярских и казаков. С ними были также крестьяне, которые должны были завести пашню при новом городе на реке Тавде. С собой воеводы везли необходимое количество пушек, пороха, свинца и съестных припасов.

§ 27. По прибытии воевод в Пермь, князь Горчаков должен был послать нескольких детей боярских к лялинским и вишерским⁴ vogулам и взять у них по 25 человек, которых со своими сотниками, под предводительством детей боярских, отправить в новый Лозвинский городок, а затем против непокорного Пелымского князя. Князь Горчаков должен был заверить их в высочайшей царской милости и выдать каждому сотнику по 2 рубля, каждому рядовому по рублю и, кроме того, каждому из них по четверти муки.

§ 28. По приезде князя Горчакова с прочими воеводами в новый Лозвинский городок они должны были вместе со своими людьми помочь лозвинскому воеводе Ивану Григорьеву сыну Нагово сделать суда, которые должны быть готовы для продолжения пути в достаточном количестве обязательно к вскрытию реки. По прибытии на реку Тавду надо было с общего совета выбрать место, наиболее удобное для строения города. Воеводам было предоставлено самим решить: ставить ли город на старом месте, где стоял

¹ Прилож. № 10.

² Гл. 3, § 2.

³ Прилож. № 11.

⁴ Ляля — небольшая речка, впадающая в Сосву, приток реки Тавды. Река Вишера известна нам из предыдущего.

прежний городок или острог, или начать строить город в Табарах. Это обстоятельство, а также упоминание перед тем о непокорном Пельмском князе служат доказательством в пользу того, что было сказано выше¹ о небольшом городке на реке Тавде.

§ 29. Повидимому, в Москве предполагали, что новый город будет построен не на старом городище при устье реки Пельмы, а в Табарах, может быть, потому, что это место представляло больше безопасности от vogулов, и было известно, что там уже заведена пашня.² В наказе несколько раз упоминается о будущем новом городе «в Табарах». Воевода князь Горчаков, повидимому, был первоначально того же мнения, как можно заключить из сохранившейся в Пельме поручной записи некоторых людей, которые при проезде через Чердынь были набраны Горчаковым для службы в стрельцах в будущем новом городе в Табарах. Эта поручная запись писана в Чердыни 21 февраля 7101 (1593) г.³ Несмотря на все это, город там построен не был. Явившись весной того же года на реку Тавду для построения нового города, воеводы выбрали место на северном берегу реки Тавды, ниже устья реки Пельмы, где стоял прежний острог. Об окончании строения города свидетельствует другая поручная запись, которая писана 24 июня 1594 г. в новом городе Пельме.⁴

* § 30. В том же наказе приводятся еще некоторые другие обстоятельства, касающиеся строения города Пельмы. Определив место, воеводы вместе со своими людьми должны были заложить крепость и прежде всего построить острог. Табарицкие и кошугские татары должны были рубить и подвозить лес. Пока это происходило, надо было принять все меры, чтобы заманить к себе непокорного пельмского князя Аблегирима с его сыновьями, внуками и родственниками и наказать их должным образом. Сам князь и его старший сын Тагай, вместе с пятью или шестью видными vogулами, принимавшими наибольшее участие в движении против русских, должны были поплатиться жизнью, младшего же сына Аблегирима Таутая с женой и детьми приказано было отправить в Тобольск к князю Лобанову-Ростовскому. Если бы к этому встретились затруднения и князя Аблегирима с его близкими нельзя было уговорить приехать к воеводам, то последние должны были остаться в устье реки Пельмы, где стоял прежний острог. Князь Горчаков должен был с вооруженной силой отправиться против непокорных и, захватив их, поступить вышеуказанным образом. Об исходе этого дела в пельмском архиве сохранилось только следующее: Таутай и один из внуков Аблегирима по имени Учет в 7106 г. содержались в Москве под караулом, а в 7107 г. упоминается сын Тагая, по имени Александр, находившийся в Москве и, по всем данным, бывший тем самым Учетом, который, приняв христианство, при крещении получил имя Александра. Потомки его под именем князей

§ 23.

Гл. 3, § 39.

¹ Прилож. № 12.

² Прилож. № 15.

Пелымских жили спачала в Пелыме, потом служили в Верхотурье, а впоследствии были ~~ожалованы~~ в тобольские дворяне.

§ 31. Для защиты нового города было приказано взять 50 человек конных казаков и 100 человек пеших стрельцов, которые вместо обычного хлебного жалования должны были служить с пашни, чтобы в дальнейшем не нужно было привозить для них хлебных запасов из России. Вместе с этим упоминается о переселении туда же крестьян из Москвы, Каргополя, Перми и Вятки, которые должны были около Пелыма пахать государеву пашню. Далее, нужно было набрать в Табарах и Кошуках молодых людей и поселить их с семьями около города для той же государевой пашни. Остальные же, вместо ясака, состоявшего из соболей, который они платили в Тобольск, должны были доставлять хлеб. Но так как многие из этих распоряжений, содержащихся в наказе, не подходили к местным условиям, то в дальнейшем кое-что пришлось изменить, а другое совершенно отменить.

§ 32. Прежде всего окрестности города Пелыма и весь Пелымский уезд очень лесисты и болотисты и имеют немного мест, пригодных для пашни. Летом можно еще с трудом проехать на лошадях несколько верст от города, а зимой, из-за глубокого снега в лесах и непроезжих дорог, чаще ходили пешком на лыжах, и на лошадях было невозможно ездить. По этой причине с самого начала конные казаки оказались здесь ~~ненужными~~, и пришлось сохранить только пеших стрельцов, число которых потом было сильно уменьшено. Что касается заведения пашни, то стрельцов, которых позже приравняли к казакам, снабдили пахотной землей по их потребности. Они селились при реках и речках везде, где только встречался небольшой кусок земли, пригодной для обработки. Для крестьян же переведенцев, которых указано было устроить около города, не нашлось совсем подходящих мест. Наказ предписывал, чтобы пахать на государя до 300 четвертей, но годной пахотной земли около города нашлось только 7 четвертей. Поэтому и перевод людей из Табар и Кошуков не состоялся. Было только определено, чтобы некоторые из татар, по примеру русских крестьян, получив на посев из казны, пахали в своих деревнях землю на государя, что и приведено было в исполнение спустя некоторое время. *

* Далее в *чeдании 1750 г. следовало*

§ 35. Сим кончится пелымской наказ, и хотя ко оному присовокуплены еще разные прибавления, однако же находится достопамятного в них так мало, что я запотребно не разсуждаю ни краткого содержания, ни списков с них здесь сообщить. Одно обстоятельство, которое несколько служит к пользе истории, есть сие, что повелено князю Горчакову в новом городе построить церковь во имя Рождества Христова с пределом Николая чудотворца, которое строение по силе сего в действо и произведено. А в последующие времена построена еще другая церковь архиепископа Михаила с пределом Илии пророка.

§ 36. Не без пользы бы было, когда бы и о всех прочих обстоятельствах, а именно, что князь Горчаков по силе наказа в Пелыме построил и что иное учредил, известия были, однако же по царской грамоте, посланной к пелымскому воеводе Богдану Иванову сыну Полеву в 7104 году, известует только то, что первой острог, которой при заложении города около онаго обведен, весьма был худ, а внутренней малой город ни в бытность князя Горчакова, ниже при воеводе Василье

§ 33. Как только был построен город Пелым, из vogульских волостей, плативших прежде ясак в Тобольск, были приписаны к Пелымскому уезду все те волости, которые находились по рекам Тавде, Пелыму, Сосве и Лозье, до границ Лозынского уезда. Тогда же были переданы из Тобольска в Пелым табаринские татары, которые уже в 7102 (1594) г. начали обрабатывать государеву пашню. Кошуки же, которые тоже должны были быть присоединены к уезду нового города, остались в ведении Тобольска. Причиной этого явилось, может быть, то, что они жили одинаково далеко как от Пелыма, так и от Тобольска. Но Тобольск должен был в 7103 г. уступить Пелыму две другие, гораздо более значительные, vogульские волости Большую и Малую Конду, находившиеся в верхней части реки Конды, впадающей в Иртыш.¹ Первая из них начала платить ясак в Тобольск в 1589 г., а вторая в 1592 г. Это присоединение было сделано вполне правильно, так как верховья реки Конды подходили близко к верховьям реки Пелыма.

* § 34. После Пелыма последовало строение двух других городов: Березова и Сургута. Начало этому было положено, как можно доказать, в том же 7101 г., который я считаю годом построения города Пелыма. Для строения города Березова, как было отмечено уже ранее,² был послан воевода Никифор Васильев сын Траханиотов, о котором в пелымском на-казе говорится, что быть ему со всеми другими воеводами в Пелыме не больше 8—10 дней, в течение которых надлежало построить здесь острог и положить основание укреплению города. В случае, если князь Горчаков был бы принужден идти на поиски непокорного князя Аблегирима, воеводы должны были ждать его возвращения в Пелыме, на что было назначено также от 8 до 10 дней. Следовательно, воевода Траханиотов легко мог в то же лето 7101 (1593) г. прибыть в Березов и, так как там уже был русский острог,³ положить начало новому городу в следующую осень. О том же можно заключить из царской грамоты, находящейся в березовском архиве, которая писана 17 августа 7102 г.⁴ и направлена указанному воеводе и его товарищу Афанасию Иванову сыну Благому, причем Березов назван в ней новым городом. Кроме того, мне был передан в Березове список всех воевод города с самого его основания, который был получен одним из тамошних жителей от своих предков; в этом списке воевода Траханиотов упоминается под 7101 г.

Толстом еще зачат не был. Ибо там упоминается, что воевода Полев в Москву писал, коим образом он город новым острогом обгородил, которой в окружности содержит 240 сажен, при том же под внутренней малой город хотя фундамент и заложен, однако же к строению оваго нет плотников, а тамошних жителей к сей работе довольно не будет, и они послали от себя челобитную, чтоб их от оной уволить; чего ради повелено строение внутреннего малого города отложить впредь до указу (см. приложение № 22).

¹ Прилож. № № 22 и 24.

² § 25.

³ Гл. 3, § 90.

⁴ Прилож. № 16.

§ 35. Город Березов расположен на левом берегу реки Сосвы, впадающей с западной стороны в реку Обь, в 20 верстах от ее устья. Он лежит не на острове реки Оби, как это ошибочно утверждают некоторые землеописатели, также и не стоял он прежде при реке Оби, потому что около этой реки мало мест, удобных для города. Сосва в своей нижней части течет почти параллельно с Обью. Между обеими реками расположены повсюду низкие места, заливаемые ежегодно при половодье; только северный берег Сосвы, благодаря высоте его, не подвергается наводнениям. Это обстоятельство было причиной того, что именно этот берег был избран для построения там первого острога и позднее города. Указанные низкие места всюду прорезаны протоками, образовавшимися от частых наводнений; самый значительный называется Пырсым и служит обычным водным путем из Оби до Березова. До города плавали этим протоком, впадающим в Сосву, и далее 18 верст вниз по Сосве, что гораздо удобнее и ближе, чем ехать по Оби вниз до устья Сосвы и по последней подниматься вверх до города.

§ 36. Другая выгода положения того места, где построен Березов, заключалась в том, что оно являлось почти центром всех vogульских и осяцких волостей, которые до того возили ясак на реку Вымь.¹ Река Сосва до самых своих истоков густо заселена vogулами. На реке Казыме, впадающей в Обь с восточной стороны против Березова, живет очень много осяков. Коренными же жителями на Оби вверх и вниз по течению являются частью vogулы, но большей частью осяки. То, что я здесь сказал о vogулах, основано на главном признаке, по которому различаются отдельные народы между собой, а именно на их языке, потому что в Березове ничего не знают о vogулах, живущих по реке Сосве, их всех называют там осяками, несмотря на то, что в языке обоих народов имеется значительная разница.

§ 37. Эти vogулы и осяки, зависевшие прежде от Выми, были первыми, которые были приписаны к новому Березовскому уезду. Главной целью создания нового уезда был сбор ясака с окрестных народов из более близкого места и притом наиболее постоянным и выгодным образом, и положение в ясак самоедов, живших значительно дальше. К упомянутым волостям были присоединены на некоторое время Кодские и Белогорская волости, которые затем опять отошли к Тобольскому уезду.

§ 38. Князя кодских осяков Алача² тогда уже не было в живых. После него остался сын его Игичей, живший со своей матерью в том месте, где потом был построен Кодский монастырь. Другой князь из этой семьи Онжа Юрьев назывался братом Игичел и был на самом деле его двоюродным братом. Место, где они жили, называлось Кода. На основании особого царского пожалования, подобного которому в Сибири больше никто не имел, Игичею и Онже было разрешено собирать ясак с двух осяцких волостей на себя и судить живших там людей по своему усмотрению, не платя в

¹ Гл. 3, § 82 и сл.

² Гл. 3, § 72.

казну никаких даней и пошлин. Об этом у потомков Игичея сохранилась царская жалованная грамота от 18 февраля 1594 г.,¹ в которой пожалованные волости называются: Васпалукук и Колшукулук. Это, конечно, испорченные названия, и хотя сразу можно догадаться, что они должны были называться на осяцком языке Ассугль и Кульпугль, но этого объяснения недостаточно, так как существующие до сих пор под этим названием осяцкие юрты расположены слишком далеко от места жительства кодских князей,² чтобы здесь о них могла итти речь.

§ 39. Первое замечательное дело, которое было предпринято в Березове, был поход зимою 1594 г. против vogulov, живших на реке Конде в волости Большой Конде. Согласно березовским архивным делам, поводом к нему послужило восстание кондинских vogulov. Я уже говорил, что Большая Конда с 1589 г.³ платила ясак в Тобольск, а в 1595 г. была приписана к Пелымскому уезду. Но если эти vogулы восстали в 1594 г., то неясно, почему же поход против них был предпринят из Березова, а не из Тобольска. По тому большому участию, которое принимали в этом деле кодские князья, можно думать, что поводом к походу послужила их собственная скора с кондинскими vogулами. Различные осяцкие и vogульские роды прежде часто воевали между собой. Сильнейшие старались покорить более слабых. Они грабили имущество, увозили жен и детей. Кодские князья уже раньше нападали на кондинских vogулов, за что последние в отмщение напали на Березовский уезд, и это рассматривалось в Березове, как восстание с их стороны. Подобные походы считались чрезвычайно выгодными, так как вся добыча делилась между победителями, а потому старались не упустить случая принять в них участие.

* § 40. Как видно из некоторых грамот березовского архива,⁴ главные обстоятельства этого похода состояли в следующем. Письменный голова Иван Змеев был во главе русских, которых поддерживал князь Игичей Алачев со своими осяками. Vogулы, которые не ожидали этого нападения, потерпели страшное поражение. Князь Агай, его сын Азышка и брат его Нозякма были взяты в плен и отправлены в Москву. Князь Игичей хотел взять себе дочь Агая, но ее отнял у него воевода Траханиотов и отдал ее другим осякам, но в конце концов она опять досталась Игичею. После Агая во главе кондинских vogулов стал Курманак Танаев. Он был членом в 1600 г. в Москве о причиненной ему князем Игичеем обиде и указывал, что его родственники, а также родственники многих других кондинских vogулов живут у Игичея в холопах, и с того времени люди Игичея еще не раз нападали на кондинских vogулов, убивали их, грабили их добро, а жен

¹ Прилож. № 14.

² Ассугль, по-русски Ассупольские юрты, находится на левом берегу реки Оби в 130 верстах от Березова, вниз по течению. Куль-пугль, по-русски Колыпуховские юрты, лежит на правом берегу реки Иртыша между Демьянским и Самаровским ямом.

³ § 33.

⁴ Прилож. №№ 16, 21, 34 и 53.

и детей уводили в полон. Тогда последовал указ произвести следствие по этому делу и на будущее время принимать все меры к тому, чтобы предупреждать подобные враждебные действия. Такой же указ в 1604 г. южноуральские князья выхлопотали также для себя.

§ 41. Если кондинских vogulов можно обвинять в восстании, то в 1595 г. город Березов действительно подвергся опасности со стороны восставших березовских остыков. Главою их был князец Шатров Лугуев, отец которого в 1586 г. получил для себя и своих сородичей первую царскую жалованную грамоту.¹ Но он не добился никакого успеха, несмотря на то, что усиленно осаждал город.²

* § 42. В то же самое время был совершен поход из Березова в низовья реки Оби против остыцкого городка Вой-карра, откуда привели в город несколько пленных. Это место расположено на левом берегу реки Оби, в 18 верстах ниже Асс-пугля,³ и до сих пор еще населено остыками. Туда приходят иногда самоеды со своими чумами, чтобы прожить некоторое время в этой местности. Остыки были уже вполне покорены, а самоеды только недавно обложены ясаком. Сборным местом, куда самоеды должны были ежегодно зимой приносить свой ясак для сдачи казакам, присылаемым из Березова, был назначен Обдорский городок.*

* § 43. О построении города Сургута ничего не говорится в сохранившихся делах, но из летописи известно, что он был построен одновременно с Пелымом и Березовым. В упоминаемом далее наказе 7102 (1593) г. о построении города Тары воеводою в Сургуте назван Владимир Оничков, а сам город Сургут называется новым городом вверху реки Оби. Отсюда как будто следует, что Оничков является его строителем, что подтверждается еще тем, что в летописях основание города отнесено к 7101 (1593) г. **

¹ Гл. 3, § 82.

² Прилож. № 44.

³ § 38.

* Далее в изд. 1750 г. следовало:

§ 49. О строении города Березова, как оное воеводою Траханиотовым в действо производилось, по следующей царской грамоте 7109 году заключить можно, что хотя там и построен был небольшой деревянной город и вокруг посада острог, однако же, как чаятельно, с сим строением весьма скоро спешили, то и строение было непрочно, ибо в 7108 году по приобщенной при сем грамоте уже две городские стены были весьма ветхи, а острог так згнил, что запотребию разсуждено построить новой (см. прилож. № 36).

** В тексте 1748 г., опущенном в изд. 1750 г., далее следовало:

§ 51. Общим слухом подтверждается, что Сургут вместо бывшего русского городка, что стоял против устья реки Иртыша [гл. 3, § 76, 92] был построен. Ежели бы сие так было, то бы заключить надлежало, что реченный городок по то самое время русскими людьми обитаем был, а тогда будто бы пуст оставлен и гарнизон в Сургут переведен. Но я не мог себе представить, чтоб оной первой городок так долго стоял. Воевода Мансуров, которым оной построен только для зимовья, более одной зимы в нем не жил, а что он опять был населен из Тобольска, сие неверно, потому что место весьма неспособно и в том нужды не было, для того что сие места от города Тобольска довольно управлямы быть могли.

§ 52. Напротив того строение города Сургута было другого состояния и при том были дальнovidные намерения. Тобольским казакам трудно было вверх ити по реке Оби для покорения про-

§ 44. На том месте, которое нашли подходящим для построения города Сургута, жил тогда остыцкий князец Бардак, по имени которого названа речка Бардаковка, впадающая в Обь немного выше города. По ту сторону этой речки, у впадения ее в руску Обь, имеется возвышение, на котором у князя Бардака стоял небольшой городок, в котором он чувствовал себя настолько в безопасности, что сдался только тогда, когда выставленная русскими против него пушка сломила его упорство. Что касается названия Сургута, то о нем у меня нет никаких данных, кроме того, что небольшой проток реки Оби, начинавшийся в 6 верстах от города и соединявшийся с Обью против города, носил русское название Сургутки и остыцкое — Сургунтль-Мугот.

§ 45. В дальнейшем заботы были направлены на защиту верхнего течения реки Иртыша, на лучшее управление татарами, жившими в отдаленных местах, до тех пор подчинявшихся Тобольску, и на покорение барабинских татар, которые не были еще подчинены русским. Было потрачено также много усилий, чтобы прогнать хана Кучума, который все еще находился недалеко и своими частыми набегами продолжал беспокоить новых русских подданных, а потому необходимо было устраниТЬ окончательно опасность, которую Кучум представлял для них. Все это было достигнуто в 7102(1594) г. построением города Тары. Этим самым устраивается вышеприведенное ни на чем не основанное известие¹ о более древнем происхождении этого города.

* § 46. В тарском архиве до сих пор хранится наказ,² который был дан воеводе, отправленному из Москвы для построения этого города. Несмотря на то, что наказ частью сгнил и изодран, частью изъеден червями, а потому во многих местах не поддается прочтению, и в нем, как и в Пельмском наказе, отсутствует начало, где по тогдашнему обыкновению был указан год, он все же содержит много ценных данных, разъясняющих историю тогдашних времен и, в частности, историю строения города Тары. Если из-за отсутствия года может возникнуть некоторое сомнение в том, что отправка воеводы действительно произошла в указанном году, то оно должно исчезнуть, так как в приложенной к наказу росписи артиллерии, амуниции, хлебных запасов, денег и других припасов, посланных с воеводой, определено указан 7102-й год, на который служилые люди, отправленные вместе с ним из Москвы, получили жалование. Кроме того,

1 чих остыцких народов и для збору с них ясаку. Но понеже уже чрез положенных в ясак остыков, и чрез русских промышленных людей, которые за соболиным промыслом всегда в самые дальние и еще не приведенные под Российскую державу страны ходить отваживались, весьма приятные и полезные ведомости о находящихся отдаленных народах получены были; следовательно, надлежало гденибудь по реке Оби на краю тогдашнего Тобольского уезда заложить новый городок и снабдить особливыми воеводами и собственным гарнизоном, дабы в состоянии быть не только крайние ясачные народы утвердить в подданстве, но и для дальних предприятий установить потребные учреждения.

2 § 22.

2 Прилож. № 13.

в наказе упоминаются уже города Березов и Сургут, и таким образом город Тара возник, несомненно, позже последних. Я хочу поделиться тем, что можно было прочесть в наказе и приложенной к нему росписи.

§ 47. Воеводой, отправленным для построения города Тары, был князь Андрей Васильевич Елецкий, у него в товарищах были два письменных головы: Борис Доможиров и Григорий Елизаров. С ними было послано из Москвы 145 человек стрельцов под командой двух сотников Самуила Лодыженского и Замятни Шокурова. Кроме того, было сделано распоряжение, чтобы в дороге к ним присоединились еще следующие отряды: из Казани и Уфы Мамлей Мальцов с сотнею казанских и свияжских татар, тремя стами человек башкир и четверо детей боярских, из которых каждый стоял во главе отряда в 100 человек татар и башкир; кроме них в той же Казани сотник с полусотнею пленных поляков и в Тетюшах сотник Никита Калякин с полусотнею польских казаков, т. е. пленных поляков, поступивших на казачью службу. Всего же из Казани и других тамошних городов было назначено 554 человека под главной командой Мамлея Мальцева, которому было указано отправиться с этими силами из Казани через Уфу по прямой дороге через степь и в Тобольске соединиться с князем Елецким.

§ 48. Далее, князь Елецкий должен был взять с собой в Тюмени 40 человек конных литвы, черкасов и казаков, 50 человек татар тюменских, верхотурских, андреевских, белаковцев и зырянцов, от которых содержались в Тобольске и Тюмени аманаты и на верность которых можно было поэтому положиться, 30 человек табаринских татар и 20 человек кошуков. Здесь необходимо дать объяснение некоторым названиям, которые уже вышли теперь из употребления. Под верхотурскими татарами, очевидно, подразумевались те, которые жили от города Тюмени вверх по реке Туре. В те времена, до построения городов Туринска и Верхотурья, вся река Тура, поскольку она была населена татарами, принадлежала к Тюменскому уезду. Андреевские татары получили свое название от озера Андреевского, находящегося в 30 верстах от Тюмени по дороге к Ялуторовскому острогу, где находились их юрты. Белаковские и зырянские татары, которые в прошлоречии назывались белаковцами и зырянцами, жили около речки Белаковки, впадающей в Пышму, при Пышме и при Исети. Происхождение названия белаковцев само собой понятно. Я не знаю, однако, откуда получили свое название зырянцы; известно, что в прежнее время под этим названием подразумевались некоторые татары в Тюменском уезде, которые позднее, не признавая больше русскую власть, ушли затем в отдаленные места.

6,

§ 49. Наконец, воеводе было указано взять в Тобольске из тамошних пленных литвы, черкасов и казаков 100 человек под командою головы Свойтина Рупосова, тобольских служилых татар 100 человек под командою атамана Черкаса Александрова и двух татарских голов Баязета и Байбахты, 300 человек тобольских ясачных татар тех волостей, которые были распо-

Рис. 11. Поход Ермака вниз по Туле.
(Ремезовская летопись, ст. 35.)

должены от города Тобольска вверх по Иртышу, под командою названных выше татарских голов, и 150 человек из тех же ясачных татар для работы на судах, потому что путь до Тобольска нужно было совершить по воде. Эти последние, в виду их работы, служили пешими, но были снабжены огнестрельным оружием, что относится также и к московским стрельцам. О всех остальных говорится определенно, что они должны были отправиться конными. Кроме того, князю Елецкому приказано взять в Тобольске 20 человек пермских плотников, которые могли понадобиться при городовом строении на Таре.

§ 50. Нельзя не удивляться тому, как решились взять такое большое количество татар для отправки в опасные татарские места, где постоянно можно было ожидать враждебного нападения изгнанного хана Кучума. Но это не явилось препятствием к удачному окончанию дела. Между прочим, надо отметить, что уже тогда на службу были приняты некоторые тобольские татары; это надо рассматривать как следствие предложения, сделанного в свое время Ермаком.¹ В Тюмени сделали то же самое, и этому примеру последовали в дальнейшем в Таре и других городах, где жили татары и где их также принимали на службу.

§ 51. Что касается артиллерии, амуниции, хлебных запасов, денег и других вещей, которые получил с собой воевода для успешного выполнения порученного ему дела, то сведения об этом я для краткости опускаю, тем более что это не имеет особенного значения для истории. Нет надобности также упоминать о пути в Сибирь, которым шли эти люди, потому что, кроме единственного пути через Чердынь, Лозвинский городок и Пелым, никакого другого пути тогда еще не было. На Лозве было складочное место для припасов, которые привозились туда зимой из русских городов Устюга и Сольвычегодска, Вятки и других и которые по окончании ледохода отправлялись на судах в сибирские города. В Тарском наказе приводятся, кроме того, имена тогдашних воевод в сибирских городах: в Лозвинском городке — Иван Нагой, в Пелыме — Василий Толстой, в Тюмени — князь Петр Барятинский, в Березове — Афанасий Благой, в Сургуте — Владимир Оничков и в Тобольске — князь Федор Лобанов-Ростовский.

§ 52. Место для нового города было намечено при реке Таре, впадающей с восточной стороны в Иртыш, но с оговоркой, что, если на этой реке не окажется всех необходимых условий, князь Елецкий должен выбрать другое место в той же местности, выше или ниже устья реки, где это было бы удобнее всего. В наказе отмечено, что город должен быть построен там, где жили яльянские татары, которые до сих пор живут на реке Таре и всегда являлись самыми многочисленными из живущих на Иртыше татар. Но низкая местность по реке Таре, а может быть то обстоятельство, что еще до прихода туда нашли более удобное место, заставило воеводу предпочесть речку Агарку, впадающую с западной стороны

¹ Гл. 2, § 84.

в Иртыш. Устье ее, правда, также лежит в низком месте, но на расстоянии одной версты от берега реки Иртыша местность подымается на значительную высоту. Там-то и был построен город, получивший название Тары, как это было определено в наказе.

§ 53. Если судить по месту, назначенному в наказе для нового города, то надо думать, что было намерение поселить в нем большее число людей, чем прежде. Причиной этого, с одной стороны, была граница со степью, а, с другой стороны, этому благоприятствовали прекрасные условия тех мест. Внутренний город указано было строить на пространстве в 250—300 кв. саж., во-круг него должен был итти острог длиною от 300 до 500 саж. Но это предписание точно не было выполнено. Оба укрепления в том виде, как они были тогда построены, стояли до 1669 г. В другом известии, извлеченном мною из тарского архива, говорится, что внутренний город занимал тогда не больше 42 кв. саж., а острог только 200 саж. в длину и 150 саж. в ширину. Внутри острога должны были находиться жилые дворы. Но так как места в остроге было мало, то позже очень многие должны были строиться вне острога, другие же предпочитали селиться по деревням, так как там они находили большие удобных мест для пашни.

❖ § 54. Так как одна из главных задач, поставленных при строении города Тары, была связана с ханом Кучумом, а именно, чтобы его окончательно покорить или изгнать, то в наказе и по этому поводу содержатся некоторые данные. Так, воеводе предписывалось, прежде чем прибегать вновь к оружию, попробовать воздействовать на хана лаской и дружескими уговорами заставить покориться русским. Независимо от того, сдастся ли он добровольно или будет принужден к этому силой, от него должны были потребовать, чтобы он отдал в качестве аманатов одного из своих сыновей с двумя или тремя знатными татарами, взамен которых, по прибытии их в Москву, будут возвращены назад его сын царевич Аблегаир вместе с другими знатными татарами, прибывшими из Сибири в Москву. Этот Аблегаир, по всей вероятности, тот самый царевич, который в 7099 (1591) г. был взят в плен вместе с двумя женами хана.¹

* § 55. Неизвестно, представился ли после основания города Тары случай вести переговоры с ханом Кучумом, но из последующего видно, что русские были вынуждены напасть на хана и его преследовать. Наказ часто упоминает ногайцев и некоего ногайского мурзу Алея, которые были заодно с ханом, а потому приказано было приложить все усилия, чтобы их уничтожить. Конечно, нельзя было ожидать ничего хорошего в будущем, если оставить в покое такого опасного врага и дать ему возможность окрепнуть.

§ 56. Прочие наиболее важные обстоятельства, о которых идет речь в наказе, сводятся к следующему: во-первых, приказано завести под городом пашню. Несмотря на то, что места там очень плодородные, вблизи города

¹ § 21.

«сетаки не нашли особенно удобной земли, и первые крестьяне, перенесенные туда, через несколько лет, как это будет сказано в дальнейшем, были сведены на другие места. Встречающееся далее в наказе выражение «соль устроить» не может иметь другого объяснения как то, что сибирские служилые люди должны были снабжаться местной солью. Очевидно, рассчитывали получать ее из расположенных в степях соленых озер, в которых от солнечной жары осаждается соль, употребляемая в пищу без дальнейшей обработки. Может быть, уже тогда, на основании рассказов татар, имелись сведения об Ямышевском соленом озере.

§ 57. Далее было приказано, чтобы верхние татарские волости, платившие до сих пор ясак в Тобольск, с этого времени отдавали его в город Тару. По этой причине к наказу приложена роспись тарских волостей, которые перечислены в таком порядке: волость Курдак, в ней князь Канкул с 350 ясачных людей, на расстоянии четырех дней пути от Тобольска по Иртышу; волость Саргач, на расстоянии четырех дней пути, выше первой, в ней князь Ялбыш с 80 людьми; волость Отус на расстоянии двух дней пути от предыдущей, состоит из 15 человек; волость Таву, на расстоянии двух дней пути от предыдущей, в ней лучший татарин назывался Ангильдей, с 10 человеками; волость Урус состояла из 6 человек, волость Токус из 3 человек, из которых самого лучшего звали Байшеп; волость Супра без указания числа ясачных; волость Аялы из 500 человек, во главе ее были два есаула: Мамык и Янгильдей, до этой волости от Тобольска вверх по Иртышу насчитывалось 15 дней пути.

§ 58. Из этой росписи выясняются первоначальные границы Тарского уезда. Как и в настояще время, он начинался волостью Курдаком или, по татарскому произношению, Каурдаком. Большинство названий волостей употребляется и до сих пор. Я не знаю, объясняется ли дело ошибкой, когда волость Отус поставлена раньше волости Таву или же эти волости действительно были расположены тогда в указанном порядке; как известно, теперь волость Таву находится по Иртышу ниже волости Отус. Урус и Токус единственные названия, которые с тех пор исчезли. Супра сохранилась, как название деревни, но не составляет отдельной волости. Что касается волости Аялы, название которой является родовым именем аялыских татар, то, припомяя во внимание, что от Тобольска до Тары по прямому пути насчитывается только 435 верст, расстояние до нее от Тобольска — 15 дней пути — кажется очень большим, но для водного пути его нельзя признать слишком продолжительным, так как между Тарой и Тобольском Иртыш имеет чрезвычайно извилистое течение. Впрочем, в некоторых названных здесь волостях замечается значительная разница количества населения с тем, которое в них в настоящее время, причем в некоторых отмечается прирост, а в других убыль, причиной чего явились, конечно, дальнейшие события, влиявшие на увеличение или уменьшение населения.

§ 59. Наконец, в наказе упоминаются названия некоторых татарских селений, волостей и городков, о которых говорится, что таковые до сих пор

платили дань ногайскому мурзе Алею, а в последующее время должны принадлежать к уезду пового города. Таковы Мерзлый городок, Тураш, Кирпичи и Малогородцы, из которых в настоящее время ни одно больше не употребляется. Название Мерзлый городок, должно быть, является переводом с татарского; оно не встречается в других архивных делах, и местоположение этого городка определить невозможно. Остальные три названия упоминаются во время походов, предпринимавшихся из Тары. Тураш и Кирпичи были татарскими волостями или родами Барабинской степи; Малогородцы же, которые, должно быть, получили свое название от какого-то неизвестного маленького городка, населенного ими, жили по Иртышу и подчинялись хану.

* § 60. Самое примечательное в наказе говорится о народе, носявшем название Пегой орды (будто бы был он пегим), который с самого открытия Сибири постоянно упоминается, но, в действительности, никогда не было обнаружено, где же он живет. В наказе говорится, что из Тары по сушем степью можно добраться до этого народа и обложить его ясаком. Следовательно, его местожительство считали по ту сторону Барабинской степи на реке Оби. Здесь мы находим начало басни, продолжение которой встретится в дальнейшей истории Сибири, где будет сказано, что остыки, жившие около Нарыма, прежде носили название Пегой орды.

§ 61. Таким образом, на основании наказа можно сказать, что строение города Тары произошло в 1594 г. и что верхние татарские волости на реке Иртыше отошли к уезду этого города. За этим должен был следовать рассказ о том, как воевода князь Андрей Елецкий делал попытки преследовать хана Кучума и его людей и расширял пределы Тарского уезда, занявшиесь покорением барабинских татар. Но так как в это время последовало еще одно отправление из Москвы в Тару, необходимо раньше упомянуть о нем.

§ 62. На следующий 1595 год из Москвы в Тару был послан новый воевода князь Федор Борисович Елецкий и с ним письменный голова Василий Михайлов сын Хлопов, наказ которым также сохранился в Тарском архиве.¹ По наказу им было предписано, как и раньше, держать свой путь через Лозгинский городок, до которого необходимо было доехать по зимней дороге, а оттуда продолжать путь далее по воде. Из Лозгинского городка было приказано взять стрельцов для работы на судах, а в Пелыме заменить их тамошними стрельцами. Тобольский воевода, упоминаемый в этом наказе, — князь Меркурий Александрович; летописи указывают, что он был из рода князей Щербатовых и что князь Михаила Волконский, который назван в Пелымском наказе,² вместе с письменным головой Михаилом Пиговым был у него в товарищах.

63. Для краткости я не упоминаю здесь обычные пункты, встречающиеся в наказах: о порядке смены прежнего воеводы, об управлении

¹ Првлож. № 17.

² § 26.

городом, о сборе ясака с татарских волостей и т. п. Тогдашнее богатство края видно из того, что было приказано с тамошних жителей брать ясак только самыми лучшими соболями и черными лисицами или же лучшими бобрами, а также собольими и беличьими шубами, которые тогда нередко встречались у сибирских народов. Сверх ясака, лучшие люди должны были приносить для царя и воевод еще особые подарки такими же мехами, о которых в наказе говорится, что их надо присоединять к ясаку и присыпать вместе с ним в Москву. Таково происхождение поминков, которые делятся на государевые и воеводские, и еще до сегодняшнего дня во многих сибирских городах вносятся сверх ясака.

§ 64. Новому воеводе были опять предписаны военные действия против хана Кучума и ногайского мурзы Алея. Если прежний воевода князь Андрей Елецкий в ту зиму не имел возможности предпринять что-нибудь против неприятеля, то тем более усилий нужно было приложить новому воеводе и для воинских посылок использовать обоих письменных голов — Бориса Доможирова и Василия Хлопова. Если же новый воевода найдет, что ему не хватает необходимого числа служилых людей, то он должен требовать помощи из Тобольска и Тюмени, воеводам которых уже посланы об этом соответствующие указы. Так как прежний тобольский воевода князь Лобанов-Ростовский требовал, чтобы ему послали в Сибирь пять скорострельных пушек, для похода против хана Кучума, то такие были ему отправлены вместе с необходимыми припасами, и воеводе князю Федору Елецкому приказано было их принять в Лозвинском городке и взять с собой.

§ 65. Очевидно, уже тогда началась бухарская торговля с Сибирью; в наказе определено поэтому, как поступать с этими чужеземцами. Если бухарские или ногайские купцы, говорится в нем, приедут в город Тару с различными товарами, с лошадьми, быками или овцами, то тамошние жители должны были вступать с ними в свободную торговлю, обращаться с ними приветливо и тем их к себе привлекать; после продажи бухарцами товаров беспрепятственно отпускать их назад; если же некоторые из них пожелают, чтобы их с товарами и скотом пропустили в Тобольск или Тюмень, то не препятствовать и этому.

§ 66. Так как было известно, что у бухарцев и других восточных народов был обычай отправлять со своими торговыми караванами в чужие страны послов, которым приказывалось осведомляться от имени своих владельцев о здоровье государя этой земли, просить об его покровительстве или дружбе, предлагать взаимную торговлю и выполнять другие мелкие поручения, то воеводе приказано было принимать в Таре таких послов ласково, выслушивать их предложения и о них писать в Москву, а их самих отпускать из Тары обратно в их землю. Именно таким образом отправлялись в Сибири посольские дела в течение многих лет. В пограничных городах или в Тобольске послы получали обыкновенно ответы и только темногим из них разрешалось отправляться в Москву. Отправка русских

послог к соседним пародам также зависела от воевод пограничных сибирских городов.

§ 67. Хотя о благополучном ходе тарских дел в Москве не было еще тогда никаких данных, но вскоре и там стало известно, что все шло в соответствии с желаниями Москвы, и уже было начато упорное преследование хана Кучума и всех его сторонников, как это видно из государевой грамоты воеводе князю Федору Елецкому от 26 июня 7103 (1595) г.,³ в которой повторяются известия, присланные прежним воеводой князем Андреем Елецким.

* § 68. После того, как воевода князь Андрей Елецкий окончил строение города Тары, его первые заботы были направлены к тому, чтобы получить достоверные известия о настоящем местопребывании хана. Лучшим средствомказалось ему захватить в плен кого-нибудь из татар, знавших об этом. Поэтому с наступлением зимы 7103 г. он отправил вверх по Иртышу отряд в 90 человек тобольских, тюменских и пелымских казаков и тобольских татар, во главе с некоим Гришой Ясырем. 8 декабря 1594 года они возвратились и привели с собой 28 человек аялынских татар, которых они взяли в плен, убив остальных в Малогородской волости у большого озера Вузюкова, где эти татары занимались рыбной ловлей. Я думаю, что указанное озеро, название которого уже исчезло из памяти тамошних жителей, есть теперешнее Большое озеро, из которого, выше Татмыцкой слободы, вытекает Большая речка, впадающая с западной стороны в реку Иртыш; в начале упомянутой грамоты озеро называется «Великим озером».

§ 69. От этих татар получены были известия, что Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялыским татарам, чтобы в виду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе засиживали еще 50 человек малогородцев. Самыми видными из этих аялынских татар были два есаула Мамык и Сейткул и два князда Зуюндук и Илгулуй. Из этого городка они ходили на озеро Вузюково, чтобы ловить там рыбу для хана. Между ханским становищем и городком на острове Черном ежедневно ездили туда и обратно люди. Указанное ханское становище находилось на расстоянии пяти дней пешего пути от городка на острове, за рекою Омью. в двух днях пути от нее, между двумя небольшими речками, впадающими в Иртыш. Там-то и стоял хан со своим военным обозом.

§ 70. Что касается острова, упомянутого здесь под названием Черного, то надо сказать, что хотя я объехал все указанные места, однако, нигде не слышал этого названия и не мог узнать что-либо об остатках какого-либо городка на острове. Правда, на высоком восточном берегу Иртыша, в 40 верстах ниже Чернолукской слободы, имеется место, где прежде находился

³ Прилож. № 18.

татарский городок, остатки которого по-русски называются Черным городищем. По этому названию и по сходству положения места в отношении расстояния от реки Оми и от тогдашнего ханского становища, а также proximity к Большому озеру, следует думать, что здесь и был когда-то указанный татарский городок. Что же касается наименования этого места «островом», то оно возникло, вероятно, как прибавление к главному названию из-за неправильно понятых татарских рассказов, или же, может быть, слово «остров» надо понимать здесь в широком смысле, когда оно означает всякое вообще место, отделенное от остальных окольных мест буераками, долинами, болотами, лесами и т. п. В последующей истории Сибири это место называется просто Черным городком, причем ни о каком острове больше уже не упоминается.

§ 71. Чтобы использовать полученное от татар известие и не дать врагу времени для большего укрепления, по приказу воеводы был тотчас же отправлен в поход другой отряд, состоявший из 276 человек во главе с письменным головой Борисом Доможировым, которому посчастливилось при первом же нападении взять татарский Черный городок, но ему не удалось помешать бегству хана Кучума и большинства татар, находившихся в городке. В полон были взяты оба аялынских есаула Мамык и Сейткул, князец Илгулуй и Темсенек, сын князца Колкилдея, а также 60 человек рядовых аялынцев с их женами и детьми. Этим подтвердилось первое известие, что в городке было всего 200 семей и, кроме того, 20 человек ханских людей, которые сейчас же по появлении русских бежали вместе с 90 аялынцами и с 50 малогородцами с их семьями. Между тем, Доможиров, занявши сам разорением городка, послал преследовать беглецов 70 человек служилых людей, которые вскоре догнали 20 человек кучумовых людей, взяли в полон 6 из них и перебили всех остальных. Особенно примечательно то, что как в предыдущем походе Гриши Ясыря, так и в этом походе Доможирова русские не потеряли ни одного человека, и все благополучно возвратились в Тару.

§ 72. Когда в прежние времена происходили такие походы, то воевода обыкновенно присыпал в Москву именные списки людей, принимавших в них участие. В этих списках перечислялись заслуги каждого, полученные им раны, а также убитые. Такие списки назывались послужными списками. Этим побуждали рядовых служилых людей проявлять неустрашимую отвагу, а в Москве получали возможность награждать каждого в отдельности по его заслугам. Почти всегда после подобных походов все раненые и те, о которых сообщалось, что они особенно отличились в бою, убив одного или нескольких неприятелей, а также вдовы и дети убитых получали определенное денежное жалование. К этому относится конец приведенной грамоты, где говорится, что податель вышеописанных радостных известий был отправлен обратно в Тару с золотыми и денежными подарками письменному голове и всем служилым людям, которые, по данному послужному списку, принимали участие в походе.

§ 73. Другой поход в так называемую Барабинскую степь или верховье реки Оми, начатый первым тарским воеводою князем Андреем Елецким с наступлением весны того же 7103 г., вскоре после предыдущего, имел целью, силою или добровольно, подчинить русским тамошних татар, которые до того платили дань хану Кучуму и ногайскому мурзе Алею. Этот поход был также благополучно завершен. Выполнение его снова было поручено письменному голове Доможирову, при нем находился голова Своитин Рупосов из Тобольска, который был прислан в Тару князем Лобановым-Ростовским с 239 тобольских и тюменских детей боярских, стрельцов, казаков и служилых татар для участия в этом походе. Отряд Доможирова состоял из 483 человек, которые 17 марта выступили в поход на лыжах. Об этом также имеется в тарском архиве царская грамота,¹ из которой мы приведем некоторые данные.

* § 74. Татарские волости или улусы, которые надо было покорить, указаны в грамоте в следующем порядке: волость Чангута, волость Лугуй, волость Люба, волость Келема, волость Тураш, волость Барама и волость Кирпичи. Некоторые из этих названий употребляются до сих пор, некоторые уже исчезли. Часто имена отдельных людей присваивались целым улусам, причем с названиями их происходили в дальнейшем разные изменения. Волость Чангута, получившая свое наименование от тогдашнего главного мурзы, теперь называется Тунусской; она первая по реке Иртышу, и, следовательно, первая подверглась нападению. Там находился небольшой городок, в котором нашли себе убежище 40 татарских семей, которые уже раньше признали власть русских и шертовали в верности, но потом опять изменили. Этот городок назывался Тунус, откуда и произошло теперьнее название волости.

§ 75. Как только русские подошли к этому городку, татары сделали вылазку, причем 17 человек из них погибло, большинство же остальных разбежалось, а Чангут с рядовыми татарами был взят в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать возможности татарам находить здесь впредь убежище. После этого вся местность как этой, так и соседней волости Любы была отдана на разграбление. Это окончательно сломило сопротивление татар. Обе волости шертовали в верности и обещали платить ясак в город Тару. Страх перед русскими распространился на соседние местности и, чтобы не подвергнуться подобному же разграблению, заставил волость Тураш и волость Кирпичи добровольно сдаться.

§ 76. Следующая волость Лугуй, по всей вероятности, была объединена впоследствии с другими волостями, потому что о ней ничего не говорится. Если же делать догадки, то я читал бы Угуй вместо Лугуй, так как Угуй—большое озеро в волости Тунус, где могли проживать несколько семей, выделенных сначала в особую волость. Подобным же примером является волость Келема, которая тоже получила свое название от озера,

¹ Примеч. № 20.

называющегося по-русски Кулемба, а по-татарски Кулуба. Эта волость сейчас называется Кулебинской, и под ней надо подразумевать прежнюю волость Тураш, Кирпичи — единственное название, от которого не осталось никаких следов. До волости Барамы или, по теперешнему произношению Барабы (на татарском языке буквы м и б легко смешиваются) из-за ее отдаленности русские на этот раз не дошли. Таяние снегов и вскрытие рек положили конец их походу. Так как дальше нельзя было двигаться на лыжах, то они решили возвратиться обратно в город Тару, куда все вернулись целыми и невредимыми.

§ 77. Кроме обещания великих царских милостей письменному голове Доможирову и всем его людям, в царской грамоте сказано также, что впредь за их заслуги будет прислано из Москвы жалованье, а к будущей весне 7104 (1596) г. будет послан из Москвы на Тару новый отряд служилых людей, чтобы было можно настойчивее действовать против хана Кучума и его людей и быстрее привести к подчинению те татарские волости, которые еще не признали русского владычества. Если это было сделано, как этому можно верить, то не только Барабинская волость, но также и все татары, жившие в тех же местах в волостях Чойской, Теренинской и Карагалинской, должны были также покориться русским и платить им ясак.

§ 78. Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы или Барабинской степи, а все прочие тамошние волости названы по ее имени Барабинскими волостями. Говорят просто: «ехать Барабою» или через «Барабу», отчего незнающие русского языка произвели название Барабу. Я нашел в архивных материалах, что Теренинскую волость иногда присоединяли также к первой и таким образом говорили: путь «через Барабу и Теренью». Но название «степи» не очень подходит к этой местности, так как слово степь, собственно говоря, означает сухую, безлесную и неплодородную местность. В Сибири же немного таких плодородных мест, настолько богатых реками и покрытых такими великолепными березовыми рощами, как именно область барабинских татар. К югу от нее, вверх по Иртышу, до гор, которые отделяют Сибирь от страны калмыков, находится действительно степь. На северной же стороне до самой реки Оби наоборот тянутся густые леса и болота.

* § 79. Вскоре после того явились в Тару и отдались в руки русских чать царевича Маметкула, уже ранее взятого в плен, и с ней мурза, по имени Чин, со своей семьей и 38 рядовыми татарами. В походе Доможирова принимали участие несколько тюменских казаков, которые, вернувшись 27 мая в Тюмень, рассказывали, что на расстоянии одного дня пути от Тары их догнали два гонца, отправленных в Тобольск с известиями о прибытии в Тару матери Маметкула и мурзы Чина. Со слов казаков, тюменский воевода сообщил это известие в Москву, откуда была получена им затем царская

грамота, послужившая мне основанием для рассказа.¹ Из другой грамоты тюменского архива выясняется, что в 7104 (1596) г. было дано обещанное царское жалованье всем, принимавшим участие в Барабинском походе.

§ 80. Между тем, хан не хотел ничего слышать о каких-либо мирных переговорах. Он продолжал изредка своими набегами беспокоить Тарский уезд, и против него пришлось предпринимать в дальнейшем новый поход, который окончился настолько успешно, что хан был совершенно разбит, потерял большую часть своей семьи и все свое имущество и принужден был искать себе убежище у чужих народов, которые, в конце концов, без всякого вмешательства се стороны русских, убили его. Мне не удалось, правда, найти об этом какие-нибудь архивные известия, но все это довольно подробно описано в сибирских летописях и подробнее всего в Ремезовской. Различные другие обстоятельства, которые произошли между тем в прочих сибирских городах, могут быть отложены до одной из следующих глав этой истории. Здесь я остановлюсь на приведенных событиях, связанных с Кучумом, в виду не только их важности, но и несомненного отношения их к истории Тары.

§ 81. В 7105 (1597) г. тарский воевода князь Федор Елецкий был заменен другим воеводой Степаном Козиным, после которого в следующем году был назначен князь Иван Мосальский и в то же время в город Тобольск прибыл новый воевода Ефим Барфоломеевич Бутурлин. Козмин указывал Москве на опасность, которой подвергался из-за нападений хана Тарский уезд и беззащитные татары, жившие в деревнях. С своей стороны он постоянно проводил о тех местах, где находился хан, и о том, как лучше и удачнее произвести на него нападение. После этого Бутурлиным и князем Мосальским был получен царский указ собрать достаточное количество людей и всеми силами напасть на хана там, где он будет найден. Для этого в Тобольске и Таре поспешно вооружили 700 русских и 300 татар, с которыми князь Мосальский 9 мая 7106 (1598) г. выступил из Тары в поход.

* § 82. Точно неизвестны ни место, где русские встретили хана, ни время, когда именно он потерпел поражение. Большая продолжительность похода дает основание думать, что он был совершен куда-то далеко от Тары. Конец же этого дела был следующий: русские напали на хана в его становище, убили множество татар, взяли в плен шесть его жен с тремя сыновьями и двумя дочерьми² и много знатных и простых татар, захватили все имущество ханского становища и весь скот и вернулись благополучно 23 августа в Тару, причем со стороны русских не было потеряно ни одного человека.

§ 83. Те же летописи сообщают, что знатных пленников отправили из Тары в Тобольск, а оттуда в Москву. В это время, после смерти царя Федора Ивановича, на русский престол вступил Борис Федорович Годунов. По случаю блестящей победы, одержанной в Сибири, было отслужено:

¹ Прилож. № 19.

² Некоторые летописи сообщают о восьми женах и трех сыновьях, другие о двух женах и одном сыне, не упоминая дочерей.

Москве благодарственное молебствие. Царь отпустил обратно в Сибирь казаков, прибывших с пленными, отправил с ними милостивые грамоты воеводам и золотые и денежные подарки как им, так и всем служилым людям, принимавшим участие в этой победе.

§ 84. Несмотря на успех описанного похода, победа была еще неполная, потому что не захватили самого хана и других его сыновей. Мы встретимся с некоторыми из последних позже в степях реки Тобола и около Уральских гор, где они все еще продолжали оказывать сопротивление русским, приводили на русские владения врагов и причинили еще много других бедствий. Только бегство хана не имело в дальнейшем дурных последствий. Можно легко представить, что дела хана были в полном расстройстве, если сыновья не могли остаться вместе с отцом, и последний мог убежать лишь с небольшим числом слуг и счел себя в безопасности только тогда, когда достиг верховьев реки Иртыша, где уже тогда кочевали калмыки.

§ 85. В течение некоторого времени он кочевал около озера Нор-Зайсана. Но так как пребывание там не могло ему правиться, он решил вернуться в Ишимские степи, где надеялся найти свою разбросанную по разным местам семью и своих улусных людей. Это, может быть, ему удалось бы, если бы он не вооружил против себя калмыков, приказав угнать у них несколько лошадей, необходимых ему для продолжения пути. Этот поступок шел настолько в разрез с долгом беглеца, принятого дружелюбно чужим народом, что оскорбленная сторона считала себя вправе отомстить ему. Калмыки бросились за ним и догнали его на реке Нор-Ишиме у озера Каргальчина. Там были перебиты остальные его люди, и сам Кучум не избежал бы той же участи, если бы снова не спасся поспешным бегством. Некоторые летописи сообщают, что он отправился в Казахскую орду, другие же и особенно Ремезовская указывают здесь на ногайцев. Ко всему этому надо еще прибавить третье известие, именно Абулгази,¹ который в рассказе о гибели хана упоминает о манкатах, под которыми его толкователь разумеет кара-кашаков.

* § 86. Но как бы то ни было, все летописи сходятся на одном, а именно, что Кучум погиб тогда насильственной смертью среди одного из этих народов. * (а) Составитель Ремезовской летописи говорит, и это известие я могу припять, что ногайцы претерпели много притеснений со стороны отца Кучума хана Муртазы, как владыки Великой Бухарии.² За него они отомстили сыну, от которого ничего хорошего тоже не ждали. Так или.

¹ Гл. 1, § 84.

* (а) В тексте 1750 г. далее было следующее примечание:

В царской грамоте 7131 году в Тюмень, при упоминании разных заслуг некоторого тамошнего казака, объявляется сему противное; ибо казак сам о себе сказал, что он между прочею службою также был в походе против хана Кучума, которого они, заставши при реке Оби, убили, а жен и детей его в полон взяли. Но может статься, что сей казак хотел безмерным хвастовством службу свою возвысить, чего ради надежнее будет последовать прежде объявленным известиям. Однакож вышезначенную грамоту здесь сообщаю (см. приложение № 100).

² Гл. 1, § 71.

иначе, по Кучум был убит, и оставшиеся при нем люди были обращены в рабство. Я не останавливаюсь на летосчислении Абулгази,¹ когда он относит бегство хана Кучума из Сибири к 1003 г. по магометанскому летосчислению, т. е. к 1594 или 1595 г. Так как русские не раз нападали на Кучума, преследовали его и обращали в бегство, то трудно сказать, о каком именно случае бегства говорит Абулгази. В виду того, что указанный историк, как и сибирские летописи, сообщает очень мало о том времени, когда погиб хан, то и нам приходится говорить об этом еще меньше.

---

¹ Part. VIII, cap. II.

Г л а в а п я т а я

СТРОЕНИЕ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ НАРЫМА, КЕТСКА, ВЕРХОТУРЬЯ, ТУРИНСКА. МАНГАЗЕИ, ТОМСКА И КУЗНЕЦКА И О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ ТЕХ МЕСТ

§ 1. Сибирь всегда славилась изобилием драгоценных мехов. Это обстоятельство весьма содействовало дальнейшему распространению русской власти в Сибири, так как привлекало туда множество людей, которые приезжали из России не только ради выгодной торговли, но также для охоты на ценных пушных зверей. Таких людей называли общим именем промышленных людей. Они отваживались заходить в отдаленейшие места Сибири и благодаря этому получали такие сведения о местных условиях и тамошних жителях, которые были крайне нужны воеводам уже построенных городов, если они хотели иметь успех в своих далеких предприятиях. Если отряды служилых людей были недостаточно сильны, чтобы покорить вновь открытые народы, то партии промышленных людей добровольно помогали им. Один за другим шли они постоянно все дальше и дальше в глубь страны. Жившие там народы, которые не знали до того никакой чужеземной власти, обычно без сопротивления подчинялись своим страшным гостям; там же, где можно было ожидать сопротивления, применялась со стороны русских сила, пока в обеспечение спокойствия не удавалось захватить в качестве аманатов нескольких видных людей. Если вновь открытая земля была настолько удалена от основанных уже городов, что не было возможности держать ее оттуда в полном подчинении, то строили новые города или остроги, в которые назначались особые воеводы и посылались служилые люди.

* § 2. Едва был построен город Сургут, как вся река Обь дальше вверх по течению была обследована отчасти промышленными людьми, отчасти сургутскими казаками, и все жившие по ней остыки были обложены ясаком. Это дало повод к основанию города Нарыма, хотя он первоначально не носил названия города, а только острога, так как для защиты был окружён только стоячим тыном. Я не нашел точных сведений, в каком году это произошло. Сибирские летописи пишут, правда, что этот город построен в том же году, как и город Сургут, но так как нигде не находится указания, что строение производилось присланым из Москвы воеводой, и в виду того, что в первое время гарнизон острога состоял из сургутских казаков, которых

сменяли ежегодно, то можно предполагать, что построение острога произошло по усмотрению сургутских воевод. Таким образом, могло, пожалуй, пройти года два от построения города Сургута до построения города Нарымы, а потому я нахожу возможным начало последнего отнести к 7104 (1596) г.

§ 3. Название Нарым, которое первоначально чаще выговаривалось Нерым, означает на языке сургутских остыков болотистую местность, и потому сургутские остыки называют нарымских остыков Норым или Норынг-ях. Хотя в Сургутском уезде также имеются болота, то все таки в этом отношении он находится в лучших условиях по сравнению с Нарымом, в котором местности по рекам Тыми и Кети были такими низкими и болотистыми, что могли дать основание к названию всего уезда Нарымским или болотистым.

§ 4. После того, как был построен Нарым, русские продолжали продвигаться вверх по Оби и по реке Кети, приискивая пути в более отдаленные места. Всюду, где жили остыки, благодаря природной робости их или миролюбию, служилые люди не встречали никакого сопротивления. Я следую здесь общему обыкновению, по которому с давних времен под наименованием остыков разумеются различные народы, которые хотя и говорят на разных языках, но сходны между собой образом жизни. Таким образом, Сургутский уезд распространился тогда вверх по Оби почти до реки Томи, и по этой причине к нему причислялась также вся река Кеть.

* § 5. Но вскоре после того нашли необходимым заложить на Кети особый острог, который по имени реки стал называться Кетским. Сначала в него посыпали служилых людей из Сургута, которые ежегодно сменялись. После этого он долгое время имел отдельного воеводу, присылавшегося из Москвы. Теперь же он подчинен Нарыму. Год построения его нигде не указан. В Сургутской городовой канцелярии от бывших в разные времена пожаров все старинные дела сгорели. Архивы же Нарымского и Кетского острогов начинаются с тех лет, когда туда стали посыпать особых воевод из Москвы, а потому нет ничего удивительного, если в нашей Истории кое-где окажутся небольшие пробелы, которые остаются пока ничем не заполненными.

§ 6. Хотя все протекало весьма счастливо для русских, но все таки нельзя обойти молчанием, что иногда случались неудачи, которые могли повлечь за собой плохие последствия. Я разумею частые восстания народов Сибири, которые хотели вернуть себе прежнюю свободу. Причины этих восстаний могли быть разные, но мы не ошибемся, если выделим одну, как главнейшую и самую обычную, которая остыков, видимо, чаще всего приводила к восстанию.

§ 7. У всех восточных, в особенности же у сибирских, народов существует обычай встречать небольшими подарками приезжающих к ним гостей и особенно воевод и других начальников. Это так нравилось сибирским воеводам и служилым людям, что они часто, не довольствуясь тем, что приносилось им добровольно, разными насилиствами вымучивали гораздо больше. Это

приводило к тому, что остыки и другие народы, не разбираясь в подобных насилиях, совершаемых отдельными лицами, считали их присущими всем представителям русской власти и, будучи доведены до отчаяния, не щадили иногда своей жизни, когда представлялась малейшая возможность освободиться от такой власти. Такая надежда легко могла появиться у них, принимая во внимание отдаленность тех мест и малое количество служилых людей в сибирских городах и острогах.

* § 8. Подобное восстание едва не произошло в 7106 (1598) г. среди нарымских остыков, но против него были приняты своевременно соответствующие меры. Одна из остыков не захотел нарушить верность русским и поспешил в Сургут, чтобы уведомить о грозящей русским опасности. Тогда сургутский воевода князь Яков Барятинский послал подробно расследовать все это дело, и 10 остыков, руководителей восстания, из коих самым видным был Басарга, прежде чем они могли что-либо предпринять, были повешены. Что же касается доносчика, который сообщил о предполагавшемся восстании, то он был крещен и за проявленную им верность припята казацкую службу. Я нашел известие об этом в челобитной этого остыка, которую он подал в Тобольске в 7143 (1635) г.¹ Он перечисляет там еще многие другие свои заслуги, оказанные им русской власти при подобных же обстоятельствах в Кетском остроге.

§ 9. Вскоре после того, как он был послан в Кетский острог служить в казаках в тамошнем гарнизоне, он заметил, что кетские остыки замышляют что-то недоброе и собираются итти скопом, чтобы взять приступом Кетский острог. Об их намерении он сообщил воеводе Постнику Бельскому, который захватил самых видных из них и подверг их жестокому телесному наказанию. В это самое время или немного позже кетские остыки убили 20 служилых людей, которые прибыли к ним для сбора ясака, и сами бежали вверх по Кети в местность, где позднее был построен Маковский острог. Чтобы подстеречь их заслуженному наказанию, был послан из Кетского острога отряд служилых людей во главе с десятником Ушаком Петровым, и с ними вместе поехал упомянутый крещеный остьяк в качестве переводчика. Им посчастливилось путем уговоров привести беглецов в Кетский острог.

§ 10. Несколько лет спустя оба острога, как Нарымский, так и Кетский, пострадали от высокой воды в реке и размывания берегов, что и послужило поводом к поискам для них более удобных мест.² Первое сообщение об этом сделал нарымский воевода Мирон Тимофеев сын Хлопов, который писал в Тобольск, что ему было приказано внутри Нарымского острога построить церковь Покрова Богородицы, но это оказалось невозможно: в остроге нет и сажени свободного места, так как берег сильно подмыт водой, а отступя от берега для острога нельзя занять больше места из-за тамошних болот; воевода полагал, что острог необходимо перенести в более удобное место, которое можно найти поблизости вверху или внизу Оби.

¹ Прилож. № 102.

² Прилож. № № 79—82.

§ 11. Когда известие об этом было получено в Москве, то там как раз в это время находился сургутский казацкий голова Тугарин Федоров, который долгое время служил в Нарыме. Когда его спросили по поводу острогов, он предложил снести оба острога и вместо них на верхнем устье реки Кети, называемом Тогурским, построить настоящий город, который одновременно может заменить оба острога. Но против этого предложения последовало из обоих острогов много возражений. Указанное место находили недостаточно подходящим, а необходимость сохранения Кетского острога выше по реке Кети была очевидной, если только не хотели отказаться совершенно от дальнейших завоеваний в том направлении.

§ 12. Перенесение острогов затянулось на долгое время, пока из-за увеличивающихся с каждым годом обвалов берега оба острога стали совершенно непригодны для жилья. Одна из отписок тогдашнего тобольского воеводы к нарымскому¹ указывает нам время, когда, наконец, решено было дело о переносе Нарыма; это произошло в 7121-м или 7122 г. О месте, куда был перенесен острог, письменных известий не сохранилось, но из устных рассказов местных жителей известно, что Нарым был перенесен только один раз, и что теперешнее его место как раз то, которое тогда было выбрано. Прежнее место лежит на Оби ниже нынешнего в 16 верстах и известно под названием Старого городища.

§ 13. В то же время перенесен на другое место Кетский острог, как это можно заключить из одной отписки, посланной боярам в Москву.² Хотя в отписке говорится о перенесении острога на новое место, недалеко от прежнего при озере, но это предположение не было выполнено, так как теперешний Кетский острог стоит, как и предыдущий, при реке Кети. Различие состоит в том, что прежний острог стоял на 215 верст выше и находился на северном берегу, в то время как теперешний стоит на южном берегу.

§ 14. О том, что около города Нарыма, как прежде думали, жили пегие люди, которые назывались Пегой ордой, говорилось уже выше.³ Я нашел об этом несколько грамот,⁴ содержание которых я здесь приведу. Первая говорит нам о князе Пегой орды, по имени Кичее, который в 1602 г. ездил в Москву; в ней определенно сказано, что он был из Нарыма, и Нарым тогда зависел от Сургута. Согласно второй грамоте отряд березовских служилых людей побывал в Пегой орде и даже взял там городок. В двух других упоминается про князда Пегой орды Тайбохту, от имени которого произошло название реки Тайбохтиной, впадающей в Кеть с севера и в 10 верстах от Нарыма. Тайбохта жил на этой реке. Из третьей грамоты видно, что ясак с остяков был тогда исключительно велик и равнялся 11 соболям на каждого взрослого мужчину.

¹ Прил. № 84.

² Прил. № 83.

³ Гл. 4-я § 60.

⁴ Прил. № № 50, 51, 73 и 75.

**Рис. 12. Покорение Брязгою Аримзянской волости.
(Ремезовская летопись, ст. 73.)**

§ 15. Теперь на некоторое время мы должны вернуться к местности по реке Туре, чтобы упомянуть о двух городах, которые были вновь построены на ней. Первый из них был Верхотурье, который получил свое название по своему положению, как построенный в верховьях реки Туры. Второй город, для которого не нашли другого более подходящего названия, был назван по той же реке Туринском.

* § 16. Поводом к построению города Верхотурья послужила трудная и далекая дорога через Чердынь к Лозвинскому городку. Вместо этой дороги на верховья реки Туры в 7105 г. неким Артемием или Артюшкой Бабиновым была указана другая более близкая и удобная дорога через Соликамск.¹ Эта дорога была тщательно вымощена. Потомки этого Бабинова живут поныне в деревне Чикмане в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича,² данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда.

§ 17. У конца этой дороги, там, где она подошла к реке Туре, было признано необходимым иметь укрепленное место, подобное тому, которое было на Лозве. Но это делало Лозвинский городок ненужным. Около него было очень редкое vogульское население, поэтому было излишним тратить средства на содержание этого городка, так как vogулами можно было удобно управлять и держать в подчинении частью из Пелыма, частью из нового города Верхотурья. Лозвинский городок был срыт, а служилые люди из него были использованы при построении и заселении города Верхотурья.³

* § 18. На том месте, которое было избрано для нового города, находился в древности vogульский городок, который на пермском или зырянском языке называли Нером-карра. Как это отмечено в своем месте,⁴ ни в коем случае не заслуживает доверия сообщение Страленберга о том, что будто бы Ермак по прибытии своем в Сибирь построил тут первый город. Старое пермское название этого места сохранилось в наименовании небольшой речки Неромки, которая впадает в Туру в двух верстах ниже города. Город стоит на высоком утесе, который со стороны реки очень крут; здесь, как говорят, находился старый vogульский городок, и на этом же месте был поставлен внутренний острог. В одной из царских грамот,⁵ которая находится в верхотурском архиве, найдено мною описание этой местности до построения города. Крутой утес возвышался на 12 и более саженей над поверхностью реки, в длину же по реке он был равен 60 большим саженям. К этому нужно еще прибавить, что река отделяется от остальной местности двумя буераками, по которым протекают пебольшие речки, берега же реки здесь довольно крутые.

¹ Прилож. № 29.

² Прилож. № 93.

³ Прилож. №№ 27 и 28.

⁴ Гл. 2, § 44.

⁵ Прилож. № 25.

§ 19. Хотя по своему естественному положению это место казалось удобным для построения города, но все же его нельзя признать подходящим для этого. Не говоря уже о неровности земли, которая происходит от буераков, самая почва здесь слишком камениста и болотиста, так что не везде она пригодна под пашню. Река там недостаточно глубока, большие нагруженные суда могут ходить по ней только ранней весной, а лежащие вокруг местности слишком лесисты, чтобы прокормить большое сельское население. Однако, цель, которую имели в виду при построении города, была достигнута. Если город не имел возможности сильно расти, все же по своей величине он был не из последних. Для улучшения судоходства в реке стали грузить суда не в городе, а несколько ниже, в 40 верстах от него.

§ 20. Наблюдение за строением города было поручено воеводе Василию Петрову сыну Головину и голове Ивану Васильеву сыну Воейкову. Людей, нужных для построения города, они должны были набрать в Перми, отчего их отправление затянулось. Время построения города, указанное в грамотах¹ и в летописях, — 7106 (1598) г. примечательно тем, что в этом году умер царь Федор Иванович и вступил на престол царь Борис Федорович Годунов. Тогда же была построена в Верхотурье соборная Троицкая церковь,² которая существует там до сих пор, хотя прежняя была деревянная.

§ 21. Верхотурский уезд был тогда очень большой. По реке Туре он граничил с Тюменским уездом, на севере к нему были приписаны все vogулы, которые прежде зависели от Лозвинского городка, за исключением, впрочем, тех, которые жили ближе к Пелыму и отошли к этому городу. К югу он простирался до реки Чусовой и Сылвы. Vogулы, жившие здесь, были до того времени в ведении города Чердыни, но так как они были слишком удалены от него, к тому же часто жаловались на притеснения пермских сборщиков ясака, то состоялся царский указ о присыпке их к Верхотурскому уезду. Ясак, собранный в Верхотурье в первый год, состоял из 30 сороков соболей, кроме много другой мягкой рухляди, а именно куниц, бобров, выдры, лисиц и белок. О приеме в Москве ясашной казны в следующем 7107 г. сохранилась в Верхотурье соответствующая грамота.³

§ 22. При построении Верхотурья имелось, несомненно, в виду, что в нем, ближайшем к России сибирском городе, через который ввозились и вывозились товары, должна быть учреждена таможня и должен быть тщательный досмотр всех проезжающих. В виду этого в 7108 (1600) г. в Верхотурье был построен для поклажи товаров большой гостиный двор,⁴ причем был издан строгий указ, чтобы торги во всем Верхотурском уезде производились только на гостином дворе в Верхотурье.

§ 23. Построение города Верхотурья было одним из первых дел царя Бориса, касавшихся Сибири; в последующие годы он продолжал заботиться

¹ Прилож. № 26.

² Прилож. № 46.

³ Прилож. № 32.

⁴ Прилож. № № 38 и 101.

об увеличении доходов государства и строении новых городов в Сибири и введении там лучшего управления. Примечательное обстоятельство, принадлежащее не столько к сибирской, как к общей русской истории, заключается в том, как царь Борис, получивший царский престол путем убийства царевича и наследника престола Димитрия Ивановича, старался ласками и милостями снискать себе расположение народа. В архивах Верхотурья, Пелымы, Тюмени и Тары сохранились его указы,¹ в которых говорится, что ради восшествия его на всероссийский престол и коронования его на царство, а также многолетнего здравия наследника его Федора Борисовича все сибирские татары и прочие сибирские народы милостию освобождаются от обычного ясака на 7108 год. По другому же указу,² который ссылается на предшествующий, предписывается, наоборот, чтобы в 7109 г. был возобновлен снова сбор ясака. В этом указе имеются различные дополнительные распоряжения, имеющие целью предупредить всякие злоупотребления по сбору ясака. Они сохраняют свою силу до сих пор, и повторение их не является лишним.

§ 24. Легко представить себе все те трудности, которые приходилось испытывать из-за подвод всем приезжавшим по государственным делам в Сибирь, тогда еще слабо населенную русскими. Вся тяжесть подводной повинности падала исключительно на туземцев, а те часто не имели возможности дать столько подвод, сколько требовалось. Горькие жалобы vogulov, живших по большой дороге Верхотурского уезда, поданные ими по этому поводу в 1599 г.,³ по всей вероятности, дали повод к поселению в разных местах Сибири ямщиков. Они обязаны были ставить даром подводы, но зато получали значительные пашенные земли, с которых не должны были платить податей.

* § 25. Этой же причине обязал своим возникновением город Туринск. Между Верхотурьем и Тюменью на половине дороги надо было иметь ямскую слободу, для чего было выбрано то место, где жил самый известный в тех местах князец Епанча,⁴ по имени которого новый город в просторечии часто называется Епанчиным. Об его строении имеется несколько грамот и среди них наказ голове Федору Осипову сыну Янову, которому было поручено наблюдение за постройкой и заселением города.⁵ Туринским назывался тогда еще не город, а только острог, который в скором времени получил права города. Я изложу кратко содержание этого наказа.

§ 26. Незадолго до этого Янов был послан вместе с князем Лукой Осиповичем Щербатовым в Тюмень, чтобы помочь последнему на воеводстве. Весною 1600 г. Янов получил указ отправиться на место жительства Епанчи, чтобы устроить там ямскую слободу, и для того набрать 50 семейств

¹ Прил. № 31.

² Прил. № 39.

³ Прил. № 30.

⁴ Гл. 2, § 45.

⁵ Прил. № 33.

и, сверх того, поселить там же 100 семей пашенных крестьян. Для защиты слободы от неприятельских нападений необходим был острог, построению которого Янов положил начало. 30 человек казаков, данных ему из Тобольска и Тюмени, и 20 плотников с Верхотурья выполняли эту работу. По окончании постройки острога плотники были посланы обратно на Верхотурье, казаки же должны были остаться служить в новом остроге. Янов взял также из Тюмени две пушки со всеми припасами к ним, другие же две были присланы ему с Верхотурья. 55 семей пашенных крестьян и 6 семей ямщиков были уже отправлены из Казани на Верхотурье для поселения в Сибири. Остальных же определено было набрать из охочих людей.

§ 27. Что построение города Туринска произошло в 1600 г., ясно из царской грамоты 12 октября 7109 г.¹ о построении там первой церкви. Согласно грамоте, Туринск представляется уже населенным местом. Сибирь в то время была в такой славе, что в России находилось много охотников, готовых переселиться туда на постоянное жительство. Большая часть переселенцев происходила из Холмогорского уезда, который позже стал называться Архангельским, а именно с Ваги, из Устюга, из Сольвычегодска и др. городов. Ямщики, ради которых был построен город Туринск, первоначально поселились внутри острога, но в скором времени им было разрешено жить вне острога. Они выбрали себе место, где когда-то жил князец Епанча,² которое и поныне называется Ямской слободой. По рассказу тамошних татар, Епанча будто бы тогда был еще жив и добровольно уступил свою землю русским, сам же стал жить после того в Енбаевых юртах, в 14 verstах от Туринска вниз по Туре; вот почему жители этой деревни выдают себя до сих пор за потомков Епанчи.

§ 28. Чтобы образовать для нового острога уезд из татарских волостей, в следующем году приказано было присоединить к нему те волости, которые лежали от Тюмени вверх по течению Туры и находились ближе к новому острогу.³ Это касалось также тех 50 человек татар, которые жили вместе с князем Епапчей и о которых брат Епанчи Тувонга, в поданной им челобитной, просил, чтобы им платить ясак в Туринске. Хотя в Тюмени возражали против этого и заявляли, будто бы Янов велел написать эту челобитную вопреки желанию татар, но все же просьба Тувонги была удовлетворена, так как справедливость ее была очевидна.

§ 29. С другой стороны, среди волостей, переданных из Тюмени в Туринск, находились такие, которые были очень удалены от Туринска и подошли ближе к Верхотурью; поэтому в 1602 г. они были взяты из Туринского уезда и присоединены к Верхотурскому,⁴ причем границей между уездами обоих городов было положено устье реки Тагила.

¹ Прилож. № 37.

² Прилож. № 40.

³ Прилож. № № 35, 41 и 42.

⁴ Прилож. № 48.

§ 30. К истории построения города Туринска надо еще добавить, что первый острог построен был весьма плохо и потому через три года, в 1603 г., его пришлось делать опять почти заново.¹ Тогда же принялись усердно за исправление большой дороги между Верхотурьем и Туринском вдоль реки Туры; она была очень неудобна в летнее время из-за большого числа речек и болот, кроме того, вследствие извилистости реки Туры ее приходилось много раз переезжать. Поэтому стали искать более близкую и более сухую дорогу и нашли таковую через так называемый Тагильский волок,² по которому с тех пор стали ездить с большими удобствами.

* § 31. Одновременно с Туринском на реке Тазе началось строение города Мангазеи при следующих обстоятельствах. Уже за несколько лет перед тем из Березова начали проводывать места, лежащие к востоку, по рекам Пуру, Тазу и Енисею. На реке Тазе нашли самоедов, которые называли себя мокосе, и это обстоятельство послужило основанием для названия тамошних мест по-русски Мангазеей. Эта местность была особенно хорошо известна русским и зырянам, которые жили по рекам Двине и Печоре и в поисках соболей и для торговли часто ходили в эти места; некоторые из них тайно собирали ясак с тамошних самоедов в свою пользу, как будто бы они были посланы по государеву указу.

* § 32. В сибирских летописях рассказывается, что уже во времена царя Федора Ивановича, в 1606 г., был послан из Москвы Федор Дьяков для проводывания мангазейских мест до самой реки Енисея и для обложеия ясаком тамошних народов. Вместе с служилыми людьми,анными ему из Тобольска, он побывал в тех местах и собрал там для государя первый ясак, с которым вернулся в Москву в 1608 г. Построение же города Мангазеи началось не ранее 1608 г. и было приведено в исполнение двумя письменными головами князем Мироном Шахонским и Данилой Хрипуновым и сотней тобольских казаков. Кроме царской грамоты,³ находящейся в березовском архиве, и сохранившегося частично наказа,⁴ данного в 1609 г. на имя следующих мангазейских воевод, у нас нет других исторических данных, которые могли бы служить для разъяснения обстоятельств, сопровождавших построение этого города.

§ 33. Путь в Мангазею шел по воде. Назначенные в этот город служилые люди, часть которых составляли березовские казаки, строили нужные им суда, 4 коча и 2 коломенки, в Березове. Коломенки должны были служить для перевозки съестных припасов, но, к несчастью, в Обской губе они потерпели крушение, причем часть припасов погибла, другая же была подмочена. Что касается внешнего вида коч, то они были похожи на теперешние галиоты, имели в длину около 12 саженей и покрыты палубой, были плоскодонные и сидели не слишком глубоко. Малое знание

¹ Прилож. № 52.

² Прилож. № 49.

³ Прилож. № 43.

⁴ Прилож. № 45.

морского дела было причиной того, что на кочах ходили только с попутным ветром и почти совсем не умели пользоваться боковыми ветрами. На таких же судах ходили в старину из Архангельска в Мезень, Пустозерск и на Новую землю. Коломенки же — большие барки, которые до сих пор употребляются на разных реках в России.

§ 34. Видимо, в то время еще не знали хорошо, как ездить в реку Таз через Обскую губу, и потому часть пути всегда совершилась по суше. Самоеды помогали тем, что давали своих олешей для перевозки тяжелых предметов и съестных припасов. Для служилых же людей было уже привычным делом ходить на лыжах.

§ 35. Известия, которые вскоре после этого пришли из Березова в Москву, были очень неблагоприятны. Самоеды, которых, как полагали, подучили выряне, торговавшие с ними обычно на реке Тазу, встретили князя Шаховского на расстоянии одного дня пути от реки Пура, убили 30 людей, разграбили весь его груз, а сам он с оставшимися в живых служилыми людьми принужден был спасаться бегством на лыжах. Это происшествие послужило поводом для посылки в Мангазею в следующем 7109 (1601) г. новых воевод с служилыми людьми, которые должны были привести в исполнение то, что не удалось выполнить до сих пор.

* § 36. Новыми воеводами были назначены князь Василий Масальский и Савлук Пушкин. В наказе этим воеводам, сохранившемся в туруханском архиве, не достает в начале некоторой части, где, по всей вероятности, говорилось подробно об отправлении прежних воевод. Из сохранившейся части мы узнаем много других подробностей, которые касаются вообще истории Мангазеи и, в частности, отправления вторых воевод.

§ 37. К сведениям первого рода относится то, что уже тогда имелись некоторые, хотя и неточные, сведения о реке Енисее: не зная, что это название принадлежит одной реке, давали его всей местности, которая граничила с Мангазеей. Оба названия — Мангазея и Енисея — в наказе часто стоят рядом. Дальше видно, что русские и зырянские промышленники до построения Мангазеи имели в тамошних местах несколько острогов, проживая в которых, они безопаснее торговали с самоедами. В наказе упоминается прежний остяцкий городок, который находился в Обской губе и назывался Пантуевым городком. В конце наказа узнаем, что местом для построения города Мангазеи было первоначально намечено устье реки Таза, но, вероятно, оно оказалось неудобным для этой цели и, может быть, уже первые воеводы, остановившиеся со своими служилыми людьми на среднем течении реки Таза, нашли более подходящим именно здесь построить город.

§ 38. Что касается подробностей отправления новых воевод, то было решено построить на Верхотурье для них и для их служилых людей 9 кочей и 2 больших лодки, на которых можно было бы плыть по морю. Приказано было также лать им служилых людей едное больше, чем было у князя Шаховского. В Тобольске предлагалось взять 100 человек, в Сургуте 30 и в Бе-

резове 70. Вместе с тем было указано, какое количество пушек и снарядов они должны были захватить из Тобольска и Березова, а именно из каждого города по 4 пушки, из которых две были скорострельные, и необходимое количество ядер, пороху и свинцу.

§ 39. Нет причин сомневаться в выполнении этих распоряжений, так как известно, что в прежнее время никогда не делались приказания, вызывавшие сомнения в их выполнимости или сопряженные с большими трудностями, почему и выполнение их было всегда точным и рачительным. Воеводы должны были еще в то же лето дойти до Мангазеи. В качестве лодманов и проводников им предлагалось взять из Березова на каждое судно необходимое число зырянских и русских торговых людей, которые знали бы местность и водные пути, а также языки живших там народов. Особенное внимание обращалось в наказе на оказание помощи прежним воеводам князю Мирону Шаховскому и Дапиле Хрипунову, если они встретили в чем-либо препятствие при построении нового города или если самоеды принудили их искать для безопасности другое место. Главнейшее же поручение, которое воеводы должны были выполнить, состояло в построении города, если это еще не было сделано прежними воеводами. Для города опять указывалось место в устье реки Таза, но на усмотрение воевод было предоставлено, в случае надобности, избрать другое место и предлагалось, в частности, выяснить, нельзя ли использовать для нового города один из острогов, построенных промышленными людьми.

* § 40. Из наказа видно, что тогда еще было неизвестно, построен ли Мангазейский город князем Шаховским, но теперь мы знаем вполне точно, что именно он был его строителем. Правда, об этом нет прямых известий в грамотах.¹ Но помимо того, что построение города сибирские летописи приписывают именно князю Шаховскому, а в других архивных материалах мы не нашли ничего, что противоречило бы этому утверждению. В Мангазее сохранился наказ третьим воеводам от 25 января 7111 г., в котором часто упоминаются воевода князь Василий Масальский и Савлук Пушкин, но ни разу не говорится, что город был построен ими. Наоборот, о построении города говорится, как о деле совершенном прежде, и только приказывается принять меры к построению в нем церкви, которой до того времени там не было.²

¹ В Мангазейском росписном списке 7154 г. упоминается среди других документов «роспись государевым всяким делам Мангазейского города прошлых лет со 109-го году по 141-й год». Это может, во всяком случае, служить доказательством, потому что если были приказные дела от 7109 г., то они не могли производиться никем иным, как князем Мироном Шаховским, а следовательно, город был уже тогда им построен.

² В «Летописи о многих мятежах» сказано, что князь Василий Масальский был строителем Мангазеи, причем это место читается так: «Тоя же зимы послал в Сибирь послов своих и повелел поставить город Мангазею. А ставил город князь Василий Масальской Рубец». Однако составитель этой летописи, поскольку он касается истории Сибири, является человеком малосведущим, и потому приходится больше верить известиям, находящимся в сибирских летописях и архивах.

§ 41. Для города Мангазеи князь Мирон Шаховской нашел удобное место на восточном берегу реки Таза, в 200 верстах от устья. В данное время этот город больше не существует, так как с течением времени он был оставлен, а вместо него основали Новую Мангазею на реке Турухане. Город был окружён четырехугольным острогом, внутри которого находилась соборная Троицкая церковь. Вне острога, среди дворов местных жителей, находились еще две церкви, одна во имя Успения пресвятой Богородицы и другая во имя Макария Желтоводского. Естественное положение города было удобным и безопасным. Довольно большая речка, называемая Осетровкой, а по-самоедски Сулей-яга, протекала около города и впадала в Таз выше города. Несколько ниже города находилась другая речка Ратиляха, а по-самоедски Тирма. Реку Таз от ее устья можно было проехать на лодках в 9 дней, близ же по течению от города до устья, во время весеннего половодья, путь совершали всего в $2\frac{1}{2}$ —3 дня. В отношении высоты места положение теперешнего города Новой Мангазеи или Туруханска мало отличается от прежнего, потому что в обоих местах в одно и то же время наблюдается одинаковая продолжительность дня и ночи.

§ 42. Нетрудно догадаться, что в Мангазее принимали все меры к тому, чтобы получить точные сведения о местностях, лежащих далее на восток, и особенно о реке Енисее, так как уже князю Шаховскому было приказано обследовать лежащие там земли и наложить на них ясак. Без сомнения, промышленные люди уже давно имели сведения об этих землях, и теперь у них не было причин скрывать об этом, так как с построением города Мангазеи они все равно не могли уже свободно двигаться в том направлении. Если они хотели идти куда-либо в отдаленные местности, то им приходилось об этом объявлять. Так как самая близкая дорога с Таза на Енисей кончалась при устье реки Турухана, то это послужило основанием для строения там зимовья, которое по реке называлось Туруханским, а так как там кончался волок, оно именовалось «на Енисейском волоке» и, наконец, по построенной там же вскоре церкви Николая Чудотворца оно называлось также «у Николы Чудотворца». Из этого зимовья образовался впоследствии теперешний город Туруханск. Когда все это случилось и как прежний город Мангазея окончил свое существование, будет рассказано в своем месте.

* § 43. Теперь нам следует вернуться к местностям по реке Оби, где особенно замечательным было в то время построение города Томска, начатое и завершенное в 7112 (1604) г. весьма удачно и с немалой пользой для тех мест.¹ До построения Томска окрестная страна зависела от Сургута, хотя один из здешних татарских родов, так называемые еуштицы (по-татарски «еушта», во множественном числе «еушталар») считал, что все соседние татары подчинены им. Когда же власть русских укрепилась в этих местах, их князь Тоян поехал в Москву, где 25 марта 1604 г. подал челобитную, в которой со всем своим родом и улус-

¹ Прим. № № 54 и 55.

выми людьми, которых насчитывал до 300 человек, добровольно подчинился русской власти. Он обещал также помочь покорить жилих в соседстве киргизов, чатских татар и теленгутов, местожительство и численность которых он указал в своей челобитной. Тоян предлагал построить в его родных местах городок, который, по его мнению, принесет русскому государству большую пользу. Для себя же и своих еуштинцев он выпросил освобождение от ясака.

§ 44. Предложение о построении города было принято благосклонно в Москве. Казацкому голове Гавриле Иванову сыну Писемскому и сыну боярскому Василию Фомину сыну Тыркову приказано было осуществить это дело, что и было ими исполнено еще в то же лето. О том, как строился город, в архивных делах не сохранилось известия, но можно думать, что для этого было использовано много народа, так как работа шла чрезвычайно быстро. Среди других принимали в этом участие 100 человек кодских оставков со своим князем Онжей,¹ которые ставили себе это в особую заслугу и за что они несколько лет спустя, от царя Василия Шуйского, получили особую жалованную грамоту.

§ 45. Что касается места, которое было выбрано для города, то, пожалуй, трудно найти там другое более удобное. Река Томь, как известно, впадает в Обь с восточной стороны, но имеет с ней почти одинаковое направление и большей частью течет с юга на север. На правом или восточном берегу этой реки, приблизительно в 60 верстах от ее устья, подымается довольно значительная гора, и ее-то строители признали особенно удобной для своей цели. С речной стороны, где подъем на гору особенно крут, они заложили небольшой деревянный город. Жилые дома поместились позади города на той же горе и были обнесены стоячим тыном. Позднее же, с увеличением населения, сильно застроплась и нижняя часть под горой до самого берега реки Томи. По этому нижнему посаду протекает речка Ушай или Ушайка, которая впадает в Томь.

§ 46. Нельзя достаточно нахвалиться плодородием окружающих местностей. Повсюду лежит такой тучный чернозем, что еще никогда не было необходимости удобрять его, и притом такой рыхлый, что работа землемельца очень облегчена. Впрочем, в отношении плодородия в Сибири много мест, подобных Томску. Неоднократно пробовали удобрять эту землю в надежде, что она даст еще больший урожай, но получалось как раз обратное: развивался в длину стебель, а колос от этого значительно уменьшался. Плодородие страны должно было привлечь туда большое количество населения, поэтому-то Томский уезд самый населенный из всех сибирских уездов. Росту города особенно способствовала выгодная торговля с соседними калмыками и монголами. Множество рыбы, которую дает в изобилии река Обь, приносит жителям большую прибыль, хотя рыба здесь и ценится меньше, чем в низовьях реки Оби, где большой недостаток в других дарах природы.

¹ Прилож. № 59.

* § 47. Упомянутая челобитная еуштинского князца Тояна дает мне повод упомянуть о народах, живших тогда по соседству с городом Томском и которые, по мнению князца Тояна, без труда могли быть покорены русскими. Он прежде всего говорит о некоем народе, называемом чатами, который жил в 10 днях пути от его родных мест, где он предлагал построить город Томск. Это чатские татары, которые, действительно, позднее подчинились Томску, но тогда они, должно быть, жили где-нибудь в Барабинских степях. Они рассказывают про себя, что раньше были под властью хана Кучума. После того, как хан Кучум был изгнан русскими из Сибири, они некоторое время продержались в верховьях реки Оби, где им было присвоено имя Чать, означающее на татарском языке мыс, т. е. место, где сливаются две реки, так как на подобном месте находился некогда их главный улус.

§ 48. В челобитной упоминаются затем киргизы, которые до начала текущего столетия жили в степях около реки Июса, которая позднее называлась Чулымом, и при реке Абакане. Об этом их прежнем местожительстве было выше подробно рассказано.¹ В примечаниях к «С. Центрбургским ведомостям»² они ошибочно смешиваются с киргиз-кайсаками, живущими на бухарской границе к востоку от реки Янка. Их князец во времена Тояна назывался Немча, это имя писалось также Номча и Номза. Тоян насчитывал семь дней пути до их жилищ. Из этого можно заключить, что они жили тогда где-нибудь на реке Урупе, которая, соединяясь с Июсом, образует Чулым, или же па Божьем озере, по-татарски Тенгери-куль, до которого киргизы часто доходили. В последующей истории еще много будет говориться об этом народе, то подчинявшемся русским, то вновь изменявшем им, то соединявшемся с монголами или с калмыками. Своими постоянными набегами они нанесли много вреда русским, но, с своей стороны, и русские неоднократно и весьма жестоко с ними расправлялись, пока, наконец, киргизы не ушли окончательно из Сибири к калмыкам, у которых они известны под именем бурутов.

* § 49. Далее Тоян называет некоего князда Бинея, которому было подчинено до 10 000 людей, из которых самые близкие жили в 10 днях пути от еуштинцев, самые же дальние на расстоянии до четырех недель пути. Здесь, вероятно, подразумеваются калмыки, которые приблизительно в то время, теснимые монголами, начали распространяться в степи между Обью и Иртышом; до того они обычно кочевали по ту сторону Алтайских гор.³ В челобитной говорится: «до ород, до князда до Бинея»; по-моему, здесь надо читать «до орд»... Этим обозначением они сильно отличаются от небольших народов, о которых упоминается в челобитной, так как слово «орда» употребляется на русском языке только относительно больших или многолюдных народов.

¹ Гл. I, § 17 и сл.

² 1734 г., 28 сентября.

³ Имя Бинея упоминается ниже в § 61, как имя калмыцкого князя.

§ 50. Названные затем в той же челобитной телеуты, которые в количестве до 1000 человек под властью князда Обака или Абака жили в пяти днях пути от Томска, несомненно, тот же самый народ, который в первой главе¹ этой Истории назван теленгутами. Они кочевали на западной стороне реки Оби и вели такой же образ жизни, как и другие кочевые народы в этих местах. Они изменили своей кочевой жизни только после перехода под русское подданство и поселения вблизи Томска и Кузнецка. Но это случилось не так скоро, и в течение многих лет они больше прымкали к калмыкам; если же иногда для вида подчинялись русским, то это продолжалось только до тех пор, пока они находили это для себя выгодным. Примеры этого в дальнейшем изложении встретятся нам много раз.

§ 51. Об одном народе, который также упоминается в челобитной еуштинцев, я ничего не могу сказать. Он, должно быть, назывался умаками, так как в челобитной указывается умакский князец Чита с 300 людей, до места жительства которого было 14 дней пути. Но едва ли это был отдельный народ, если его численность такая небольшая. Вероятно, это был какой-то татарский или калмыцкий род, который жил в верховьях Томи или на Оби.

§ 52. Ясное дело, что еуштины были первыми, которые должны были платить ясак в этот новый город. Согласно их челобитью, они были освобождены от уплаты ясака, но взамен этого должны были нести казацкую службу. Это была льгота, которую сибирские народы очень ценили, так как она выражала доверие к ним, и это последнее ими часто оправдывалось. В действительности же эта служба была для них трудна, особенно в прежние времена, когда им вместе с русскими приходилось часто выступать против неприятелей. Принимая во внимание незначительное жалование, которое они получали за службу, можно справедливо сомневаться, имели ли они преимущество перед ясачными людьми, так как последние целый год жили спокойно и отдавали только незначительную часть того, что получали на охоте.

§ 53. В наказе первым томским воеводам имелось обычное указание, что волости каждой местности в отношении уплаты ясака должны причисляться к тем городам, к которым они ближе расположены. На основании этого томские воеводы присоединили к себе всю реку Чулым с живущими на ней татарскими родами, которые уже за несколько лет до этого были обложены ясаком из Сургута. Так как татары, жившие на среднем течении этой реки, т. е. от устья реки Кемчука вниз по течению, зависели тогда от Кетского острога, то присоединением их к Томску был недоволен кетский воевода, потому что это уменьшало его власть и уменьшало его доходы.² Но, в конце концов, он должен был примириться с этим, так как царские указы и положение этих мест определенно говорили в пользу Томска.

¹ § 24.

² Прил. № № 56 и 57.

§ 54. От того же кетского воеводы в следующем 7113 (1605) г. было получено известие ¹ о готовившемся восстании осяков и татар по рекам Оби, Кети, Чулыму и Томи, которые замышляли уничтожить новые русские поселения, в особенности Томск и Кетский острог. Из обстоятельств этого дела видно, что это было то же самое восстание, о котором уже упоминалось выше, ² и оно не представляло опасности ни для Томска, ни для других мест, так как о замышляемом восстании стало известно до того, как оно началось.

§ 55. Таким же образом закончилось восстание осяков и татар на реке Оби, которое было вызвано насилиями, учиненными в пути двумя новыми головами, направлявшимися в Томск в 1606 г. ³ После того осяки и татары некоторое время боялись являться в город. Только киргизский князец Номча, жена которого приезжала в Томск с просьбой о принятии ее в русское подданство, горячо хотел отомстить за причиненное ей там насилие. Случай с соболиной шубой, которую новые головы отняли в Томске у его жены, так его возмутил, что за это он напал на чулымских татар. Эта алчность воевод много, вероятно, содействовала тому, что в последующее время было очень трудно совершенно подчинить киргизов.

§ 56. Сибирская история подтверждает нам, что когда с покоренными или с покоряемыми народами обращались ласково и кротко, тогда они без труда исполняли то, что от них требовали. Наоборот, они оказывали упорное сопротивление и становились свирепыми, когда их без всякого основания обижали, или когда воеводы требовали от них более того, что они могли дать им и что следовало с них брать в силу царских указов. Примеров последнего очень много, но было немало случаев и первого, и к числу их, кроме других, относится следующий случай с теленгутами. ⁴

§ 57. Строитель города Томска Гаврила Писемский уже в 1605 г. сделал попытку подчинить теленгутов, отправив к ним служилых людей. Хотя теленгутский князь Обак выразил готовность и дал обещание явиться весной со своими людьми в Томск, чтобы принести торжественную присягу, однако обещания не выполнил, так как боялся, что в городе его задержат в качестве заложника или, по сибирскому выражению, аманата. При покорении тамошних народов было, действительно, обыкновение удерживать их князей, попавших в руки русских, в залог обещанной ими верности, до тех пор, пока они не привыкали к новой власти. Обак в знак своей пружбы и желания жить с русскими в мире ограничился в дальнейшем тем, что иногда посыпал в город подарки.

§ 58. Такое положение дел с теленгутами продолжалось до 7117 (1609) г., когда была сделана новая попытка склонить Обака к совершенному подчинению русским. Дело это было поручено еупгинскому князду Тояну

¹ Прилож. № 58.

² Гл. 5. § 9.

³ Прилож. № 60.

⁴ Прилож. № 66.

и двум русским казакам, которые должны были пригласить князя Обака с лучшими улусными людьми в Томск. Они предложили Обаку оставаться заложниками у теленгутов до его возвращения, если он боится быть задержанным в Томске или какого-либо другого вреда. По требованию Обака, Тоян даже присягнул, и тогда Обак отправился с посланными в Томск, где все данные ему обещания точно были выполнены.

§ 59. Обак и виднейшие теленгуты шертовали русским на том, что пребудут в вечной верности и в беспрекословном повинении и всегда будут бороться против тех, кого русские считают своими врагами. За это Обак просил освободить теленгутов от уплаты ясака и дать ему разрешение кочевать вблизи города. Последнее было дозволено. Что же касается освобождения Обака от ясака, то воевода не осмелился это ему разрешить, а указал ему, что он может непосредственно получить эту царскую милость, если сам отправится в Москву.

* § 60. В связи с этим впервые упоминается монгольский хан, носивший гордое имя Алтын-царь, т. е. Золотой Царь. Так как он почти постоянно воевал с калмыками, то теленгуты боялись его нападения, а поэтому от русских им была обещана защита против хана. С этого времени теленгуты нередко, доставляли в Томск для продажи лошадей и рогатый скот, а иногда с ними приходили также калмыки. Но постоянная война между ними и монголами была причиной того, что они приезжали в Томск очень редко.

* § 61. В 7115 (1607) г. в Томск прибыли калмыцкие послы, которые от имени своих тайш обещали покорность русским и за это просили не только защищать их против врагов, но также и самим русским на них не нападать. Из этого обещания ничего не вышло, потому что калмыки вскоре откочевали в Приобские степи, чтобы оказать сильнейший отпор монголам. Воеводская отписка,¹ которая рассказывает нам об обстоятельствах и ходе этого дела, называет трех калмыцких тайш: Бинея, Узенея и Бакая, от которых было отправлено это посольство. Вместо Бинея в иных местах отписки стоит Изеней и Езепей, а вместо Бакая Абакай и Обокай.

§ 62. Когда известие об этом посольстве дошло до Москвы, то оттуда в следующем 7116 (1608) г. была прислана грамота, которая во всех отнопешениях соответствовала желаниям калмыков: они могли не бояться ни своих врагов ни русских, должны были принести присягу в верности и дать добровольно ясак лошадьми. Самые видные из тайши приглашались в Москву, чтобы получить великое государево жалование. Если же они не доверяют русским, а потому боятся ехать в Москву, то в грамоте предписывалось дать им заложников, которые будут оставаться у них до возвращения тайш из Москвы. Несмотря на то, что эти условия должны были быть приемлемыми для калмыков, поездка не состоялась. Препятствием явилась война, возникшая у них с монголами, из-за которой калмыки должны были отойти от Томска на далекое расстояние.

¹ Прилож. № 67.

§ 63. Известие об отходе калмыков было получено в Томске после возвращения 29 октября 1608 г. казаков, посланных к ним с извещением о царских милостях, изложенных в упомянутой выше грамоте. Казаки шли к калмыкам через землю теленгутов, которые должны были дать им с собой нескольких человек своих лучших людей, чтобы легче было уговорить калмыков положиться во всем па царскую милость. Но среди теленгутов не оказалось никого, кто бы согласился сопровождать казаков, так как теленгуты уже знали, что поблизости нельзя было найти калмыков. Они говорили, будто калмыки не только начали войну с монгольским Алтынханом и Казакской ордой или так называемыми теперь киргиз-кайсаками, но и между собой жили в несогласии. Некоторые улусы отъехали от своих тайш Езенея и Узенея и кочевали тогда на дороге, которой надо было ехать к этим тайшам, и потому они никого не пропускали, казакам же, отправленным к ним, угрожала опасность быть убитыми. Все это вскоре подтвердил теленгутский князь Обак, который прибыл в Томск;¹ кроме того, он сообщил, что калмыцкий князь Узеней умер. Русские должны были на этот раз отказаться от намерения подчинить себе калмыков, и вопрос о том, каким образом покорить себе этот народ, являлся делом будущего.

§ 64. Следующим народом, который в Томске решили присоединить к Русскому государству, были кузнецкие татары. Это решение тем легче было привести в исполнение, что оседлый образ жизни кузнецких татар, благодаря которому они оставались постоянно в одной и той же местности, весьма благоприятствовал намеченной цели. Эти татары жили по рекам Кондоме и Мразе, впадающим в реку Томь. Русские стали называть их кузнецами, потому что в этой местности находится много железной руды, из которой татары плавили железо и делали из него всякую домашнюю посуду и охотничьи принадлежности. Тогда они еще никому не подчинялись, исключая киргизов, которые иногда наезжали на их юрты, и тогда татары должны были откупаться от них подарками — своими изделиями: котлами, таганами, стрелами и т. п. Этим они надеялись спасти себя от зависимости или еще от чего-нибудь худшего.

§ 65. О начале покорения кузнецких татар в томском архиве старых лет имеется только случайное указание о том, что в 7115 (1607) г. несколько томских казаков, которые были посланы в Кузнецкие волости для сбора ясака, вернулись оттуда обратно. В 7117 г. из Томска было сообщено в Москву² о новой отправке казаков туда же и с той же целью, но они и на этот раз ничего не собрали, так как почти все волости восстали против них и ни о какой уплате ясака не могло быть речи. Более того, казаки были бы убиты восставшими, если бы князец Базаяк, оставшийся верным русским, за них не вступил. Небольшой ясак, который они все же привезли с собой, равно

¹ § 58.

² Прилож. № 62.

как и прежде собранный с Кузнецких волостей, состоял из плохих соболей. Если будет повелено наказать за такое непослушание со всей строгостью, то, по словам упомянутой отписки, это можно сделать только летом. Но в Томске в то время, в связи с другими посылками, был большой недостаток в служилых людях. Указывая на это, томские воеводы давали поспать, что для дальнейшего расширения русских владений в тех местах Томск нуждался в большем количестве служилых людей.

§ 66. В ответ на это указом из Москвы тобольскому воеводе князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому были предписано¹ послать в Томск голову Мирона Хлопова с новым отрядом, причем ему дан был наказ не только окончательно покорить кузнецких татар, но и прогнать беспокойных киргизов, которые своими набегами причиняли много вреда. Но и на этот раз ничего не было выполнено. Между тем, в конце 1609 г. к кузнецким татарам был отправлен из Томска отряд в 40 человек служилых людей, во главе с атаманом Иваном Павловым, с приказом, по прибытии на место, укрепить его тышом, чтобы быть в безопасности от всякого нечаянного нападения татар. После того несколько служилых людей были отправлены в разные волости с требованием ясака и для увещания татар, чтобы они в доказательство своей верности, послали в Томск аманатов. Но и эти посылки не принесли много пользы, так как Иван Павлов вернулся 2 февраля 1610 г. с небольшим сбором ясака. Правда, служилые люди не подверглись никаким нападениям, но они терпели там большую нужду, так как татары не хотели ни давать даром, ни продавать съестных припасов и, вопреки обычаям всех сибирских народов, морили своих гостей голодом. С целью сохранения своей жизни служилые люди вынуждены были больше думать о скором возвращении, чем о выполнении возложенного на них поручения.

§ 67. О другом отряде служилых людей, посланном в Кузнецкие волости в 1611 г., отправленная из Томска в Москву отписка² сообщает следующее: два десятника Иван Тиханов и Сидор Соломатин с служилыми людьми, точное число коих не указано, должны были в Обинской³ волости среди кузнецких татар, подвластных князю Базаяку, построить укрепление, чтобы под защитой его спокойно и с большим успехом собирать ясак. Но, прибыв в Обинскую волость, служилые люди узнали, что незадолго до их приезда там был некий киргизский посланец, который уговаривал татар перебить всех служилых людей, если те придут к ним за ясаком. Он обещал помочь киргизов, если татары, не надеясь на свои силы, дадут им весть. В виду такой угрозы, служилые люди решили не разбиваться на отряды, как хотели сделать это раньше для более удачного сбора ясака по волостям, и

¹ Прил. № 76.

² Прил. № 78.

³ Может быть, Абинская, так как часть татар, живущих в Кузнецке, из которых некоторые были припяты на казацкую службу, сами себя называли аба, во множественном числе абалар. Русские же называли их абинцами.

все остались у князя Базаяка, а в волости послали несколько татар, которых он им дал. Эти посланцы должны были сообщить татарам о прибытии служилых людей и уговорить их явиться с обычным ясаком в Обинскую волость. Но ясак привезли только татары из близлежащих волостей, да и те доставили его неполностью. Всего собрано было немного больше шести сороков соболей; и с этим служилые люди вернулись обратно в Томск.

§ 68. О том, как обстояло дело с кузнецкими татарами в 1612, 1613, и 1614 гг., не сохранилось никаких сведений, но можно предполагать, что они попрежнему продолжали оказывать сопротивление русским. Известно, что в 1615 г. для приведения их к покорности¹ был отправлен отряд служилых людей, во главе которого стоял стрелецкий сотник Иван Пущин и казацкий атаман Бажен Константинов. Они разослали всех имеющихся у них людей по волостям. Сначала служилые люди нигде не встречали сопротивления и с успехом собирали ясак, а непокорных, если таковые были, побивали и забирали в полон. Но потом неожиданно русские со всех сторон были окружены полчищем калмыков и киргизов более чем в 5000 человек, которые пришли на помощь татарам.

§ 69. Пущин так основательно и хорошо укрепил место пребывания своего отряда, что его нельзя было застать врасплох. Он выдержал настоящую осаду, продолжавшуюся десять недель, во время которой калмыки неоднократно пробовали взять его стан приступом, но каждый раз служилые люди успешно его отражали. Наконец, русские, терпя голод, вынуждены были сделать вылазку, чтобы или силой прорваться через врагов или храбро окончить свою жизнь, и без того находившуюся в величайшей опасности. Хотя точных данных о количестве служилых людей не имеется, но можно с уверенностью сказать, что если даже они все были палицо, то их все же было не больше 200 человек. Пробиться же они должны были через войско, более чем в 5000 чел. На благоприятный успех надеяться было трудно, но казакам все же удалось обратить врагов в бегство и забрать много пленников, среди которых оказалось много видных калмыков.

§ 70. После этого отважного дела татары стали с большим уважением относиться к русским и убедились в том, что нельзя надеяться на помощь калмыков и киргизов в деле освобождения от русского владычества. Ясапные сборщики, отправленные к ним в 1616 г., рассказывали о том,² с какой готовностью они снова шертовали русским и уплатили требуемый ясак. Этому, правда, противоречит сообщение одного казака,³ который говорил, что в некоторых Кузнецких волостях он не мог склонить к принятию шерти и к уплате ясака, но возможно, что винаю тому был он сам, так как не умел найти верное средство заставить татар снова подчиниться и выполнить требуемое.

¹ Прилож. № № 86 и 87.

² Прилож. № 90.

³ Прилож. № 91.

Рис. 13. Бой при Цынгальских юртах.
(Ремезовская летопись, ст. 77.)

§ 71. Несмотря на то, что в дальнейшем все шло благополучно, но в виду отдаленности и разбросанности Кузнецких волостей требовалась времена в управлении ими. Необходимо было построить среди тамошних татар особый острог с постоянным составом служилых людей и подчинить эти волости не Томску, а особым воеводам, присылаемым из Москвы. Таким образом, было положено начало городу Кузнецку, расположенному на правом или восточном берегу Томи, против устья реки Кондомы. Сибирские летописи сообщают, что Кузнецк был построен в 7125 (1617) г.,¹ согласно приказу, полученному из Москвы, отрядом служилых людей из Тобольска, Тюмени, Верхотурья и Томска во главе с татарским головой Осипом Кокоревым, казачьим головой Молчаном Лавровым и сыном боярским Остапием Михалевским. Но это известие надо принимать с некоторой оговоркой. Указ из Москвы мог быть получен в 7125 г., а также и отправка из Тобольска и других городов служилых людей, назначенных для постройки острога, могла быть в том же году. Строение же в Кузнецке первого острога произошло не ранее 7126 (1618) г. при следующих обстоятельствах, о которых говорится в архивных материалах.

§ 72. В начале 7126 г.,² т. е. в сентябре 1617 г., томские воеводы Федор Васильев сын Бабарыкин и Гаврило Юдин сын Хрипунов отправили сына боярского Остапа Харламова, иначе Михалевского, с 45 служилыми людьми вверх по Томи, с наказом построить острог при устье реки Кондобы, как она тогда называлась. Из-за наступивших рано морозов отправленные туда люди могли доехать не дальше Туруберской или Тулуберской волости, которая является первой из расположенных на реке Томи татарских волостей, подчиненных Кузнецку. Здесь они хотели зимовать. Но когда они сообщили в Томск об этом, а также о принятом ими решении в течение зимы не продвигаться дальше, там это не встретило одобрения. Из Томска посланы были туда на лыжах татарский голова Осип Кокорев и казачий голова Молчан Лавров с некоторым числом служилых людей, которым приказано было помочь Харламову в постройке острога в Кузнецке.

§ 73. После того, как Осип Кокорев и Молчан Лавров с людьми отправились из Томска 18 февраля 1618 г.,³ и в Тулуберской волости встретились с сыном боярским Остапом Харламовым, они все продолжали путь к месту своего назначения. Тут они быстро выполнили порученное им дело и сделали это тем успешнее, что не встретили никакого сопротивления и никаких препятствий со стороны татар. Они построили острог на восточном берегу Томи, против того места, где впадает Кондома, после чего Кокорев и

¹ Во 125-м году по указу великого государя и по грамоте и посылке из Тобольска по томским вестовым отцам тобольскими и тюменскими и верхотурскими и томскими служилыми людьми вверх Томе реке, на усть Бразы реки, поставлен новой Кузнецкой острог. Начальные люди были: татарской головы Осип Кокорев, да казачьей головы Молчан Лавров да сына боярской Михалевской.

² Прилож. № 9б.

³ Прилож. № 9б.

Лагров со своими отрядами вернулись в Томск. Сып же боярский Харламов остался на месте, так как в новом остроге он был назначен воеводой. Сведения, сообщаемые сибирскими летописями о построении острога при устье реки Бразы или вернее Мрасы, являются неверными, так как никогда в этом месте не было русского острога да и не мог он здесь быть построен из-за больших неудобств этой местности.

§ 74. Говоря об условиях местности, надо отметить, что положение Кузнецка было не очень выгодным. Город был построен на самом берегу реки у подножья довольно высокой и крутой горы. Необходимо было построить на горе хотя бы небольшое укрепление, которое служило бы защитой городу, но при постройке острога это было упущено, и укрепление на горе поставили только значительно позже, после одного сильного нападения киргизов. В других отношениях местность эта удобна и очень плодородна. К северу от города до Томского уезда тянутся обширные ровные поля. К югу поднимаются горы, которые тянутся беспрерывно до их соединения с большими Алтайскими горами и сами составляют часть этих гор. *

§ 75 Рассказы о строении Кузнецка завели нас далеко, и теперь мы должны вернуться обратно, чтобы посмотреть, что сделано городом Томском в отношении открытия и покорения сибирских земель, которые расположены к востоку от Томска. Я не собираюсь рассказывать здесь о том, как открывали одну речку за другой и объясняли одну волость за другой. Обширные пространства тех мест требовали, чтобы во время больших переходов придерживались направления только главных рек и тех мест, где были основаны русские поселения, и обращали больше внимания на целые пароды, чем на отдельные поколения их.

§ 76. Князец чулымских татар Исек, ¹ Мелесского рода, за много лет перед тем, когда ясак с реки Чулума вносился еще в Сургут, должен был бежать со своей родины из-за совершенного им убийства одного сургутского казака и скрывался у киргизов и у других народов на реке Енисее. В 1609 г. было получено известие, что он вернулся и тайком живет у своих. Так как всегда в деле удержания в покорности и повиновении тамошних на-

* В тексте 1750 г. далее следовало:

§ 76. Одного обстоятельства, касающегося до первого строения города Кузнецка, не могу с прочим согласиться. А именно, по двум отпискам велено было острог в 7128 году перенести на другую сторону реки, в чем тамошние казаки своим ослушанием учинили препятствие. Для сего намерения посланы были из Томска Тимофей Бабарыкин да Осип Аничков с наказом, чтоб острог построить вновь, которое строение ими того же году в действо и произведено. По тому разъяснению, что острог построенный в 7126 году острог стоял на западной стороне реки Томи? или надлежало оной перенести с восточного берегу на западной? или надлежит сие толковать так, чтоб вместо старого острогу на том же месте построить новой? или здесь говорится о другом каком месте, где еще прежде 7126 году стоял русской острог, и может быть не о городке ли Ивана Пущина? Наконец, подлинно ли переписен острог или только на прежнем месте оной вновь построен? На сии вопросы, за недостатком довольноных в приобщенных здесь архивных делах известий, ответствовать не можно. В бытность мою в Кузнецке я ни от кого не слыхал, чтоб город сперва построен был на другом месте, не на том, где ныне находится (Приложение № 97—99).

¹ Примеч. № 61.

родов многое зависело от возглавляющих их старшин, то русские положили не мало усилий на то, чтобы убедить Исека признать свою вину и просить о прощении, которое ему предварительно обещали, а от него требовали только соблюдения верности. Исек согласился на эти уговоры, явился сам в Томск и получил там обещанное прощение. Желая выразить свою признательность, он рассказал, что за его волостью на реке Кеми, впадающей в Енисей, живет некий народ, который еще не платит ясак русским. Этим рассказом воспользовались, и отряд служилых людей, проводником которых был сам Исек, без труда подчинил этот новый народ.¹

§ 77. После этого служилые люди направились дальше и вскоре, хотя и по другому пути, дошли до реки Енисея, имея в виду обложить ясаком народы, которые до того были совершенно неизвестны. Имена этих народов служилые люди слышали от киргизов. Это были — маты, маторцы, туба или тубинцы, десары или есары;² все они жили тогда по ту сторону реки Енисея, где теперь стоит Абаканский острог. Они признавали своим государем монгольского хана Алтына, которому до тех пор, по их словам, платили дань. Они подчинились русским и уплатили ясак тем охотнее, что в связи с частыми посольствами к Алтыну хану, о чем будет говориться в своем месте, стали ходить слухи о желании его самого признать русскую власть. О матах в последующие годы ничего не упоминается. Они, вероятно, были частью другого народа и, следовательно, носили другое название. Маторцы же живут и сейчас на реке Тубе или, как татары ее называют, Упсе. Тубинцы и есары или десары также достаточно известны, и об их союзе с киргизами представится еще не раз случай говорить. К ним надо добавить еще алтырцев — некоторый татарский род, который позже считался одним народом с киргизами.

§ 78. Если бы киргизы не были таким беспокойным и вероломным народом, то возможно, что господство над вновь открытymi народами продолжалось бы дольше. Прошел только один год, и эти новые владения русских были потеряны вследствие измены киргизов. Некоторые из этих народов сами присоединились к киргизам, а к другим русские не могли пожать, потому что путь к ним был прегражден теми же киргизами. Восстание киргизов началось уже в 1609 г.,³ когда к ним был отправлен отряд служилых людей за обычным ясаком. Один только князец Номча собрал ясак и послал его в Томск со своей женой, уверяя, что остальную часть привезет сам. Другие же киргизские князья, как Кочебай, Ноин и Конкай, не хотели слышать об уплате ясака. Они избили плетьми посланных к ним служилых людей и так плохо их кормили, что те почти умерли с голода. Жена Номчи рассказывала в Томске, что Кочебай и его товарищи — известные бунтовщики, которые не хотели слушать ее мужа. Позже стало известно, что киргизы напали на чулымских татар и отняли у них все, что нашли.

¹ Прилож. № 68.

² Прилож. №№ 63—65.

³ Прилож. № 69.

§ 79. Для того, чтобы приостановить дальнейшее движение киргизов, из Томска отправили 300 человек служилых людей и татар, которые выступили оттуда 25 июня, а 4 июля уже вернулись, понеся некоторые потери. Они сообщили, что встретили киргизов у реки Енисея, произвели на них в первую же ночь нападение и обратили их в бегство, причем большинство киргизов, оставив жен, детей и все имущество, бежали на ту сторону Енисея. Когда же служилые люди с добычей ехали обратно, на них совершенно неожиданно напало великое множество киргизов, и они принуждены были бежать, причем около 20 человек во время бегства были убиты и опасно ранены киргизами, а вся взятая добыча и пленники отобраны. Место встречи служилых людей с киргизами у реки Енисея указано, конечно, ошибочно, да и все это дело представляется сомнительным; зная огромные пространства тех мест, трудно поверить, чтобы томские служилые люди в такое короткое время могли пройти столь далекий путь.

§ 80. Неудача с покорением киргизов зависела от недостатка в Томске и других сибирских городах служилых людей, который не мог быть пополнен присылкой из Москвы из-за смутных обстоятельств, переживавшихся в ту пору Русским государством. Упрямство непокорных киргизов возрастало благодаря тому, что их дерзость оставалась безнаказанной. Они судили о могуществе русских по тем мерам, которые к ним применились, и покорились бы русским окончательно, если бы с самого начала видели с их стороны больше настойчивости и строгости. Правда, в дальнейшем эта ошибка в обращении с киргизами была исправлена, но русские спохватились слишком поздно, так как киргизы получили к тому времени сильную поддержку со стороны монголов и калмыков.

§ 81. Вскоре после того¹ князец Номча изменил русским, так как сын его Иппей в 1611 г. воевал Ачинскую волость на Чулыме и увел с собой много пленных. Оставшиеся в этой волости просили в Томске защиты, которая была им обещана, но оказать ее было невозможно. Затем в 1614 г. произошло общее восстание киргизов, и сам город Томск подвергался их нападению.*

§ 82. Киргизы на этот раз поставили Томск и его жителей в очень опасное положение. Не только все ясачные люди, но и служилые татары перешли на сторону киргизов. Восставшие соединенными силами 8 июня неожиданно произвели нападение в то время, когда почти все работали в поле. Самой большой опасности подвергались при этом те, которые находились вне города.

¹ Прилож. № 77.

* В тексте 1750 г. далее следовало:

Я хотя па сле не имею никаких архивных свидетельств, кроме челобитен томских казаков (прилож. № № 92 и 85), в которых они оказанную при защщении города свою службу изъявляют, однакож по нужде и такие доказательства могут быть надежными, понеже не уповательно, чтоб казаки о таком деле, которое еще в твердой памяти было, ложные обстоятельства вымыслить дерзнули. Чего ради приобщаются здесь две такие челобитные; любопытные до старинных обычаях своего отечества, между прочим, найдут в них разные известия, которые их увеселить могут.

Тогда было убито очень много людей. Хлеб на поле был сожжен или потоптан, и весь скот, принадлежавший русским, достался неприятелю. Но нет сведений о том, было ли предпринято тогда что-либо против самого города. Известно, однако, что жители сделали смелую вылазку из города, рассеяли врагов и обратили их в бегство, причем был убит киргизский князец Наян. Благодаря их храбрости весь уезд был освобожден от этого разбойниччьего гарода.

§ 83. Вероятно, следствием этого было, что в 1615 г. из Томска дважды посыпали к киргизам; эти посылки прошли не только спокойно, но даже привели к тому, что киргизский князец Исек приехал в Томск и принял русское подданство, вместе с тем и другие киргизские князья шертовали и в знак своей покорности доставили ясак.¹ Под именем киргизского князца Исека здесь, вероятно, разумеется тот князец с реки Чулым, который упомянут в § 76, потому что в это же время лаской и уговорами удалось опять привести к подчинению чулымских татар. Но так как непостоянство и измена были свойственны киргизам, то русские уже в 1616 г. были вынуждены поступить с ними со всей строгостью. В поход против них служилые люди отправились 30 сентября и только тогда могли заставить киргизов подчиниться, когда взяли приступом три их городка, находившихся в них людей порубили, жен и детей побрали в плен, а от оставшихся в живых взяли аманатов. После этого киргизы перестали сопротивляться, снова принесли шерть в верности и уплатили ясак, с которым казаки благополучно вернулись в Томск.

* § 84. В следующем 1617 г.² томские служилые люди доходили вторично до реки Енисея, хотя и не в том месте, где они напали и обложили ясаком тубинцев и модоров;³ при этом упоминается какая-то Буклинская волость, которую служилые люди тогда вновь открыли, где князем был некто Базаяк. Возможно, что они попали туда через волость на реке Кеми, покорение которой было описано выше,⁴ в таком случае буклинцы должны были жить в той местности, где потом был построен город Енисейск, или немного выше. Но как бы то ни было, нельзя требовать, чтобы все старые, уже исчезнувшие, названия были истолкованы ясно и обстоятельно. Достаточно того, что какая-то волость при реке Енисее уже тогда платила ясак в Томск.

¹ Примеч. № № 92 и 85.

² № 89.

³ § 77.

⁴ Т. 1. Г. 1. 73.